ISSN 1993-4750

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

3 (742)
2016

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
“MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY”

The year of foundation – 1940

VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 3 (742)

Moscow
FSBEI HE MSLU
2016

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Выпуск 3 (742)

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2016

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
кандидат исторических наук ***И. В. Манохин***

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК МГЛУ»

А. А. Гаджиев, д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Н. П. Баранова, канд. пед. наук, доц. (Беларусь)
З. К. Бурнацева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Б. Воронина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Р. Гаспарян, д-р филол. наук, проф. (Армения)
К. В. Голубина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
И. А. Гусейнова, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Н. А. Дудик, канд. филол. наук (МГЛУ)
Г. Ершов, Ph. D., проф. (Германия)
М. С. Имомзода, д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
К. М. Ирисханова, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
О. К. Ирисханова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. Я. Касюк, д-р истор. наук, проф. (МГЛУ)
И. А. Краева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Ф. Красноженова, д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
С. С. Кунанбаева, д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Ф. Г. Лодейро, Ph. D., проф. (Испания)
Лю Лиминь, Ph. D., проф. (КНР)
Д. С. Маркес, Ph. D., проф. (Испания)
Т. В. Медведева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Л. В. Моисеенко, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. И. Мусаев, д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Л. А. Ноздрина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Р. К. Потапова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Ю. Е. Прохоров, д-р пед. наук, д-р филол. наук, проф. (Россия)
О. А. Радченко, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
М. Н. Русецкая, д-р пед. наук, проф. (Россия)
Т. С. Сорокина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. Н. Тарасова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
И. И. Убин, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Х. Ли-Янке, проф. (Швейцария)
А. Д. Ченки, Ph.D., проф. (Нидерланды)
Н. А. Шулепов, д-р юрид. наук, проф. (МГЛУ)
М. Форстнер, Ph. D., проф. (Германия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

доктор филологических наук, профессор Г. Г. Бондарчук;
доктор педагогических наук, профессор Н. Ф. Коряковцева;
доктор филологических наук, профессор А. П. Бондарев;
доктор философских наук, профессор И. К. Харичкин

Вестник входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016

Издание зарегистрировано 10 октября 2014 г. ЭЛ № ФС77-59634 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР)

Доменное имя сайта: VESTNIK-MSLU.RU
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Попова М. В.
Зависимость социального портрета говорящего от стереотипов и иноязычного акцента как постоянного социального маркера 9

Селезень О. А.
Языковые особенности современной немецкой литературной сказки 19

Сухоруков Е. А.
Гибридизация в различных видах институционального дискурса 30

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Авдевич Н. В.
Когнитивные аспекты профессионально ориентированного обучения английскому языку (на материале вариативных терминологических и нетерминологических языковых единиц в текстах международной межрегиональной коммуникации) 37

Даминова С. О.
Методика формирования умений реферирования устного иноязычного научного сообщения у студентов вузов нелингвистического профиля 51

Денисенко И. С., Фролова Г. М.
Разработка аутентичных материалов для оценки уровня обученности английскому языку учащихся общеобразовательных учреждений 63

Жамалетдинова Э. Х.
Роль ценностных установок при формировании профессиональной компетенции студентов-культурологов 71

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Беляков Д. А.
Образ автора в романе Т. Манна «Волшебная гора» 80

Сомова Е. В.
Символика раннехристианского искусства (живопись катакомб) в историческом романе Н. Уайзмена «Фабиола» 97

Травников С. Н.
Особенности изображения времени в «Пелгримации» Ипполита Вишенского 113

ПОЛИТОЛОГИЯ

Борисова Е. Г., Манохин И. В.
Феномен «Болотной площади» как свидетельство формирования нового социально-политического типа в России 129

Козуева А. Д., Минин Е. М.
Каталонский сепаратизм: экономические последствия возможной сецессии 145

Манохин И. В., Синчук Ю. В.
К вопросу об обеспечении военной безопасности 152

Никодимов И. Ю.
Комплексные меры профилактики экстремизма и терроризма как одна из функций государства 157

Рукавицын П. М., Манохин И. В.
Иммиграционная политика Германии и интеграция иностранцев: масштабы проблемы и пути решения 169

Румянцев Н. В., Мальчук О. И.
Развитие оперативно-розыскной деятельности с древних времен до XX века 177

CONTENTS

LINGUISTICS

Popova M. V.
The Dependence of the Speaker's Social Portrait on Stereotypes and Foreign Accent as a Permanent Social Marker 9

Selezen O. A.
Linguistic Characteristics of Modern German Literary Tales 19

Sukhorukov E. A.
Hybridization in Various Types of Institutional Discourse 30

PEDAGOGICAL SCIENCES

Avdevich N. V.
Cognitive Aspects of Professionally-Oriented English Language Teaching (Based on the Variability of Terminological and Non-Terminological Linguistic Units in the Texts of International Inter-Regional Communication) 37

Daminova S. O.
Method of Developing Precis-Writing Skills of Scientific Foreign Language Report to the Students of Non-Linguistics Educational Institutions 51

Denisenko I. S., Frolova G. M.
Designing Materials for Authentic Assessment of Foreign Language Skills and Communicative Competence in Secondary School 63

Zhamaletdinova E. Kh.
The Role of the Value System in Forming Professional Competences of Cultural Studies Students 71

LITERARY STUDIES

Belyakov D. A.
The Image of the Author in Th. Mann's Novel "The Magic Mountain" ... 80

Somova E. V.
Symbolism of Early Christianity Art (Painting in the Catacombs)
in the Historical Novel «Fabiola» by N. Wiseman 97

Travnikov S. N.
Peculiarities of Representation of Time
in "Traveling of Celibate Priest Ippolit Vishensky" 113

POLITICAL SCIENCES

Borisova E. G., Manokhin I. V.
The Phenomenon 'Protests on Bolotnaya Square' Marks
the Appearance of a New Social Type in Russia 129

Kozueva A. D., Minin E. M.
Catalan Separatism: Economic Consequences
of Possible Secession 145

Manokhin I. V., Sinchuk Yu. V.
On the Provision of Military Security 152

Nikodimov I. U.
Complex Measures to Prevent Extremism and Terrorism
as a Top Priority of the State 157

Rukavitsyn P. M., Manokhin I. V.
Germany's Immigration Policy and Integration of Foreigners:
Problem Scope and Solutions 169

Rumyantzev N. V., Malchuk O. I.
The Development of Operational and Investigative Activities
from Ancient Times until 20th Century 177

УДК 81

М. В. Попова
аспирант каф. фонетики немецкого языка МГЛУ;
e-mail: neunerin@gmail.com

ЗАВИСИМОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ПОРТРЕТА ГОВОРЯЩЕГО ОТ СТЕРЕОТИПОВ И ИНОЯЗЫЧНОГО АКЦЕНТА КАК ПОСТОЯННОГО СОЦИАЛЬНОГО МАРКЕРА

Автор подчеркивает важность произносительных характеристик при определении социального статуса говорящего, предлагая вниманию читателя обзор ряда научных трудов и публицистических статей по заявленной тематике.

Ключевые слова: стереотип; социальная дифференциация; социальный статус; социальная принадлежность; социальный портрет; социальный маркер; социолект; иноязычный акцент; говор; произносительный акцент; мигрант.

M. V. Popova
Postgraduate Student, Department of Phonetics,
Faculty of the German Language; e-mail: neunerin@gmail.com

THE DEPENDENCE OF THE SPEAKER'S SOCIAL PORTRAIT ON STEREOTYPES AND FOREIGN ACCENT AS A PERMANENT SOCIAL MARKER

The author emphasizes the importance of pronunciation accent in establishing the speaker's social status calling to the reader's attention a survey of a number of works in the field stated and.

Key words: stereotype; social differentiation; social status; class-consciousness; social portrait; social cue; sociolect; foreign accent; local accent; articulatory accent; migrant.

Проблема восприятия акцентированной речи волнует все большее количество исследователей. Интерес к данной теме обусловлен растущими в геометрической прогрессии масштабами миграции в условиях современной политической ситуации. Всё больше людей вынуждены искать перспективы в экономически более развитых странах в связи с экономическим кризисом, высоким уровнем безработицы, обострившимся конфликтом на территории их родного государства.

Наиболее яркими примерами глобальной иммиграции на сегодняшний день служат выходцы из Сирии, Афганистана и Албании. По данным Евростата, только с апреля по июнь 2015 г. «заявления на получение убежища подали 213,2 тыс. человек, что на 15 % больше, чем в первом квартале года и на 85 % больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года» [1]. Из всех стран, входящих в ЕС, абсолютное большинство, а именно, «один беженец из каждых трех», подал заявление в Германию. Данная ситуация лишь усугубляет и без того непростую ситуацию культурного и национального многообразия жителей Германии. Еще в 2008–2010 гг. атмосфера сосуществования в ФРГ вышла за пределы государства и послужила поводом для острой дискуссии на международном уровне об учреждении на территории Германии школ с обучением на турецком языке для выходцев из Турции [3]. В том же 2010 г. Ангела Меркель открыто заявила: «Наш подход состоял в мультикультурализме, в том, что мы будем жить рядом и ценить друг друга. Этот подход провалился, совершенно провалился» [18].

Всё больше стран сегодня сталкиваются с проблемой сосуществования разных культур, религий и национальностей. И ключевым моментом в вопросе сосуществования различных народов является вопрос социальной идентичности и социального портретирования. У каждого из нас есть свои «фильтры восприятия», формирующиеся на протяжении жизни в условиях взросления и социализации. Именно приобретенный характер данных «фильтров» объясняет отсутствие социальных стереотипов у маленьких детей. Стереотипы определяются большинством исследователей как совокупность неких упрощенных обобщений о характеристиках и поведении группы индивидуумов, позволяющая распределять членов группы по категориям и воспринимать их шаблонно на основе этих обобщений [4; 20]. Это определение восходит к идее «картинки в наших головах» американского журналиста Уолтера Липпмана [31], позднее разработанное Г. Оллпортом [10]. У. Липпман описывал этим словом метод, с помощью которого общество пытается категорировать людей. Он выделял четыре характерных аспекта стереотипов: упрощенность (сложнейшие аспекты восприятия могут быть объяснены в двух словах), апостериорность (стереотипы являются приобретенными, а не сформированными на основе личного опыта), определенная степень

ложности (распространяясь на группу людей, стереотипы предписывают воспринимать всех представителей этой группы одинаково) и «живучесть» (от сформированного в процессе социализации стереотипа очень сложно отказаться, даже в условиях наличия опровержения люди склонны считать, что исключения только подтверждают правило) [35].

Исследователи Джек Нахбар и Кевин Лаузе, подчеркивают, что стереотипы являются неотъемлемой частью массовой культуры. Они могут формироваться на основе следующих критериев:

– пола («женщины не умеют водить»);
– возраста («молодой – глупый и неопытный»;
– профессии («все политики – поры и жулики»);
– расы («азиаты все одинаковые на вид»);
– религии («Ислам – религия террористов»);
– национальности («все русские – алкоголики»).

Существуют также стереотипы географические (например, «жизнь в небольших городах безопаснее, чем в мегаполисах»), вещевые (например, «немецкие продукты – эталон качества») и пр. Стереотипы в большинстве случаев носят нейтральный характер, однако при их переносе от конкретного человека на группу людей (социальную, этническую, религиозную, расовую и пр.) часто приобретают негативный оттенок. Именно на стереотипах основаны такие явления, как расизм, сексизм, ксенофобия, исламофобия и другие [28]. Этой точки зрения придерживается профессор Фред Джандт, подчеркивая, что стереотипы часто являются оружием пропаганды, приведя в пример успешную антисемитскую кампанию национал-социалистической демократической партии Германии во главе с А. Гитлером, убедившей многих людей правильности идей расизма и фашизма [24].

По мнению Сэры Хан, Тины Бенда и Майкла Н. Стагнаро доверять стереотипам крайне опасно. Стереотип – это палка о двух концах – с одной стороны, он представляет информацию в легкой и понятной форме, а с другой – эта информация зачастую далека от реальности и способна дезориентировать [25].

Несмотря на то, что от влияния стереотипов избавиться крайне сложно, некоторые видные исследователи, ученые и деятели культуры все же делают попытки продемонстрировать ложность и неактуальность некоторых из них [25]. Вероятно, наиболее ярко и доступно

ложность стереотипов сформулировал в своем заявлении звезда баскетбола Чарльз Бакли: «Вы понимаете, что мир не такой, как вы думали, когда узнаете, что лучший рэпер – белый (Эминем. – *Прим. авт.*), лучший игрок в гольф – чернокожий (Тайгер Вудс. – *Прим. авт.*), самый высокий баскетболист – китаец (Яо Минь, рост – 229 см. – *Прим. авт.*), а немцы не хотят воевать в Ираке» [35].

Однако сложность не означает невозможность. Таким образом, встает вопрос, можно ли и если можно, то, как изменить свой социальной портрет, используя стереотипы?

Рассмотрим две категории социальных маркеров, основываясь на исследовании американского социолингвист У. Лабова [27]. Лабов выделяет два типа варьирования языка: стратификационное, которое связано с социальным статусом (т. е. относительно постоянными характеристиками говорящего, такими как пол, возраст, социальное и экономическое положение, место проживания), и ситуативное, которое складывается из переменных характеристик, и связанно с социальной ролью говорящего, например, дочь, студентка, пассажир и т. д. Идея непосредственной взаимозависимости языка и социального статуса также высказывал и пытался доказать Б. Бернстайн в своей «теории кодов», проводя эксперименты с детьми – выходцами из разных социальных слоев [12].

Рассмотрим социальные маркеры как основные определяющие факторы социального портретирования более подробно. Их можно условно разделить две группы – постоянные (пол, возраст, национальность и др.), часто вызывающие предосудительное отношение) [16] и относительно постоянные (место жительства, доход, социальное положение, «вербальный репертуар» и др.). Одним из ярчайших социальных маркеров, от которого, в свою очередь, довольно сложно избавиться, является вербальный (произносительный) акцент. Акцент играет очень важную роль в вопросах социальной идентичности, так как лингвистические особенности часто ассоциируются с социальным и экономическим делением на определенные группы [14]. Если вопрос места жительств, гардероба и социального положения легко решить с учетом материальной точки зрения, то произносительный акцент останется «визитной карточкой» говорящего [15; 33; 6].

Словарь лингвистических терминов определяет акцент как «своеобразное произношение, свойственное говорящему не на своем

родном языке и заключающееся в непроизвольной замене звуков чужого языка звуками языка родного [8]. В социолингвистическом аспекте акцент трактуется несколько иначе: это своего рода отличительный признак произношения какой-либо определенной группы людей, часто основанный на разнице в фонологии или интонационных моделях по территориальному или классовому признаку [30]. Зарубежные словарные издания дают следующую трактовку: "…индивидуальный, местный или национальный характер произношения…" (OALDCE 1975 : 5), "особенности речи, связанные с государственной, территориальной или классовой принадлежностью…" (LDCE 1978 : 5), "…любая манера речи, отражающая региональные, классовые или индивидуальное особенности…" (CCD 1989 : 5). В одной из работ концепция акцента представлена сходным образом: "Когда мы замечаем, что человек говорит с акцентом, мы обычно имеем в виду, что он выдает себя манерой говорить. Акцент может указывать на социальное происхождение говорящего (She speaks with a working class accent), на место его обитания в данной стране (she has a light Lancashire accent) или на то, из какой страны он прибыл (she has a very noticeable Australian accent)"» [2; 32].

Нормативное произношение и, как следствие, отсутствие иноязычного акцента или говора (местного характера произношения) является необходимым условием для формирования позитивного социального портрета, который необходим для получения важной должности в государственном управлении, юриспруденции, дипломатии, военном деле и других областях во многих странах, например в Великобритании [5].

Несмотря на то, что нормативному произношению можно обучиться, основы этого типа произношения фактически закладываются в раннем возрасте в семье [9; 13; 27], а также в образовательных учреждениях (в Англии это закрытые частные школы), поэтому у людей, которые начали менять свое произношение в зрелом возрасте, есть большая вероятность допустить ошибку [9].

Произношение играет важнейшую роль при определении социального статуса говорящего даже в рамках одного государства, так как в связи с большим количеством диалектов или языков на территории одного государства, неизменно возникают так называемые акценты (социолекты), которые имеют определенную степень престижности.

В Великобритании наибольшей престижностью пользуются носители RP (Received Pronunciation), но втором месте можно выделить носителей ирландского и шотландского акцентов, а самым низким статусом обладают обладатели социолектов, свойственных жителям крупных промышленных городов [5; 19].

В условиях крупнейших масштабов миграции следует отметить, что произносительный акцент играет не менее важную роль, чем национальность, возраст, пол и цвет кожи и может даже служить причиной дискриминации. Об этом свидетельствует исследование, проведенное Анной-Софи Депре-Симз и Скоттом Б. Моррисом. В ходе эксперимента уроженцам США было необходимо оценить в ходе собеседования кандидатов с тремя разными акцентами: акцент, характерный для американцев со среднего Запада, французский и колумбийский. Результаты исследования показали, что носитель среднезападного американского акцента был оценен значительно выше, нежели носитель французского, однако не намного выше, чем носитель колумбийского, что объяснятся наличием еще одного важного фактора – идентичности [15].

Задокументированы и другие случаи дискриминации по «акцентному» признаку, (например, Krings & Olivares, 2007). [26] Бреннан и Бреннан установили, что мексико-американские представители с явно выраженным иноязычным акцентом рассматривались на должности более низкого уровня, по сравнению с теми, чей акцент был выражен меньше [13]. Исследования Хоппера и Уильямса выявили явное превосходство носителей стандартного американского произношения над носителями социального диалекта афро-американцев (Black English), южных диалектов американского английского и людей с испанским акцентом [15]. Интересным также представляется работа Sergest Purkiss, Perrewe, Gillespie, Mayes, & Ferris, которая показала, что наличие акцента усиливает предвзятое восприятие, но сам по себе он не вызывает такой эффект [34].

Руководители компании Progeon Ltd. в Индии, обеспокоенные качеством оказываемых услуг, устраивают каждые шесть месяцев профессиональные тренинги, важной частью которых является «нейтрализация акцента». В связи с тем, что наряду с Хинди, урду и английским в Индии также говорят на множестве других языков и диалектов, произносительные особенности людей, говорящих на индийском английском, варьируются [22].

Исследование, проведенное в 2004 г. в Австралии, показало, что лишь 30 % квалифицированных мигрантов из не англоязычных стран за три года пребывания в стране смогли найти работу, в которой получили возможность полностью реализовать свой опыт и образование [21; 23]. По результатам было отмечено, что одной из трудностей, возникающих на пути к желаемой карьере, является «не владение английским, а владение “австралийским английским” наравне с убежденностью самих работников, что они не “вписываются” в коллектив» [21].

Акцент может сыграть немаловажную роль при оценке языковых компетенций во время экзамена на знание иностранного язык, при этом как негативную, затрудняя понимание и влияя на объективность оценки, так и позитивную, формируя благоприятный социальный портрет. В Германии, например, престижным считается французский акцент [11].

Исследование, проведенное Шири Лев-Ари и Боазом Кейзаром, показывает, что акцентно окрашенная речь внушает меньшее доверие, чем речь акценто неокрашенная. Ученые объясняют это двумя факторами:

а) само наличие акцента заставляет людей сомневаться в правдивости высказывания;
б) акцент делает речь более сложной для восприятия и обработки [29].

Первый фактор объясняется влияние стереотипной оппозиции «свой – чужой», накладывающей отпечаток недоверия к «чужакам» [17]. Однако во втором случае исследователи полагали, что причина недоверия заключается в элементарном затруднении понимания. В ходе эксперимента, проведенного для подтверждения данной теории, каждый участник прослушал 45 примитивных по своему содержанию высказываний, 15 из которых были прочитаны носителями языка (американцами), 15 спикерами с легким акцентом (поляками, турками и австрийцами) и оставшиеся 15 – с сильным иноязычным акцентом (корейцами, турками и итальянцами). Лишь половина высказываний была фактически верна. Участникам эксперимента предлагалось отметить правдивость каждого из высказываний по шкале от «точно неправда» до «точно правда». В результате эксперимента было установлено, что акцентно окрашенная речь вне зависимости от степени выраженности акцента, вызывает значительно большую степень недоверия.

Другой эксперимент Шири Лев-Ари и Боаза Кейзара, который отличался от первого лишь тем, что участникам было сказано, что эксперимент заключается в установлении степени влияния понятности речи говорящего на правдивость его высказываний, и что участники должны были сами оценить степень понятности каждого говорящего. Эксперимент показал, что во втором случае, испытуемые не делают особой разницы в оценке степени правдивости речи носителей языка и информантов, говорящих с легким акцентом. Однако в обоих случаях низкую оценку степени доверия к говорящему получили информанты с сильно-выраженным иноязычным акцентом [29].

Не менее интересный случай для изучения представляет собой так называемый «синдром иностранного акцента». Британка Джулия Маттиас, одна из пациенток, страдающих от этого редкого расстройства, причины возникновения которого пока не до конца ясны ученым, характеризует последствия следующим образом: «У тебя как будто отбирают всю личность, и ты теряешь нечто такое, что тебя определяло».

«Наш голос и стиль общения – это окно в наш внутренний мир», – комментирует Ник Миллер из Ньюкаслского университета в Британии. – «Они обозначают социальный класс, уровень образования, из какого района вы родом. Так что сознательно или бессознательно мы пользуемся тем, как мы говорим, для того, чтобы демонстрировать, кто мы и какие мы» [7].

В связи с вышесказанным, особое значение приобретает проблема поиска надежных перцептивно-слуховых и акустических признаков, вызывающих негативную оценку адресатов-носителей данного языка в ситуациях коммуникации с носителями интерферированной речи, что в ряде случаев влечет за собой формирование негативного социального портрета партнера по коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Берсенева А., Громов А.* Статистика обнажила мигрантов // Газета.Ru. – 20.09.2015.
2. *Вишневская Г.М.* Интерференция и акцент: на материале интонационных ошибок при изучении неродного языка : дис. … д-ра филол. наук. – СПб., 1993. – 373 с.
3. *Демьянов А.* Учите турецкий // Lenta.Ru. – 31.03.2010.
4. *Дэвид Д., Джери Дж*. Большой толковый социологический словарь / пер. с англ. Н. Н. Марчук : в 2 т. –

Т. 1. А–О. – М. : Вече : АСТ, 2001. – 544 с.
Т. 2. П–Я. – М. : Вече : АСТ, 2001. – 527 с.
5. *Карасик В. И.* Язык социального статуса. – М. *:* Гнозис, 2002. – 333с.
6. *Потапова Р. К., Потапов В. В.* Язык, речь, личность. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 496 с.
7. *Робсон Д.* Синдром иностранного акцента: вы говорите как чужой! // BBC Future. – 26.05.2015.
8. *Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. –2-е изд., испр. и доп. – М. : Просвещение, 1976. – 543 с.
9. *Шевченко Т. И.* Социальная дифференциация английского произношения. – М. : Высшая школа, 1990. – 142 с.
10. *Allport G.* W. The nature of prejudice. – Cambridge, MA : Addison Wesley, 1954. – 576 p.
11. *Arras U.* Mündliche Kompetenzen in der Fremdsprache fair messen: Überlegungen und Vorschläge zur Qualitätssicherung // Babylonia. – 2011. – 11(2). – P. 80–85.
12. *Bernstein B*. Class, Codes and Control. – Vol. 1: Theoretical studies towards a sociology of language.– London and New York : Routledge : Taylor & Francis Group, 2003. – 212 p.
13. *Brennan E., Brennan J.* Accent scaling and language attitudes: Reactions to Mexican American English speech // Language and Speech. – 1981. – 24(3). – P. 207–221.
14. *Campbell-Kibler K.* Accent, (ING), and the Social Logic of Listener Perceptions // American Speech. – 2007. – Vol. 82, No. 1. – P. 32–64.
15. *Deprez-Sims A. S., Morris S. B.* Accents in the workplace: their effects during a job interview // International Journal of Psychology. – 2010. – 45 (6). – P. 417–426.
16. Discrimination at work: the psychological and organizational bases / Dipboye R. L., Colella A. (eds). – Mahwah, NJ : Erlbaum, 2005. – 536 p.
17. *Dixon J. A., Mahoney B., Cocks R.* Accents of guilt? Effects of regional accent, ‘race’ and crime type on attributions of guilt // Journal of Language and Social Psychology. – 2002. – # 21. – P. 162–168.
18. *Evans S.* Merkel says German multicultural society has failed // Bbc.com. – 17.10.2010.
19. *Giles H., Powesland P. F.* Speech Style and Social Evaluation. – London : Academic Press, 1975. – 218 p.
20. *Hilton L. J., W. von Hippel.* Stereotypes // Annual Review of Psychology. – 1996. – Vol. 47. – P. 237–271.
21. *Ho C.* China‘s Brain Drain is our Brain Waste. – 2004. – URL : smh.com.au
22. *Huff C.* Accent on training // Workforce management. – 2005. – Vol. 84, Issue 3. – P. 54.

23. *Icten E.* Communication barriers at work // Bulletin of the Transylvania University of Braşov. – 2010. – Vol. 3 (52). – P. 211–217.
24. *Jandt Fred E.* An Introduction to Intercultural Communication: Identities in a Global Community. – 7th ed. – SAGE Publications, Inc, 2012. – 448 p.
25. *Khan S. R., Benda T., Stagnaro M. N.* Stereotyping from the Perspective of Perceivers and Targets // Online Readings in Psychology. – 2012. – 5 (1). – URL : http://dx.doi.org/10.9707/2307-0919.1043
26. *Krings F., Olivares J.* At the doorstep to employment: Discrimination against immigrants as a function of applicant ethnicity, job type, and rates' prejudice // International Journal of Psychology. – 2007. – 42(6). – P. 285–310.
27. *Labov W.* The Social Stratification of English in New York City. Washington, D.C. : Center for Applied Linguistics, 1966. – 498 p.
28. *Lause K.* Popular Culture: An Introductory Text. – Popular Press, 1992. – 504 p.
29. *Lev-Ari S., Keysar B.* Why don't we believe non-native speakers? The influence of accent on credibility // Journal of Experimental Social Psychology. – 2011. – # 46. – P. 1093–1096.
30. *Lippi-Green R.* English with an Accent: Language, Ideology, and Discrimination in the United States. – London : Routledge, 1997. – 354 p.
31. *Lippmann W.* Public opinion. – New York : Harcourt, Brace, 1922.
32. *Platt J., Weber H., Ho M. L.* The new Englishes. – London : Routledge and Kegan Paul, 1984.
33. *Potapova R. K., Potapov V. V.* Kommunikative Sprechtätigkeiten, Rußland und Deutschland im Vergleich. – Köln, Weimar, Wien : Böhlau Verlag, 2011. – 312 S.
34. *Sergest Purkiss S. L., Perrewe P. L., Gillespie T. L., Mayes B. T., Ferris G. R.* Implicit sources of bias in employment interview judgments and decisions // Organizational Behavior and Human Decision Processes. – 2006. – # 101. – P. 152–167.
35. Washington ProFile. Власть стереотипов. – 2005. – URL : http://psyfactor.org/lib/stereotype.htm

УДК 81’22

О. А. Селезень

преподаватель каф. лингвистики и профессиональной
коммуникации в области медиатехнологий МГЛУ;
очный аспирант каф. грамматики и истории немецкого языка
факультета немецкого языка МГЛУ; e-mail: selezen2005@yandex.ru

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ

В статье рассматривается проблема изучения особенностей жанра современной немецкой литературной сказки в контексте языкового оформления ее содержательной структуры. На примере нескольких современных немецких литературных сказок раскрываются возможности выявления их жанровых особенностей вербальными, главным образом, грамматическими средствами, которые в совокупности с содержательными структурами текста могут способствовать более глубокому пониманию немецкой картины мира.

Ключевые слова: литературная сказка; народная сказка; современная литературная немецкая сказка; жанровые особенности; немецкая картина мира; языковая картина мира; текстовые структуры.

O. A. Selezen

Teacher of the Department of Linguistics and Professional Communication
in the Sphere of Media Technologies, Institute of International Relations
and Socio-Political Sciences, MSLU; Postgraduate of the Department
of Grammar and History of the German Language,
German Language Faculty, MSLU; e-mail: selezen2005@yandex.ru

LINGUISTIC CHARACTERISTICS OF MODERN GERMAN LITERARY TALES

The article considers the problem of studying genre features of modern German literary tales in the context of their semantic structure. Examples of tales help to determine ways of identifying genre characteristics with reliance on verbal, mainly, grammatical means that along with semantic structures promote a better understanding of the German linguistic picture of the world.

Key words: literary fairy tale; folk tale; modern German literary tale; genre features; German linguistic picture of the world; text structures.

Жанр сказки до сих пор вызывает особый интерес и любовь не только у детей и взрослых, но и у исследователей и ученых. В сказках, как известно, отражаются особенности картины мира конкретного этноса.

Сказка, малое прозаическое произведение, имеет свою структуру, позволяющую считать ее особым жанром. Литературная и народная сказки настолько взаимосвязаны и границы между ними настолько размыты, что провести между ними разделение непросто.

Современная литературная немецкая сказка для взрослых является особым жанром в литературоведении и представляет собой интересный материал для исследования в области лингвистики и страноведения. Однако общепринятого определения литературной сказки до сих пор не существует, что обусловлено, в первую очередь, отсутствием четких критериев, позволяющих отграничить ее от народной сказки. Первая попытка дать определение принадлежит Я. Гримму, согласно которому отличие литературной сказки заключается в осознанном авторстве и свойственном данной форме повествования юмористическом начале.

Наиболее часто цитируемым является определение, принадлежащее исследователю скандинавской литературы Л. Ю. Брауде. В статье «К истории понятия “Литературная сказка”» она пишет: «Литературная сказка – авторское, художественное, прозаическое или поэтическое произведение, основанное либо на фольклорных источниках, либо сугубо оригинальное; произведение преимущественно фантастическое, волшебное, рисующее чудесные приключения вымышленных или традиционных сказочных героев и, в некоторых случаях, ориентированное на детей; произведение, в котором волшебство, чудо играет роль сюжетообразующего фактора, служит отправной точкой характеристики персонажа» [1, с. 227].

Важная особенность литературной сказки заключается в том, что она является отражением конкретного времени, т. е. ее определение не может быть универсальным, так как содержание этого жанра варьируется в различных эпохах (например, романтические литературные сказки Л. Тика, К. Брентано, Э. Т. А. Гофмана и современные литературные сказки, написанные после 1945 г., собранные в книге «Die Rettung des Saragossameeres»).

Своеобразие современных немецких литературных сказок проявляется в разноплановом изменении фольклорных традиций и авторских инновациях, что и явилось причиной возникновения нескольких жанровых модификаций – современная сказка, основанная на народных источниках и современная литературная сказка (авторская). Следует заметить, что обе названные жанровые модификации берут свое

начало в народной сказке, но принимают различные формы. В отличие от народной, литературная сказка (Kunstmärchen) всегда имеет создателя (автора) и передается в письменном виде [4, с. 32].

Следует также выделить особые «приметы» жанра современной немецкой литературной сказки. К литературоведческим особенностям относят:

– наличие конкретного автора (Р. Кирш, Г. Кунерт, У. Кант и др.);

– зафиксированность неизменного текста в письменной форме; больший объем текста по сравнению с народной сказкой; подробное описание места и времени действия, например в сказках «Die Rettung des Saragossameeres» и «Der vergessene Eid»:

> Das Saragossameer gibt es, oder gibt es nicht, ein Schiff jedenfalls segelte darüber hin... . Sicher ist auch, dass die Balearen Inseln sind und im Ozean liegen [6, c. 5].

> Einmal in hundert Jahren halten die Wörter eine groβe Ratssitzung ab... Es war wieder soweit: Auf einer groβen Lichtung mitten im brasilianischen Urwald trafen sich alle Wörter [6, c. 14];

– обязательное описание внешнего облика персонажей, как в сказке «Janek beim Geschichtenmacher»:

> An einem kleinen Schreibtisch saβ ein Mann. Der hatte ein kariertes Hemd an und eine dünne goldene Brille auf. Das kommt daher, dass ein uralter, vielerfahrener Geschichtenmacher auf einen verflixten Kindskopf, einen dahergelaufenen Grünschnabel, gehört hat [6, c. 53, 61];

– многосюжетное действие; углубленное исследование внутреннего мира и переживаний персонажей; неповторимые индивидуальные характеры, а также сложные психологические характеры, как у главного героя в сказке «Der Finder»:

> „Mit dem Knaben wird es ein übles Ende haben“, sagte der Lehrer düster... „Das mit Finderei hört jetzt auf“, sagte der Vater am Abendbrottisch streng zu dem Knaben. „Eine Zeitlang war das ja ganz schön, aber jetzt hört es auf. Schlieβlich gehst du jetzt in die achte Klasse. Also Schluβ mit den Kindereien” [6, c. 83];

– отсутствие языковых формул в той же сказке «Der Finder», которая начинается с прямой речи:

> „Mit dem Knaben wird es ein übles Ende haben“, sagte der Lehrer düster [6, c. 83];

– ярко выраженную авторскую позицию и оценку, которые проявляются в эмоциональной тональности произведения; авторское понимание жизни, которое может совпадать с фольклорными ценностями.

Большинство исследователей считают, что этот жанр наследует от народной сказки установку на вымысел, волшебство, сочетание фантастики с реальностью, наличие образности и относительно устойчивую сюжетно-композиционную структуру (зачин, основная часть, развязка). Поэтичность современной немецкой литературной сказки проявляется в характере ситуаций и мотивов, описательности, в психологическом изображении персонажей, совмещении компонентов разных жанров, а также в подчинении всего построения сюжета авторскому замыслу.

В сборнике современных немецких сказок «Die Rettung des Saragossameeres», создателями которого являются Й. Вальтер (Joachim Walther) и М. Вольтер (Manfred Wolter), собраны сказки, начиная с 1945 г., написанные немецкими авторами. По мнению создателей сборника, литературная сказка – это сознательное литературное творение (произведение) [6, с. 359]. К жанру литературной сказки обращались также авторы, известные разными литературными произведениями, например, Р. Кирш (Rainer Kirsch), который является одновременно автором современной литературной немецкой сказки «Die Rettung des Saragossameeres», автором детских сказок и рассказов «Wenn ich mein rotes Mützchen hab», а также автором математической сказки «Die Perlen der grünen Nixe», поэтому литературная сказка в литературоведческом и языковом планах многое взяла из других жанров литературы. Данная особенность (например, связь между литературной сказкой и романом) четко прослеживается на примере сказки Х. Кноблоха «Die durchsichtigen Märchen» [6, с. 70–74].

В данной сказке речь идет о маленьком мальчике, который должен сыграть роль некоторого персонажа в одном романе и говорить как взрослый:

> Es war einmal ein kleiner Junge, der hieβ Lütten Schnadig und sollte in einem Roman reden. Wie ein Erwachsener sollte er dort reden, obwohl er noch nicht zur Schule ging... Da riβ Lütten Schnadig seinen Mund und die beiden Augen sehr weit auf und sagte zu den Ordnern: “Ich rede doch als Generation! Und in der Zukunft! Und dort sind alle Kinder beisammen. Also, wenn ich zusammenzähle, kommen so viele Sekunden zusammen, wie ein Erwachsener alt ist.Daher kann ich schon jetzt sagen, was ich in dreiβig Jahren als Erwachsener sagen werde” [6, с. 70].

Герой способен выполнить данную задачу, но лица, ответственные за соблюдение порядка, которые стоят у книжных дверей (Buchtüren), не впускают его, так как он хоть и может говорить как взрослый, но думать соответствующим образом не в состоянии. Противоречие заключается в том, что сказка – единственное место, где мальчику позволено говорить как взрослому, но одновременно отказано в праве «переступить порог» сказки:

> “Wenn du in einem Märchen wärst”, sagte der Oberordner, “dann könntest du sagen, was du wolltest.”
>
> “Wie soll ich in ein Märchen passen, wenn ich alle durchschaue?” sagte Lütten Schnadig [6, c. 71].

Его возражение по поводу того, что он не подходит в сказку, так как видит всех насквозь, провоцирует такую игру, в которой лица, ответственные за соблюдение порядка, называют свои любимые сказки и таким образом раскрывают свой внутренний мир:

> “Du hast recht”, sagte Lütten Schnadig. “Ich kenne sie alle. Aber sag mir wenigstens dein Lieblingsmärchen.”
>
> “Na”, sagte der Oberordner und stieβ seinen Stellvertreter an. Der antwortete nach kurzen Zögern: “Das tapfere Schneiderlein.”
>
> “Ah ja,” sagte da Lütten Schnadig. “Ich sehe, du willste mehr anerkannt sein als bisher und möchtest beweisen, wie gut du dich zum Oberordner eignest. Sieben aud einen Streich – und das als Losung auf dein Transparent gestickt, damit es alle lesen” [6, c. 71].

Эта дискуссия заканчивается тем, что мальчику находится место не в романе, а в словаре Гримма, где он может углубить свои «возмущающие» знания:

> Da packten sie ihn und steckten ins Grimmige Wörterbuch, wo er die Buchstaben zählen musste. Es klang aber, als ob sie vom Grimmischen Wörterbuch sprachen, mit dem er sein Wissen vervollkommen sollte... [6, c. 74].

Между тем четкое предписание того, что сказки предназначены для детей, а романы – для взрослых, утрачивает свою непреложность, и возникает идеал романа, в котором можно говорить как хочется, а не как положено:

> “Schluβ jetzt!” riefen die drei Ordner. “Unsere kollektive Entscheidung, keinerlei intellektualistischen, supernaturalistischen, hypersexuosubjektivistischen Kindermund im Roman zuzulassen, war weise, voraus-

sehend und unumkehrbar. Du kommst nicht einmal als Märchen in den Roman hinein!" [6, c. 73].

Утверждаемая прозрачность сказок стремится косвенно к своего рода непрозрачности романа. Так как практически связь между романом и сказкой является невозможной, то она мыслится в идеале как цель эстетических устремлений, при которых не все с самого начала является предопределенным. В этом проявляется попытка экспериментирующих авторов, таких как Хайсенбюттель и Бартельме, создать пандан, так во французской терминологии называется художественное произведение, соответствующее по теме или размеру другому художественному произведению, с которым оно вместе экспонируется, где сказка создается в виде романа [5, с. 154].

В целом в антологии преобладают сказки, которые относятся к общественному развитию страны. Это выражается не только в выборе тем, но и в жанровых особенностях. Так, на примере сказки Р. Кирша «Die Rettung des Saragossameeres» [6, с. 5–13] можно установить связь между сказкой и античным мифом. Целью данной сказки является счастливый конец, который возможен исключительно через обращение к мифу:

Die Sirenen zurückholen, sagte der junge Mann. Es ist die Logik der Dinge, sagte die Flunder. Fest steht, dass weder Bitten noch Bestechung die Sirenen zur Rückkehr bewegen... [6, с. 10].

Описанное в данной сказке сочетание личных интересов и общественных добродетелей (историческая дальновидность, терпение, присутствие духа, способность учиться и приспосабливаться) описывает такое состояние искусства, которое недостижимо в настоящее время (как это видно благодаря сиренам), но через обращение к античному мифу представлено как необходимое направление, как важный ценностный ориентир. Такое сочетание сказки и мифа является довольно распространенным приемом, который реализован в сказках «Der Zweikampf» Т. Браш и «Herakles 2 oder Hydra» Х. Мюллера [5, с. 154].

В языковом плане в современных немецких литературных сказках наблюдаются свои особенности, которые вызваны спецификой жанра. Например, в сказке «Märchen für morgen» Г. Кунерт [6, с. 47–51] использует нетипичную для зачина народных сказок формулировку в прошедшем времени (Präteritum) «Es war einmal», а форму

настоящего времени (Präsens) «Es wird einmal», чтобы не создавать дистанцию между читательским временем и сюжетным, т. е. снять барьер между миром реальным и фикциональным. При помощи презенса автор стремится создать у читателя иллюзию сопричастности действию, пробудить его активность [2, с. 85]. Необходимо обратить внимание на используемые в сказке «Märchen für morgen» имена, которые взяты из других произведений знаменитых авторов:

> *der kleine Hävelmann* (nach *Der kleine Häwelmann* von Strom), *der minderwüchsige Herr Nase* (aus *Zwerg Nase* von Hauff), *Herr Holger Nielson* (nach *Wunderbare Reise des kleinen Nils Holgersson mit den Wildgänsen* von Lagerlöf), *Herr Schneiderlein* (aus *Das tapfere Schneiderlein* der Brüder Grimm), *Frau Regentrude* (aus *Die Regentrude* von Theodor Storm), *Rübenziffer* (nach den *Legenden von Rübezahl* von Musäus), *Der kleine Klaus* und *der große Klaus* (aus *Der kleine Claus und der große Claus* von Andersen), *Hahn, Hinkel* und *Gackeleia* (aus *Das Märchen von Gockel, Hinkel und Gackelaia* von Brentano), *jene bekannte Taube* (aus *Aschenputtel* der Brüder Grimm) [5, с. 151].

Некоторые имена немного изменены и свидетельствуют о сатирическом замысле автора. Все приведенные примеры являются доказательством того, что жанр *современной немецкой литературной сказки* требует более пристального и детального рассмотрения как в литературном, так и в собственно языковом плане.

При определении тематики литературных сказок необходимо учитывать эпоху, в которую она была написана. В литературную сказку входит общеполитический и социальный контекст, а сказочные элементы, в свою очередь, прочно входят в литературу и жизнь. Время и конкретная эпоха корректируют жанровые и структурные особенности сказки, трансформируют устоявшиеся коллизии и понятие волшебного, как например, в сказке Р. Криста «Der alte Mann und der Baum»:

> Ein Märchenbaum, erwiderte der Mann lächelnd. Ich weiβ so gut wie nichts von ihm, nicht einmal, wie man ihn pflanzt und pflegt. Eines Tages, wissen Sie, war er plötzlich da und begann zu wachsen. Einmal kam ein Botaniker vorüber, er meinte, es sei eine Abart des Widerwurz, er nannte auch den lateinischen Namen. Ich habe ihn vergessen, denn was nützt mir schon die gelehrte Bezeichnung, für mich heiβt er einfach Baum der Erkenntnis [6, с. 69].

Во времена феодализма обязательными персонажами литературных сказок были короли, принцы и другие великосветские лица, что не является обязательным и необходимым условием современной литературы данного жанра. В современных немецких литературных сказках на смену царствующим особам приходят спортсмен-разрядник, эстрадный певец, строитель гаражей, консультант по посадке деревьев (R. Christ «Der alte Mann und der Baum»), моряки и переводчики (R. Kirsch «Die Rettung des Saragossameeres») или даже домашние животные со своими проблемами (M. Stade «Der Traum vom Hühnchen und vom Hähnchen»), что придает жанру элемент научной фантастики. Science-fiction смешивается с традиционными компонентами сказки. Й. Вальтер и М. Вольтер высказывают предположение о том, что правильнее было бы считать, что жанр литературной сказки видоизменился в соответствии с общественными процессами, которые и стали отражаться в этих сказках:

> Wäre es da nicht besser zu sagen, das Märchen habe sich adäquat der gesellschaftlichen Prozesse gewandelt, auf die es Bezug nimmt? [6, c. 361].

Литературные (авторские) сказки носят философский характер и заставляют читателя задуматься над многими существенными вопросами современной жизни. Помимо дидактической, нравоучительной, задачи, которая может быть выражена в виде морали или точки зрения автора, в жанре современной немецкой литературной сказки ставится цель – представить философское понимание концепции мира и человека, что особенно ярко выражается в сборнике «Die Rettung des Saragossameeres», где собраны сказки тяжелого для Германии послевоенного времени, например, в сказках «Mäusefest» Й. Бобровски, «Frau Holle» К. Рана, «Märchen für morgen» Г. Кунерта. В литературных сказках авторы стремятся изобразить пороки и проблемы человека не в застывшей аллегорической, а в философско-диалектической форме:

> ...so erzählte es der Leser, der in der Nähe wartete, aber nicht sagen konnte, ob er es genau verstanden hatte. Das ist völlig richtig, denn die Leser verstehen sowieso nicht alles [6, c. 74].

Кроме того, их важной особенностью является то, что в литературной сказке проявляется авторский индивидуальный способ видения мира и человека в нем, что прекрасно иллюстрирует сказка «Der alte Mann und der Baum» Р. Криста:

Freilich wusste der Mann auch, dass in dem Land, worin er lebte, alles seine Regel und Ordnung fand und nicht jedermann hingehen und nach Lust Bäume pflanzen konnte [6, c. 64].

К характерным особенностям современной немецкой литературной сказки для взрослых можно также отнести то, что авторы данных сказок мастерски «вплетают» современное содержание в художественную ткань сказочного текста, в легкой непринужденной сказочной форме, а на суд читателя выносятся проблемы реального человека, общества, которое окружает этого человека и современной ему жизни, например в сказке «Der alte Mann und der Baum» Р. Криста описан длительный процесс сбора документов, т. е. отражены бюрократические проблемы современности:

Als erstes brauchen Sie den Wohnnachweis...

Der Mann drehte ängstlich seine Hut. Aber ich wohne eine Ewigkeit im gleichen Häuschen, vor dem ich jetzt einen Baum...

Den Hauptberater schüttelte ein heftiges Lachen... . Lieber Mann, rief er schnaufend, Sie tun ja, als kämen Sie aus einer Märchenwelt. Dass Sie wohnen, ist doch längst kein Beweis, dass Sie auch eine Bescheinigung darüber besitzen. Für diese Wohnbescheinigung benötigen Sie eine Arbeitsbescheinigung... [6, c. 67].

Таким образом, в современных немецких литературных сказках читатели могут найти реальное отражение эпохи, в которую была написана эта сказка, что выражается в языке при помощи реалий, описании образа и философии жизни, а также путем стилистических средств, как, например, антитеза (*...dass kleine Kinder hier zwar laut spielen aund altklug reden dürften, aber keineswegs wie Erwachsene denken können...* «Die durchsichtigen Märchen»), гипербола (*Ich rede doch als Generation!* «Die durchsichtigen Märchen»), эпитеты (*Der alte Juden* «Mäusefest) и т.д. Это помогает понять нравственные нормы и проблемы данного времени (например, проблемы бюрократии как в сказке «Der alte Mann und der Baum» Р. Криста и проблемы отношения к евреям, описанные в сказке «Mäusefest» Й. Бобровски), а также узнать пристрастия и реалии современной немецкой действительности, что может помочь лучше и глубже понять немецкую картину мира. Кроме того, своеобразие творчества автора и его позиция, которые ярко выражаются в современной немецкой литературной сказке, помогают взрослым читателям лучше понять содержание произведения.

Национальная картина мира многомерна и выявляется через различные категории и концепты. Как отмечает Г. А. Соколова, время и пространство могут выступать фрагментами языковой картины мира в жанре литературной романтической сказки. Такие категории и концепты, как: пространство, время, я / другие, уникальное / общее, жизнь / смерть, отсутствие / бытие, движение / статика, индивидуум / коллектив, автономия / зависимость, дисциплина / своеволие, мужское / женское и др. могут также быть выявлены и в современных немецких литературных сказках. Данные элементы выступают как «фиксаторы наиболее предельных моментов» в отношении этноса к миру и к самому себе [3, с. 29–33]. Например, в сказке «Mäusefest» Й. Бобровски, где дается описание послевоенного времени и отношения к немцам евреев в Польше:

> Da sitzt man und sieht zu. Der Krieg ist schon ein paar Tage alt. Das Land heiβt Polen. Es ist ganz flach und sandig. Die Straβen sind schlecht, und es gibt viele Kinder hier. Was soll man da noch reden? Die Deutschen sind gekommen, unzählig viele, einer sitzt hier im Judenladen, ein ganz junger, ein Milchbart [6, с. 81].

В заключение необходимо отметить тот факт, что, в основном, современные исследователи литературной сказки обращаются к анализу ее литературных, поэтических характеристик, в то время как не менее важным является всестороннее изучение лингвистических особенностей жанра. В этой связи особое значение приобретает рассмотрение темпоральной и локальной текстовых структур современной немецкой литературной сказки, которые в своем взаимодействии помогают понять содержательный план текста современной литературной сказки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Брауде Л. Ю.* К истории понятия «литературная сказка» // Известия АН СССР. – 1977. – Т. 36. – № 3. – С. 226–234. – (Сер. литературы и языка).
2. *Ефремова Т. Ф.* Большой современный толковый словарь русского языка. – Т. 2. – М. : АСТ, 2006. – 1168 с.
3. *Ноздрина Л. А.* Интерпретация художественного текста. Поэтика грамматических категорий : учеб. пособие для лингвистических вузов и факультетов. – М. : Дрофа, 2009. – 252 с.
3. *Соколова Г. А.* Временная и пространственная концептуализация в немецкой романтической сказке : дис. … канд. филол. наук. – М., 2013. – 204 с.

4. *Mayer M., Tismar J.* Kunstmärchen. – 4. Auflage. – Metzlersche J.B. Verlagsb, 2003. – 166 S.
5. *Tismar J.* Das deutsche Kunstmärchen des zwanzigsten Jahrhunderts. – Stuttgart : Metzler, 1981. – 209 S.
6. *Walther J., Wolter M.* Die Rettung des Saragossameeres. – 1. Auflage – Berlin : Buchverlag Der Morgen, 1976. – 367 S.

УДК 81’1

Е. А. Сухоруков

соискатель каф. лексикологии и стилистики немецкого языка МГЛУ;
e-mail: jewgenij-su@yandex.ru

ГИБРИДИЗАЦИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ВИДАХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена механизмам проникновения одного вида институционального дискурса в другой. Анализ текстов наиболее актуальных видов институционального дискурса установил факт использования в них нехарактерных для данных типов текста элементов, таким образом, в ходе институционального общения наблюдается процесс гибридизации. Используя метод выделения и сравнения конститутивных параметров, выявляются возможные пути гибридизации институционального дискурса.

Ключевые слова: институциональный дискурс; виды институционального дискурса; социальные институты; институциональное общение; гибридизация.

E. A. Sukhorukov

Applicant of the chair of lexicology and stylistics of the German language;
e-mail: jewgenij-su@yandex.ru

HYBRIDIZATION IN VARIOUS TYPES OF INSTITUTIONAL DISCOURSE

The article is dedicated to mechanisms of penetration of one type of institutional discourse to another one. The analysis of texts of the most actual types of institutional discourse has determined the fact of using of uncharacteristic elements for these types of text, thus the hybridization process is being observed during the institutional communication. Using the methods of selection and comparison of constitutive parameters, the possible ways of hybridization of institutional discourse are identified.

Key words: institutional discourse; the types of institutional discourse; social institutions; institutional communication; hybridization.

Цель данной статьи заключается в попытке лингвистического анализа путей гибридизации различных видов институционального дискурса. При этом институциональный дискурс анализируется с позиций коммуникативных процессов, представляющих собой «протяженный во времени и в пространстве диалог, оформленный такими языковыми средствами, которые придают речевому поведению конвенционализированный характер, соответствующий формальной

данности и легитимности институтов» [1, с. 50]. Главенствующая роль отводится языку, выступающему в роли «института институтов» (ср. *нем*. Institution der Institutionen, Grundinstitution, Meta-Institution) [4, с. 224].

Мы придерживаемся следующего толкования термина «институциональный дискурс»: это «специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума; это «коммуникация в своеобразных масках» [2, с. 12].

Напомним, что институциональный дискурс четко ограничен определенными рамками статусных отношений, однако границы между различными институтами общества размыты, одни институты исчезают, новые появляются, институты могут сливаться или, наоборот, делиться, поэтому список видов институционального дискурса четко не определен. Специфику институционального дискурса определяют цель и участники общения.

Изучая различные виды институционального дискурса, обращает на себя внимание тот факт, что элементы одного вида институционального дискурса достаточно часто используются в других его видах.

Выделяя конститутивные признаки, по методике В. И. Карасика, а именно: «участники, хронотоп, цели, ценности (в том числе ключевой концепт), стратегии, материал (тематика), разновидности и жанры, прецедентные (культурогенные) тексты» [3, с. 221], мы остановились на 16 наиболее часто встречающихся в научной литературе видах институционального дискурса: политическом, юридическом, дипломатическом, административном, педагогическом, медицинском, военном, деловом, маркетинговом, рекламном, спортивном, научном, информационном, экологическом, художественном и религиозном. В ходе их анализа мы выделяем основные характеристики указанных видов институционального дискурса, определяя их автономность и возможные пути слияния. Полученные результаты для наглядности представляем ниже в виде таблицы и диаграммы. Учитывая количество исследуемых видов институционального дискурса, можно утверждать точность результатов применительно ко всем исследуемым нами видам институционального дискурса.

Итак, по результатам анализа по конститутивным признакам можно выделить следующие характерные особенности. Для параметра

участник дискурса, очевидна неравномерность в отношениях *адресант – адресат*: например: отношения адресант – адресат равны в дипломатическом, научном, деловом дискурсе, адресант и адресат могут меняться ролями. Однако прослеживается различие между адресантом и адресатом в политическом, юридическом, административном, педагогическом, медицинском, военном, рекламном и религиозном видах дискурса: разные виды институционального дискурса отличаются друг от друга величиной личностной и статусной составляющих. Так, например, в военном дискурсе велика роль статусного компонента, в то время как в педагогическом – личностного. Но, несмотря на вышеназванные различия, для всех видов институционального дискурса характерно то, что общественные институты созданы представителями определенного этносоциума и функционируют в нем с целью регулировать социальные отношения и жизнь этого этносоциума. Следовательно, практически во всех видах институционального дискурса в роли адресанта выступает социальный институт, который напрямую или через посредника обращается к представителям этносоциума, а круг вопросов отвечает реалиям и компетенциям института.

Условия реализации разных видов институционального дискурса разнообразны: они отличаются не только по месту, их могут различать даже эпохи, как это наглядно выражено в художественном дискурсе. Однако общим местом практически всех видов институционального дискурса может быть параметр *хронотоп*, все они могут быть представлены посредником – СМИ.

Каждый вид институционального дискурса преследует свои *цели*. Можно отметить, что в этом отношении близки юридический и административный дискурс – их цель заключается в регулировании отношений, в то время как рекламный, информационный и художественный дискурс ориентированы на оказание воздействия.

Ценностными концептами коммуникативно-прагматического институционального дискурса нередко выступают общечеловеческие ценности, такие как *жизнь*, *мир*, *семья*, *свобода*, *благополучие*, *здоровье*, *истина*, *знание* и их составляющие.

Стратегии институционального дискурса определяются его целями, а значит, каждый вид дискурса имеет свойственные ему стратегии. В то же время можно утверждать, что во всех видах институционального

дискурса присутствуют в той или иной мере информирующая и воздействующая стратегии, реализуемые разными языковыми и неязыковыми средствами.

Основная *тематика* определенного вида институционального дискурса определена отраслевым знанием. Однако на разных этапах и в различных ситуациях в институциональном дискурсе могут затрагиваться разнообразные темы. Стратегии определяют *жанровую реализацию* институционального дискурса, несмотря на тот факт, что они повторяются во всех его разновидностях. Результаты анализа различных видов институционального дискурса по конститутивным признакам представим в виде таблицы, которая одновременно демонстрирует возможные пути гибридизации институционального дискурса (см. табл.).

Таблица

Частота повторов конститутивных признаков в разных видах институционального дискурса

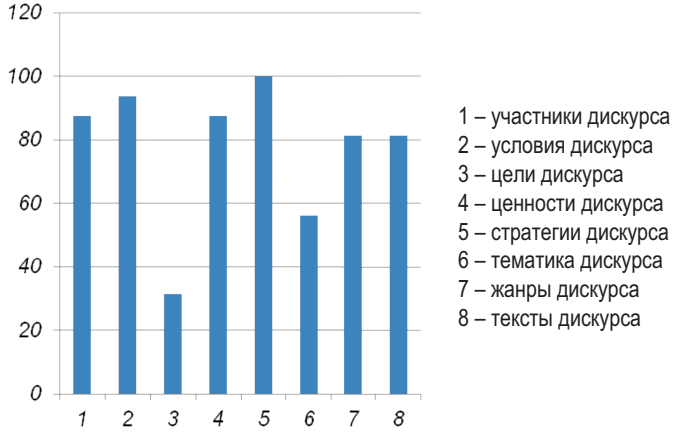
Параметры дискурса	Число повторов в единицах	Число повторов в процентах
Участники	14	87,5
Условия	15	93,8
Цели	5	31,3
Ценности	14	87,5
Стратегия	16	100,0
Тематика	9	56,3
Жанры	13	81,3
Тексты	13	81,3

Для большей наглядности представим полученные результаты в виде диаграммы (см. диаграмму 1).

Итак, по результатам проведенного анализа можно проследить способы проникновения элементов одного вида институционального дискурса в другой, а также пути возникновения гибридных видов институционального дискурса.

Диаграмма 1

Частота повторов конститутивных признаков в разных видах институционального дискурса



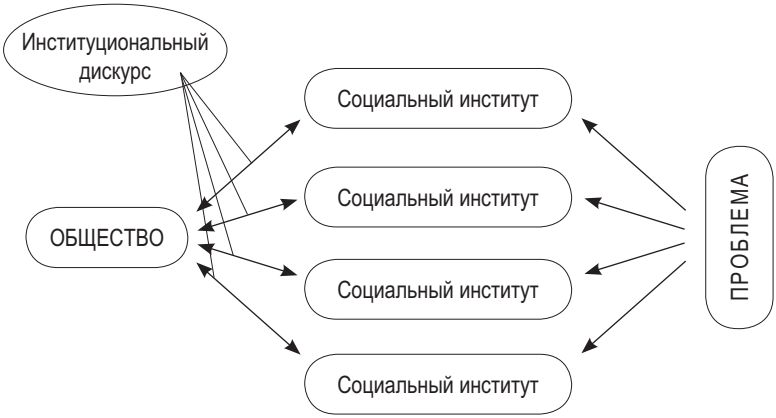
Их возникновение обусловлено потребностями социальных институтов, призванными обеспечить ценностную составляющую жизни определенного этносоциума, регламентировать отношения внутри него и за его пределами. В контексте вышесказанного в синхроническом аспекте состав участников разных видов институционального дискурса остается величиной практически константной, что следует из результатов нашего исследования. Данное релевантно также для параметра *условия.*

Экстралингвистические факторы во многом определяют цели социальных институтов и оказывают влияние на лингвистическую специфику разных разновидностей институционального дискурса. Именно спектр проблем обусловливает низкий процент сходства целей разных видов институционального дискурса.

Отметим, что для решения проблем социальных институтов применяется одинаковый набор стратегий, а именно: информирующая о проблеме, воздействующая на представителей этносоциума. В каждом отдельном виде институционального дискурса имеются свои вариации или отклонения, но они обусловлены спецификой отраслевого знания, каналом распространения информации и социокультурными параметрами адресата.

Подчеркнем, что набор языковых средств, необходимых для решения проблемы, ограничен жанрами и характеристиками текстов. Этим обстоятельством объясняется частое число повторов в выборе жанра различными видами институционального дискурса. Отразим наши наблюдения в виде схемы, иллюстрирующей возникновение институционального дискурса (см. схема 1).

Схема 1



Пути возникновения новых видов институционального дискурса схожи: определенные социальные институты являются помощниками в решении проблем, стоящих перед обществом. При этом они опираются на общечеловеческую систему ценностей и используют существующие стратегии. Набор жанров для реализации этих стратегий ограничен, но при этом возможно заимствование разных целей, имеющих свою характерную тематику (см. табл.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гусейнова И. А., Томская М. В.* Глобальный и национально-культурный аспекты институционального дискурса // Актуальные проблемы современной лексикологии и фразеологии : тезисы докладов Междунар. науч. конф. К 100-летию проф. И. И. Чернышевой. Москва, 14–15 марта 2011 г. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2001. – С. 50–52.
2. *Карасик В. И.* Структура институционального дискурса / В. И. Карасик // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов : Изд-во СГУ, 2000. – С. 25–33.

3. *Карасик В. И.* Языковой круг, личность, концепты, дискурс. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
4. *Weymann-Weyhe Walter.* Sprache, Gesellschaft, Institution: Vorklärungen zur Problematik von Institutionen in d. gegenwärtigen Gesellschaft : Patmos-Paperbacks. – Verlag : Düsseldorf : Patmos-Verlag, 1978. – 264 S.

УДК 811.11:378

Н. В. Авдевич

кандидат филологических наук, доцент,
доцент каф. лингвистики и профессиональной коммуникации
в области зарубежного регионоведения ИМО и СПН МГЛУ
e-mail: linguist2002@rambler.ru

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ (на материале вариативных терминологических и нетерминологических языковых единиц в текстах международной межрегиональной коммуникации)

В статье с позиций когнитивной лингвистики рассматриваются некоторые теоретические и практические аспекты обучения английскому языку, связанные с декодированием вариативных языковых единиц. Особое внимание уделено стратегии перевода многозначных терминологических и нетерминологических лексем, встречающихся в общественно-политических текстах, которые представляют особый профессиональный интерес для студентов, обучающихся по специальности зарубежного регионоведения. На конкретных примерах показывается использование путей и средств разрешения смысловой неопределенности языковых единиц с диффузным значением.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; вариативность; неоднозначность; профессиональная коммуникация; общественно-политические тексты; интерпретация; инференция; фоновые знания.

N. V. Avdevich

Ph.D. (Philology), Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Linguistics and Professional Communication
in Area Studies Sphere, Institute of International Relations
and Social-political Studies MSLU; e-mail: linguist2002@rambler.ru

COGNITIVE ASPECTS OF PROFESSIONALLY-ORIENTED ENGLISH LANGUAGE TEACHING (based on the variability of terminological and non-terminological linguistic units in the texts of international inter-regional communication)

From the standpoint of cognitive linguistics the article examines some theoretical and practical aspects of English language teaching, related to decoding

variant language units. Special emphasis is placed on the translation strategies of polysemantic terminological and non-terminological lexemes found in socio-political texts that are of particular professional interest to students specializing in the sphere of area studies. The illustrative examples demonstrate the ways and means of sense disambiguation of the lexical items with diffuse semantic value.

Key words: cognitive linguistics; variability; ambiguity; professional communication; socio-political texts; interpretation; inference; background knowledge.

Современные специалисты, работающие в сфере зарубежного регионоведения, должны понимать и адекватно переводить общественно-политические тексты, освещающие состояние и проблемы международной межрегиональной коммуникации. Это стало особенно актуально теперь, когда оперативно получить любую интересующую их информацию сделало возможным активное использование источников Всемирной «паутины». Общеизвестно также, что основным языком большинства веб-ресурсов является английский.

Не секрет, что помещаемые в Сеть материалы содержат немало терминологических и нетерминологических англоязычных единиц, нередко представляющих определенные трудности для понимания в силу их семантической вариативности, которая характеризуется фундаментальным свойством языковой системы обладать потенциалом реализации в речи в виде множества лексико-семантических вариантов (далее – ЛСВ) [16, с. 71]. При этом каждый из них в процессе того или иного речевого использования выступает как конкретное ситуативное воплощение данной языковой единицы. Но вот уловить, понять эту конкретику удается далеко не всем и не сразу, поскольку свойство вариативности сопряжено с диффузностью совокупности имеющихся у языковой единицы вариантов, с необходимостью выявления смыслового содержания именно данного, а не какого-то другого ЛСВ. Поэтому одной из задач преподавателя является формирование у студентов навыка нейтрализации вариативности, умения находить и применять необходимые средства для декодирования подобных единиц, тем самым способствовать правильному пониманию всего переводимого текста в целом.

Заметим, что процесс выявления компонентов информативно-смыслового содержания переводимого текста выдвигает на первый план роль мобилизации самых различных структур знания. В свою очередь, в рамках современной педагогической науки проблема

активизации структур знания в процессе интерпретации текста и его элементов оказываются наиболее востребованными и приоритетными основополагающие аспекты ее когнитивно-ориентированного направления.

Актуальной задачей когнитивной лингвистики является вопрос о принципах категоризации и концептуализации мира и его фрагментов различными средствами языка и об их дифференцированных возможностях участвовать в получении, фиксации, хранении и продуцировании значимой для человека информации, а также о разных типах знания, стоящих за теми или иными языковыми единицами. В связи с этим небезынтересно вспомнить высказывание Е. С. Кубряковой о том, что «естественный язык дает возможность, манипулируя вербальными символами, манипулировать концептами как элементами концептуальной системы и строить и создавать на основе этого новые концептуальные структуры» [9, с. 12].

Будучи явлением социальным, язык неизбежно вступает во взаимодействие с культурой, в результате чего многие языковые явления оказываются обусловленными воздействием культурной среды и происходящими в ней коммуникативными процессами. Особенно ярко взаимодействие языка и культуры наблюдается в ходе эволюции аналитических языков, к которым относится английский язык, оказавшийся в ситуации, для которой характерна интенсификация номинативных процессов, выступающих как форма адаптации к условиям меняющейся культурной среды.

Вместе с тем, этому безусловно полезному свойству языковых единиц сопутствует такая уникальная способность естественных языков (в том числе и английского), как наличие в них совокупности лексических явлений, объединенных общим названием «неоднозначность», суть которой заключается в отсутствии простого однозначного соответствия между планом выражения и планом содержания. Отмечая то, что «случаи неоднозначности являются объективно наблюдаемыми и что это отнюдь не плод сугубо личного истолкования», У. Л. Чейф определяет термин «неоднозначность» как означающий, что два или более высказывания различаются семантически, но не фонетически [19, с. 94]. В свою очередь А. А. Зализняк отмечает, что «языковая неоднозначность есть способность слова, выражения или конструкции иметь, в разных условиях, различные смыслы, то есть

это свойство языковых единиц (причем … имеющее значение для их функционирования)» [6, с. 15].

К одному из характерных проявлений семантической неоднозначности, широко представленных в современном английском языке, относится полисемия (или множественность значений, т. е. многозначность), являющаяся, как об этом пишет Дж. Лайонз, свойством, присущим одной лексеме, в чем заключается ее основное отличие от другой разновидности неоднозначности – омонимии [10, с. 8]. Понимание полисемии как способности слова обладать несколькими связанными между собой значениями дало основание Д. Н. Шмелеву говорить о сущности многозначного слова в ракурсе так называемой семантической неопределенности и диффузности, размытости лексического значения, где «принцип диффузности значений многозначного слова является решающим фактором, определяющим его семантику» [18, с. 8].

Заметим, что тема лексической многозначности – одна из наиболее актуальных в современном языкознании, о чем убедительно свидетельствуют многочисленные работы отечественных (В. В. Виноградов, А. И. Смирницкий, А. А. Потебня, М. В. Никитин, Е. С. Кубрякова, С. А. Песина и др.) и зарубежных (Г. Пауль, Л. Блумфилд, С. Ульманн, Дж. Лайонз, Дж. Лакофф, Дж. Пустыевский и др.) исследователей этого универсального явления. Такое пристальное и неослабевающее внимание вполне закономерно, поскольку полисемия представляет собой конститутивное свойство языка, вытекающее из самой его сущности [13, с. 203], ибо подавляющее большинство слов любого современного «живого» языка, имеющего длительную литературную традицию, являются словами многозначными [13, с. 237]. Так, почти 60 % зафиксированных тезаурусом П. Роже слов в английском языке являются полисемантами, что позволяет говорить о «вездесущности и повсеместности» полисемии в английском лексиконе (ubiquity of polysemy) [24, с. 72]. В своей книге “Science of Human Behavior” Г. Уоррелл отмечает, что 500 самых употребительных слов английского языка передают более 10 тыс. значений, причем чем употребительнее слово, тем более развита система его производных значений [26, с. 31].

Определяемая как способность одного слова служить для обозначения разных предметов и явлений действительности, а значит, его способность обладать различными значениями, полисемия основана на асимметричности языкового знака и отражает принцип экономии

формальных средств при передаче максимального смыслового объема [7, с. 26]. Однако это несомненное достоинство полисемии как разновидности лексической неоднозначности слова оборачивается латентной двусмысленностью, которая может проявляться при функционировании речи не только в случае сознательной игры слов, но и тогда, когда в одном знаке сталкиваются два или несколько значений, между которыми слушатели или читатели должны сделать выбор, т. е. в случаях бисемии и полисемии [17, с. 54]. Правда, можно было бы предположить, что неопределенность существует исключительно в отдельных случаях, однако в обратном убеждает не только реальная речевая практика носителей языка, но и многочисленные примеры ее проявления в коммуникационных актах между пользователями так называемого английского языка для специальных целей (English for Specific Purposes), который, впрочем, вслед за О. А. Радченко [12, с. 114] будем обозначать гораздо более точным термином «английский язык профессиональной коммуникации».

Используемый в конкретных сферах профессиональной деятельности, этот язык представляет собой специфический регистр, отличающийся от общепринятого языка повседневного общения прежде всего своими функционально-прагматическими, лексическими и стилистическими особенностями, оказывающими существенное влияние на характер изложения материала в текстах разной тематически-профессиональной направленности. Это своеобразие в полной мере свойственно тем оригинальным англоязычным текстам, которые изучают на занятиях по профессиональной коммуникации студенты, выбравшие специализацию зарубежного регионоведения.

Поскольку осваиваемая ими профессия предопределяет постоянную необходимость изучения самых разных сфер жизнедеятельности «подопечных» им регионов – политической, экономической, экологической, коммуникационной, социально-бытовой, культурной и т. д., – в центре их внимания всегда будут и самого разного рода публикации, всесторонне освещающие и анализирующие вышеназванные сферы. А с учетом того, что в современных условиях любые сообщества – будь то в масштабах макро- или микрорегионов – не могут существовать изолированно от процессов мировой глобализации, они так или иначе вступают в связи с другими регионами, странами, народами и межгосударственными объединениями, т. е. в те связи, которые

в русле регионоведения обобщенно можно назвать международными межрегиональными отношениями.

Заметим, что, согласно существующему определению, международные отношения – это совокупность экономических, политических, правовых, идеологических, дипломатических, военных и культурных связей и взаимоотношений между государствами и системами государств, между основными классами, социальными, экономическими, политическими силами, организациями и движениями, действующими на мировой арене [2, с. 206]. Как видим, само определение говорит о самом широком круге проблем, подлежащих детальному научному исследованию и практическому анализу, что подразумевает использование языка профессиональной коммуникации, который необходим для того, чтобы информация была интеллектуально усвоена, понята получателями, имеющими достаточный опыт всестороннего изучения текстов по международным отношениям. Примечательно, что наибольший интерес в этом смысле представляют лингвокультурологические и страноведческие реалии, к числу которых относятся те языковые единицы общелитературной и общенаучной лексики, а также общеизвестные и специальные термины, которые относятся к государственному и региональному устройству, общественно-политической и социальной жизни страны и региона, юриспруденции, военному делу и дипломатии, экономике и производственным отношениям, быту, обычаям и традициям.

В качестве наглядного примера использования общеупотребительной лексики А. П. Миньяр-Белоручева и О. А. Вдовина называют наречия, указывающие на возможность, последовательность и частоту совершаемых действий: *probably*, *perhaps*, *possibly*, *almost*, *certainly*, *consistently*, *typically*, *subsequently*, *etc.* [12, с. 11]. То же самое можно было бы сказать и о других частях речи, в том числе и о существительных.

Примерами терминологической лексики могут служить такие однословные термины-существительные, как *agreement, treaty, settlement, terrorism*, *superpowers, autonomy*, etc, а также многие терминологические словосочетания типа *state-centered world pattern, coercive diplomacy, military expenditure, push-button warfare, etc.*

Нельзя не признать, что в процессе коммуникации часто возникают разного рода помехи, так называемые шумы, которые мешают восприятию заложенного в послании смысла. Одной из категорий

подобного рода шумов являются семантические помехи, которые включают явления, приводящие к двусмысленности сообщений. Среди распространенных помех можно выделить употребление профессионального и бюрократического жаргона, клише, стертых метафор, эвфемизмов (например, вместо слова *dismissal* «увольнение» может быть использовано выражение *setting the correct number of employees*: *установление правильного числа служащих*), а также дискриминационных слов и выражений. Но еще чаще при изучении текстов по рассматриваемой тематике встречаются общеупотребительные языковые единицы и специальные термины, вызывающие трудности для понимания и адекватного перевода вследствие их неоднозначности.

Так, в предложении *The EU is often described as being divided into three areas of responsibility, called* '*pillars*' слово *pillar* помимо двух специальных терминологических значений (в горном деле – *целик*, в морском – *пиллерс*) имеет такие общелитературные значения, как: 1) *столб*, *колонна*, *стойка*; (*физическая*) *опора* и 2) *столп*, *оплот*, (*нематериальная*) *опора*. Обращение к экстралингвистическому контексту (в данном случае это соответствующий ресурс Интернета) позволило установить, что искомыми значениями для перевода неоднозначной единицы на русский язык являются равноценные варианты '*опора*' и '*столп*' (в их нематериальном, переносном смысле, т. е. во вторичной номинации), обозначающие правовую структуру, которая определяет основы функционирования Европейского Союза.

А вот в нижеследующих фрагментах (a) и (b) специализированных текстов могла бы вызвать некоторые сомнения в понимании смысла задействованная в них лексема *capital*:

a. The term ***capital*** is especially confusing. In everyday speech it is often used to mean a sum of money representing the assets of a corporation or an individual. … Such sums of money are important, but when that is what we mean, we should be careful to say 'financial capital' [25, c. 5].

b. ***Capital*** is the equipment, tools, structures, machinery, vehicles, materials, and skills created to help produce goods and services. Don't confuse 'capital resources' with 'financial resources'. As you'll see later, firms often raise funds to acquire new capital by borrowing money or issuing new corporate stock [22, c. 32].

Обратим внимание, что за графической оболочкой выражающего эту лексему знака скрывается три омонима. Два из них, переводимые

на русский язык как общелитературное понятие *столица* и архитектурный термин *капитель*, явно не соответствуют экономическому дискурсу данных фрагментов. Что же касается третьего, к тому же многозначного омонима (в значениях *денежные средства*, *оборудование*, *фонды*, *акционерный капитал*, *ценные бумаги*, *класс капиталистов*), то проблемы выбора здесь нет, ибо в самих фрагментах дается толкование интересующих нас терминов: капитал – это определенная сумма денег *vs.* капитал – это основные средства производства и услуги. Заметим также, что вербализация концепта *capital* в рассмотренных контекстах определяется смыслами других знаков: *financial*, *equipment*, *etc.*

В ряде случаев для правильного выбора наиболее эквивалентного значения используемого в политическом дискурсе слова или словосочетания решающее значение имеет этап интерпретации сообщения. Заметим, что понятие «интерпретация» как одно из ключевых для когнитивного научного направления, – это «когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых «и / или неречевых действий» [7, с. 31]. Иными словами, с точки зрения получателя сообщения, – это процесс распознавания смысла, а результатом этого процесса является конкретное воплощение данного смысла в определенной форме. При этом эмпатия получателя состоит в том, чтобы принять точку зрения говорящего (взгляд на вещи "чужими глазами"), принять презумпции автора, что связано с запасом знаний интерпретатора» (подчеркнуто нами. – *Н. А.*) [7, с. 33]. Нельзя не согласиться с мнением Т. Г. Добросклонской, справедливо полагающей, что «интерпретация предполагает некоторую степень свободы в толковании смысла, границы которой обусловлены как естественными законами семантического соответствия, так и идеологическими факторами» [5, с. 754]. На это, в частности, указывал и английский исследователь Джон Хейнс, когда рассматривал возможности интерпретации идеологически окрашенных слов, таких, например, как *freedom:*

> There are other ideologically 'charged' words which are common in both left and right texts, but which mean different things in each. One of these is freedom. When Margaret Thatcher says: "The kind of Britain I see would always defend its freedom" – she is thinking of freedom in a particular way, but this is not explicit. We have an idea what she means because we have heard

and read other texts by her, and by people speaking from a similar ideological position [20, с. 59].

Позволим себе дать собственный перевод приведенного фрагмента:

> Есть и другие идеологически «заряженные» слова, которые часто употребляются в текстах и левых, и правых, но которые в каждом из них означают разные вещи. Одним из них является слово «свобода». Когда Маргарет Тэтчер говорит: «Та Британия, которую я вижу, всегда будет отстаивать свою свободу», – она думает о свободе (своим) определенным образом, но это не явное (понятное каждому. – *Н. А.*) значение. Мы понимаем, что она имеет в виду, потому что мы слышали и читали другие ее тексты, и тексты людей, говорящих с похожей мировоззренческой позиции.

Итак, автору, в силу его знакомства со многими другими высказываниями выдающегося британского политика, вполне понятен тот смысл, который она вложила в слово «свобода». Однако вряд ли этот смысл абсолютно понятен тем, кто ее тексты не читал, тем более, что само это слово к тому же многозначно. Англо-английские толковые словари приводят от четырех до семи вариантов его значений. Но обратившись к отечественному Новому англо-русскому словарю В. К. Мюллера, находим следующие значения этой лексемы: 1) *свобода, независимость*; 2) *право, привилегия*; 3) *свободное пользование*; 4) *свобода, вольность* [11, с. 289]. Думается, что наш русскоговорящий читатель может предположить, что М. Тэтчер скорее всего имела в виду либо независимость, либо привилегии Британии. Однако со стопроцентной уверенностью выявить подлинный смысл высказывания способен лишь тот интерпретатор, который действительно хорошо знаком и с мировоззрением «железной леди», и с ее выдающимся ораторским искусством, и с публицистическим наследием.

Интерпретация любых типов текста была бы невозможна без когнитивного процесса инференции, который позволяет «выйти за пределы буквального / дословного значения единиц, разглядеть за … языковыми формами больше содержания» [8, с. 411]. Как одно из важнейших понятий лингвистической прагматики, инференция основана на умозаключении, формируемом участниками коммуникации в процессе интерпретации получаемых сообщений. Оно может осуществляться на основании информации, известной из контекста ситуации, из предшествующего речевого контекста, из уже накопленного в течение жизни опыта общения, а также социокультурных знаний.

Ярким примером для поиска адекватного значения посредством инферентного вывода может послужить взятое из военного дискурса терминологическое словосочетание *ceremonial troops.* На первый взгляд оно может показаться достаточно странным, если не оксюморонным. Ведь лексема *troops* (*pl*) имеет значения *войска*, *вооруженные силы, воинские части*, а лексема *ceremonial* в качестве прилагательного переводится как *формальный*; *официальный*; *обрядовый.* Однако в военном лексиконе нет ни формальных, ни официальных, ни обрядовых войск, вооруженных сил или воинских частей. Заглянув в Англо-русский дипломатический словарь, обнаруживаем, что у этого прилагательного есть еще такие значения: *протокольный*, *относящийся к церемониалу* и *торжественный*, *парадный* [1, с. 111]. Эти значения уже не так далеки от искомых. Осталось прибегнуть к перекликающейся с процессом инференции идее лингвокреативности и воспользоваться фоновым культурологическим знанием о церемонии встреч глав государств, которые обходят парадный строй военнослужащих – и можно вывести в общем-то знакомое, давно имеющееся в русском языке значение, а именно – *почетный караул.* Именно так мы и переведем английское словосочетание *ceremonial troops*. Таким образом, оперируя языковыми знаками, а также стоящими за ними когнитивными структурами, находим искомое смысловое содержание, укладывающееся в адекватное английскому русское словосочетание, и получаем новое инферентное знание.

Опираясь на вышеизложенное, следует воздать должное так называемым фоновым знаниям, служащим надежным подспорьем для понимания и перевода оригинальных специализированных политических, экономических и других текстов. Их важность и ценность вряд ли вызывает у кого-то сомнения, тем более, что значительная часть современных медиатекстов носит международный характер, что при их переводе подразумевается наличие универсальных фоновых знаний, которые нередко активизируются с помощью средств английского языка в его роли языка международного, активно внедряющего в иноязычный обиход семантические и фразеологические кальки слов, выражений и фраз.

Достаточно вспомнить такие «номенклатурные» образования, как *evil empire – империя зла*; *weapons trade – торговля оружием*; *arms limitation and reduction – ограничение и сокращение вооружений*; *suicide-bomber – террорист-смертник*; *economic sanctions – экономические*

санкции; а также калькируемые на русский язык *hot spot* – «горячая точка»; *cold war* – «холодная война»; *brain drain* – «утечка мозгов»; *arms race* – «гонка вооружений»; *nuclear winter* – «ядерная зима» и др.

В целом, к фоновым относятся такие экстралингвистические знания, на которые в текстах происходит референция с помощью вербальных репрезентаций. Это знания о реальной действительности, т. е. о фактически существующих в физическом мире людях, местах, событиях, а также знания интертекстуального характера, т. е. знания об элементах прецедентных феноменов литературы, искусства и культуры.

Не менее значима и такая разновидность фоновых знаний, как опорные знания – те, которые студенты получают на лекциях по специальности – отечественному и зарубежному регионоведению, культурологии, политологии, экономике, теории государства и права, социологии и другим дисциплинам. Именно они помогают легче ориентироваться в международной межрегиональной и культурологической проблематике, которая преподносится им на занятиях по профессиональной коммуникации на иностранных языках.

Важным в изучении и интерпретации текста является понятие контекста как совокупности лингвистических и экстралингвистических условий, определяющих значение слова, словосочетания или отдельного высказывания и, соответственно, оказывающих влияние на перевод как коммуникативный акт [20]. Примечательно, что еще в самом начале 60-х гг. прошлого века Т. Слама-Казаку в книге «Language et contexte» писала: «Мы рассматриваем знак как образ объекта в действительности, которую, однако, он не отражает во всей ее полноте, конкретной и специфической, до тех пор, пока этот знак не станет соотноситься со всем ансамблем внутренних средств, который уточняет его “стоимость” в соответствии с актуальной ситуацией» [цит. по: 15, с. 230]. Иными словами, с позиций когнитивистики можно сказать, что контекст включает, с одной стороны, непосредственное текстовое окружение единицы языка, а с другой – социокультурные условия, влияющие на понимание переводимого текста и определяющие ситуацию перевода. Следовательно, для контекста существенное значение имеют и знание происходящего в обществе – психологически, экономически, культурно, – и все аспекты межкультурной коммуникации, которые играют немаловажную роль в современном межнациональном обществе. Таким образом, значимость контекста

обусловлена тематикой сообщений и их задачами, непосредственно связанными с жизнью общества.

Следует иметь в виду, что в оптимальном случае для устранения неоднозначности той или иной многозначной языковой единицы бывает достаточно лишь ближайшего его контекстного окружения. Свидетельством тому может служить выявление нужного ЛСВ многозначной лексемы *needs* в предложении *All the regional international organizations have evolved to deal with the political, economic and financial needs of the global community.* Данная лексема имеет следующие значения: 1) *надобность*, *необходимость*, *нужда*; 2) *pl потребности*, *нужды*, *запросы*; 3) *недостаток*, *нехватка*; 4) *бедность, нужда*; 5) *беда*, *несчастье.* Не вызывает сомнения, что в данном случае для декодирования смысла нет никакой необходимости привлекать экстралингвистические знания, ибо сам внутренний контекст диктует выбор лишь одного из пяти ЛСВ, а именно – *потребности.* Именно этот вариант логично вписывается в перевод рассматриваемой фразы: *Все региональные международные организации развивались, чтобы иметь дело с политическими, экономическими и финансовыми потребностями мирового сообщества.*

Иное дело, если бы в каком-либо специализированном тексте встретились фразеологические единицы типа *kill the bill*, дословный перевод которого звучит просто нелепо. Правда, дословность другого фразеологизма – *catch the Speaker's eye* – вроде бы вполне разумна. Но в том-то и проблема, что для понимания подлинного смысла этих словосочетаний требуются экстралингвистические фоновые знания. Только страноведческий подход позволяет понять национальную «изюминку» этих английских выражений, означающих в первом случае *провалить законопроект*, а во втором – *получить слово в палате общин.*

Из всего вышесказанного следует, что семантические значения анализируемых единиц могут быть должным образом изучены, поняты и переведены с учетом прагматического смысла, а также ситуационного и социокультурного параметров, ибо, как полагает К. Крамш, говоря о профессионально ориентированном умении общения на профессиональном языке специальности, «значение создается не только посредством того, что говорящие сообщают друг другу, но и через то, что они делают со словами, чтобы отреагировать на требования окружающей среды» [23, с. 26].

Подводя итоги вышеизложенному, следует признать особую важность приобретения студентами-регионоведами навыков чтения и перевода оригинальных, неадаптированных, в том числе взятых из Глобальной сети текстов международной межрегиональной коммуникации и освоения ими той лексики, которую можно определить как профессионально ориентированную, или профессионализмы. Эта работа повышает мотивацию будущих специалистов к изучению иностранного языка, активизирует структуры знания и способствует формированию и развитию их коммуникативной компетенции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Англо-русский дипломатический словарь / под рук. В. С. Шах-Назаровой, Н. О. Волковой и К. В. Журавченко. – 3-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 2001. – 856 с.
2. *Будагов Р. А.* Новые слова и значения // Человек и его язык. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 428 с.
3. Дипломатический словарь / под ред. Громыко А. А. и др. : в 3 т. – Т. 2: Л–О. – М. : Наука, 1985. – 500 с.
4. *Добросклонская Т. Г.* Язык политического медиадискурса Великобритании и США // Язык СМИ и политика / под ред. Г. Я. Солганика. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2012. – 952 с.
5. *Елисеева В. В.* Лексикология английского языка : учебное пособие. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 80 с.
6. *Зализняк А. А.* Многозначность в языке и способы ее представления : дис. … д-ра филол. наук. – М., 2002. – 461 с.
7. *Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 245 с.
8. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М. : Языки и славянские культуры, 2004. – 565 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
9. *Кубрякова Е. С.* О генезисе языка, или размышления об абстрактных именах // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 3. – С. 2–14.
10. *Лайонз Дж.* Язык и лингвистика. Вводный курс : пер. с англ. – М. : Эдиториал УРСС, 2004. – 320 с.
11. *Мюллер В. К., Дашевская В. Л. и др.* Новый англо-русский словарь. – М. : Русский язык, 1997. – 890 с.
12. *Миньяр-Белоручева А. П., Вдовина О. А.* Функционально-стилистические особенности научного текста по международным отношениям : научная монография. – М. : Флинта ; Наука, 2008. – 160 с.

13. *Никитин М. В.* Курс лингвистической семантики. – СПб. : Научный центр проблем диалога, 1997. – 760 с.
14. *Радченко О. А.* Основные принципы построения учебника по языку специальности // Разновидности профессионального дискурса в обучении иностранным языкам. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 112–120. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 8 (694). Серия Педагогические науки).
15. Речевая коммуникация в современном обществе / под общ. ред. проф. Л. В. Минаевой. – М. : НОПАЯЗ, 2002. – 318 с.
16. *Солнцев В. М.* Вариативность как общее свойство языковой системы // Вариантность как свойство языковой системы : тезисы докладов. – М. : Наука, 1982. – Ч. 2. – С. 71–73.
17. *Фрей А.* Грамматика ошибок : пер. с фр. – М. : КомКнига, 2006. – 304 с.
18. *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) : автореф. дис. … д-ра филол. наук. – М., 1969. – 27 с.
19. *Чейф У. Л.* Значение и структура языка : пер. с англ. – М. : Эдиториал УРСС, 2003. – 424 с.
20. *Baker M.* In Other Words: A Coursebook on Translation. – New York : Routledge Oxon, 2011. – 352 p.
21. *Haynes J.* Style : Language Workbook. – London : Routledge, 1955. – 108 p.
22. *Hyman D. N.* Economics. – Boston MA : IRWIN, 1992. – 667 p.
23. *Kramsch C.* Language and Culture. – Oxford : Oxford University Press, 1998. – 134 p. – (Oxford Introductions to Language Study).
24. *Langacker R. W.* Language and its Structure. – New York, 1973. – 516 p.
25. *Reynolds L. G.* Microeconomics. Analysis and Policy. – Boston (MA) : IRWIN, 1982. – 470 p.
26. *Warrel A. G.* Science of Human Behavior. – Cleveland, B. F. : Skinner Paperback, 1962. – 208 p.

УДК 372.881.111

С. О. Даминова
аспирант каф. лингводидактики МГЛУ;
e-mail: sofiya16s@yahoo.co.uk

МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ УМЕНИЙ РЕФЕРИРОВАНИЯ УСТНОГО ИНОЯЗЫЧНОГО НАУЧНОГО СООБЩЕНИЯ У СТУДЕНТОВ ВУЗОВ НЕЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

В статье представлена методика формирования умений реферирования устного иноязычного научного сообщения у студентов-нефилологов с использованием иноязычных профессиональных аудиовизуальных материалов. В качестве эффективного средства формирования умений реферирования на иностранном языке были использованы лекции нобелевских лауреатов по химии. Выделены этапы работы с научными иноязычными аудиовизуальными материалами, каждый из которых включает в себя систему упражнений, направленных на развитие умений реферирования научного сообщения.

Ключевые слова: устное иноязычное сообщение; иноязычные аудиовизуальные материалы; умения реферирования; методика формирования умений реферирования.

S. O. Daminova
Post-graduate student, Department of Linguodidactics, MSLU;
e-mail: sofiya16s@yahoo.co.uk

METHOD OF DEVELOPING PRECIS-WRITING SKILLS OF SCIENTIFIC FOREIGN LANGUAGE REPORT TO THE STUDENTS OF NON-LINGUISTICS EDUCATIONAL INSTITUTIONS

The paper considers the method of developing précis-writing skills of scientific foreign language report to the students of a non-linguistic educational institution. We used video lectures from Nobel laureates in chemistry as an effective tool for developing précis-writing skills. The stages of working on a scientific foreign language video are suggested, each of them including the system of exercises aimed at developing précis-writing skills.

Key words: oral foreign language report; foreign language audio-visual materials; précis-writing skills; methodological recommendations on developing précis-writing skills.

В процессе обучения в неязыковом вузе студенты-нефилологи посещают лекции, симпозиумы, принимают участие в международных конференциях, готовят научные презентации по темам курсовых и дипломных работ, разрабатывают научные проекты совместно

с иностранными специалистами, проходят стажировки за рубежом. При этом они должны уметь осуществлять межкультурное профессиональное общение, одним из важных речевых умений которого являются умения реферирования [4; 11].

Развитие умений реферирования является основным требованием Федерального государственного стандарта третьего поколения, программ кафедр иностранных языков вузов нелингвистического профиля.

В Федеральных государственных образовательных стандартах третьего поколения подчеркивается, что для осуществления своей профессиональной деятельности современный выпускник вуза нелингвистического профиля должен владеть базовыми компетенциями: общекультурной, общепрофессиональной, профессиональной. При этом четко дифференцируются требования к будущим бакалаврам и магистрам.

Так, выпускник бакалавриата должен владеть навыками представления полученных результатов в виде кратких отчетов и презентаций (ПК-6) [9]. Выпускник магистратуры вуза нелингвистического профиля должен уметь представлять полученные в исследованиях результаты в виде отчетов и научных публикаций (стендовые доклады, рефераты и статьи в периодической научной печати) (ПК-4) [10].

Изучение современного состояния вопроса о формировании умений реферирования на основе аудирования показало, что эта проблема является актуальной и до конца не решенной. Вопрос о формировании умений реферирования аудио- и аудиовизуальных материалов начал привлекать к себе внимание ученых сравнительно недавно. Владение умениями реферирования с использованием аудио- и аудиовизуальных источников информации, содержащих профессионально значимую информацию, становится все более востребованным в современном межкультурном пространстве, поскольку бóльшую часть информации коммуникант получает аудиально и визуально.

Проведено лишь незначительное количество исследований, в которых были предприняты попытки создать методику обучения реферированию на слух [5], рассмотреть обучение реферированию устной речи на русском (родном) языке в процессе профессиональной речевой подготовки студентов нефилологических специальностей [8], разработать методические основы обучения письменному реферированию аудиотекстов в профильных языковых вузах [1].

В межгосударственном стандарте ГОСТ 7.9-95 (ИСО 214-76), системе стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу «Реферат и аннотация»[1] сформулировано определение реферата, в том числе сводного, изложены требования, предъявляемые к реферированию и аннотированию печатных произведений. Так, реферат – это «краткое точное изложение содержание документа, включающее основные фактические сведения и выводы, без дополнительной интерпретации или критических замечаний автора реферата» [5, с. 2].

На основе имеющихся в научных исследованиях определений понятия «реферирование» в целом, представилось необходимым уточнить определение реферирования устного иноязычного научного сообщения, под которым понимается рецептивно-репродуктивный вид речевой деятельности на иностранном языке, когда имеет место смысловая компрессия воспринимаемого на слух научного текста-оригинала и личная оценка его содержания коммуникантом с целью передачи полученной информации в устной или письменной форме в процессе профессионального общения.

Реферирование устного иноязычного научного сообщения представляет собой активный мотивированный предметный процесс восприятия, осмысления и понимания аудиального или аудиовизуального текста-оригинала коммуникантом с последующей его обработкой и смысловой компрессией во внутренней речи, оформления его основного содержания во внешней устной или письменной речи, сопровождаемого личной оценкой коммуниканта в его научной деятельности. Перечисленные психические процессы базируются на работе органов зрения и слуха. Этот рецептивный вид речевой деятельности, неразрывно связанный с мышлением, психофизиологическими переживаниями человека, основанный на восприятии вербальной и невербальной информации, поступающей от аудиального или аудиовизуального источника. Целью реферирования является удовлетворение коммуникативно-познавательной потребности человека, в частности в процессе профессионального общения.

[1] ГОСТ 7.9-95 (ИСО 214-76): Межгосударственный стандарт, система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. «Реферат и аннотация». – Минск : Межгосударственный совет по стандартизации, метрологии и сертификации. – 11 с.

Для формирования умений реферирования устного иноязычного сообщения студентам-нефилологам необходимо владеть сформированными языковыми (фонетическими, лексическими, грамматическими) компетенциями, которые выделены на основе работ [4; 11].

На *фонетическом уровне* студенты должны владеть следующими навыками:

1) уметь идентифицировать, имитировать и дифференцировать фонетические образы научных терминов, общенаучных и общеупотребительных слов;
2) уметь различать и соблюдать в своей речи просодические (ритмико-интонационные) характеристики речи, включающие темп, ритм, тембр, тон голоса, паузу, плавность, слитность;
3) уметь использовать слухопроизносительные навыки понимания и оформления иноязычной речи в тексте реферата.

На *лексическом уровне* студенты должны уметь:

1) идентифицировать и дифференцировать научную, общенаучную и общеупотребительную лексику;
2) понимать значение слов на основе аудио- и видеоряда;
3) узнавать и раскрывать значения лексических единиц по словообразовательным моделями и по контексту;
4) узнавать вводные слова, слова-связки;
5) заменять лексические единицы синонимами;
4) заменять узкие термины более общими;
5) заменять широкие термины более узкими.

На *грамматическом уровне* необходимо уметь:

1) идентифицировать и дифференцировать различные грамматические конструкции, характерные для научного стиля речи;
2) соотносить грамматические явления с их смысловым значением;
3) заменять грамматические явления синонимичными;
4) определять структуру простого и сложного предложения.

На *информационном уровне* студенты должны уметь:

1) устанавливать логико-композиционную структуру устного иноязычного сообщения;
2) понимать логические и причинно-следственные связи между элементами информации в аудиальном и аудиовизуальном тексте;
3) различать временну́ю соотнесенность событий;

4) использовать профессиональные знания, приобретенные ранее для понимания новой поступающей информации;

Для успешного создания текста реферата на иностранном языке студенты-нефилологи должны приобретать следующие социокультурные знания, выделенные на основе работы [3], необходимые для полноценного иноязычного общения:

– культурно-специфические особенности менталитета, представлений, установок, ценностей, традиций, нравов и обычаев, характерных для представителей иноязычной культуры;
– основные факты культуры, реалии, имена выдающихся деятелей, достопримечательности в стране изучаемого языка;
– основные особенности зарубежной системы образования в области избранной профессии;
– достижения, открытия в области избранной специальности;
– отдельные события из области истории, культуры, политики, социальной жизни в стране изучаемого языка.

Умения реферирования устного иноязычного научного сообщения, установленные на основе работ [2], представляют собой сложную комбинацию рецептивных умений аудирования и продуктивных умений письменной / устной речи. Рассмотрим их.

Рецептивные умения реферирования устного иноязычного научного сообщения следующие:

1) определять содержание устного иноязычного научного сообщения по его названию;
2) понимать основное содержание монологических аудио- и аудиовизуальных текстов:
   а) описание (например, работы прибора, результатов исследования и др.);
   б) повествование (например, хода эксперимента);
   в) рассуждение (например, о достоинствах и недостатках прибора) и др.;
3) понимать основное содержание диалогических аудио- и аудиовизуальных текстов (например, интервью с ведущим ученым в данной области исследования и др.);
4) понимать отдельные фрагменты устного иноязычного сообщения, содержащие невербальные средства речевого общения и определять речевые стратегии коммуникантов;

5) ориентироваться во внешней структуре устного иноязычного сообщения, уметь последовательно, логически следовать за содержанием поступающей информации с экрана, определять взаимосвязь между ее фрагментами;
6) понимать общее, основное, детальное содержание устного иноязычного сообщения.

Продуктивные умения реферирования устного иноязычного научного сообщения следующие:

1) выделять основную идею аудиального и аудиовизуального текста;
2) выделять ключевые слова и словосочетания;
3) выделять профессионально значимую информацию в устном иноязычном сообщении, которая может пригодиться в дальнейшей научной деятельности;
4) отделять главную информацию от второстепенной на основе приобретенного профессионального опыта;
5) излагать содержание аудио- и аудиовизуального материала в устной и письменной форме логично, четко и кратко;
6) анализировать содержание устного иноязычного научного сообщения с учетом его новизны и профессиональной значимости;
7) перифразировать фрагменты устных иноязычных научных сообщений;
8) выполнять речевые операции объединения, обобщения, сокращения, расширения содержания устного иноязычного научного сообщения;
9) приводить нужные примеры, подтверждающие значимость той или иной профессиональной информации.

Учитывая то, что студенты-нефилологи должны уметь реферировать устные иноязычные научные сообщения, опираясь на аудиальных и аудиовизуальные материалы, а также отмечая недостаточную теоретическую и практическую разработанность данной проблемы, представилось необходимым уделить особое внимание этому аспекту лингводидактики.

Разработанная на основе лингводидактических принципов методика формирования умений реферирования включает в себя девять этапов обучения студентов-нефилологов, представляющих собой систему упражнений, составленных на основе работ [3; 4; 6; 11].

Основным средством реализации данной методики выступают аутентичные иноязычные видеолекции нобелевских лауреатов.

На *первом этапе*, преподаватель составляет текст вступительной беседы со студентами; отбирает аудиовизуальный материал, соответствующий изучаемой программной теме; составляет номенклатуру трудных для понимания языковых единиц; отбирает определенное количество эпизодов из видеолекции длительностью в 1–3 минуты; фиксирует кадры, содержание и / или языковое оформление которых могут вызвать затруднения у студентов; составляет упражнения к отдельным конкретным этапам работы над видеолекцией.

Второй этап этого обучения представляет собой беседу преподавателя со студентами о значении умений реферирования на иностранном языке, о структуре и особенностях оформления текста реферата. При этом составление реферата может преследовать две цели:

1. выделение основного содержания устного научного сообщения для использования его в дальнейшей профессиональной деятельности коммуниканта;
2. для научного коллектива, чтобы иметь общее представление о научных достижениях зарубежных специалистов в данной области.

Преподаватель сообщает студентам систему предстоящего обучения, которое будет проходить поэтапно. Преподаватель должен объяснить студентам, что научный реферат должен иметь следующую структуру:

1) формулирование темы, цели исследования;
2) описание методов проведения работы;
3) изложение основных результатов эксперимента и их описание;
4) определение значения и перспектив использования новых знаний;
5) выявление степени погрешности эксперимента;
6) обоснование повторных испытаний;
8) формулирование выводов, в которых должны быть представлены оценка новых полученных результатов и рекомендации по их применению согласно содержанию текста-оригинала.

Студентам могут быть показаны несколько образцов научного реферата как на родном, так и на иностранном языке.

Преподаватель вводит нормативные языковые средства, рекомендуемые для использования при написании реферата.

На *третьем этапе* преподаватель знакомит студентов со значением новых лексических единиц и грамматических конструкций,

необходимых для реферирования видеолекции в устной и письменной форме, которые могут вызвать затруднения в понимании ее содержания. До просмотра видеолекции студенты выполняют ряд языковых упражнений в имитации, идентификации, дифференциации лексических единиц [7].

Помимо указанного выше, необходимо предусмотреть упражнения, направленные на компрессию фраз и развитие понимания неязыковых средств общения. Рассмотрим примеры таких упражнений.

Упражнения, направленные на компрессию информации

а) сократите сложное предложение, опуская придаточное;
б) сократите следующие предложения согласно модели, используя языковой материал, содержащийся в субтитрах;
в) сократите предложения по указанным образцам, употребляя новые слова из данного списка;
г) подчеркните в предложенном мини-тексте слова-связки, соединяющие данное высказывание с предыдущим;
д) подчеркните языковые средства, выражающие достоверность, общеизвестность, новизну, истинность, сомнительность или ложность полученной информации и др.

Упражнения, направленные на понимание невербальных средств общения

а) подберите соответствующие слова / словосочетания, выражающие эмоции человека к предложенным кадрам из видеолекции;
б) подберите соответствующие слова / словосочетания к предложенным кадрам из видеолекции, содержащие жесты / мимику действующих лиц;
в) подберите соответствующие предложения, выражающие народную мудрость (пословицы, поговорки, изречения) к ситуациям речевого общения, изображенных на кадрах из видеолекции др.

Упражнения, направленные на развитие механизма визуализации

а) подберите соответствующий научный термин каждому из предложенных кадров видеолекции;
б) назовите предметы, изображенные на кадрах, используя предложенные термины;
в) соотнесите субтитры с содержанием кадров;
г) заполните пропуски в предложенном тексте, используя кадры видеолекции;
д) заполните пропуски в тексте под кадром и переведите его и др.

Перечисленные выше упражнения, большинство из которых выполняется письменно, предлагаются студентам выборочно в зависимости от содержания видеолекции.

Четвертый этап имеет своей целью совершенствование деятельности механизма вероятностного прогнозирования содержания видеолекции. Студентам рекомендуется выполнить следующие задания:

а) в предложенном тесте отметьте те пункты, которые могли бы относиться к содержанию видеолекции;
б) прослушайте несколько предложений из видеолекции и определите ее возможную проблематику;
в) прослушайте ряд ключевых слов из предложенного сообщения и предположите его возможное содержание и др.

Пятый этап разработанной методики направлен на понимание общего содержании видеолекции. Этот этап структурируется следующим образом:

а) просмотр видеолекции студентами в соответствии с установкой преподавателя;
б) контроль понимания общего содержания просмотренной видеолекции с помощью вопросов и / или тестов.

После просмотра видеофильма студентам рекомендуется выполнить рецептивно-продуктивные задания, направленные на проверку общего понимания содержания видеолекции:

а) письменно ответьте на вопросы преподавателя, направленные на понимание основного содержания видеолекции;
б) из нескольких предложений выберите одно, отражающее основное содержание видеолекции;
в) отметьте те пункты, которые соответствуют содержанию просмотренной видеолекции, и объясните, почему то или иное утверждение неверно и др.

Шестой этап заключается в продолжении работы по развитию рецептивно-репродуктивных умений составления плана видеолекции. Для этого студентам предлагается просмотреть видеолекцию еще раз и выполнить следующие задания:

а) составьте план содержания видеолекции и письменно изложите информацию по каждому пункту этого плана;
б) детально изложите в письменной форме составленный план и др.

Седьмой этап ставит своей целью развитие умений реферирования эпизодов видеолекции, в том случае, если они содержат информационные трудности. Этот этап предполагает следующие действия преподавателя и обучающихся:

1) презентация основных речевых единиц, отобранных из отобранного эпизода;
2) просмотр студентами данного эпизода;
3) контроль понимания содержания просмотренного эпизода на основе обсуждения деталей, фактов и проблем, содержащихся в нем;
4) развитие умений конспектирования на основе содержания эпизода:
   а) устно в нескольких фразах сообщите проблему эпизода;
   б) передайте в письменной форме научную информацию, представленную в эпизоде;
   в) передайте письменно информацию, отражающую точку зрения автора на рассматриваемую проблему и др.;
   г) составьте письменно микросообщение по выявленной проблематике на основе предложенных речевых образцов;
   д) используя последовательность кадров, фигурирующих в эпизоде, письменно / устно передайте его содержание.

Восьмой этап заключается в формировании у студентов умений конспектирования. На этом этапе им предлагается еще раз просмотреть видеолекцию и, используя составленный план, написать конспект, отражающий ее основное содержание. Для этого могут быть предложены списки слов-связок, глаголов, существительных, грамматические конструкции, характерные для письменной речи специалистов.

Далее студентам рекомендуется выполнить упражнения ***на компрессию содержания устного иноязычного научного сообщения***:

а) выделите ключевые слова в видеолекции и сжато перескажите ее содержание;
б) устно или письменно передайте в 10–12 предложениях основное содержание видеолекции;
в) используя составленный на предыдущем этапе план, передайте кратко в письменном виде содержание видеолекции;
г) отразите письменно Ваше мнение о дальнейшем развитии событий, представленных в видеолекции;

д) в предложенном отрывке распечатанного скрипта отметьте фразы, отражающие значимость полученных результатов и ценность информации;
е) прочтите печатную версию видеолекции и из каждого абзаца исключите предложения, не влияющие на его смысл.

Таким образом, перечисленные выше рекомендации должны реализовать поставленную нами цель.

Девятый этап заключается в развитии умений письменного реферирования устного иноязычного сообщения. Для достижения указанной цели на данном этапе студентам предлагается написать реферат к видеолекции с использованием конспекта, отражающего ее основное содержание.

Этот этап начинается с повторного просмотра видеолекции, предваряемого установкой преподавателя. После просмотра студенты должны быть готовы к выполнению следующих заданий:

а) критически оценить профессионально значимую информацию в плане ее новизны;
б) написать научный реферат, отражающий содержание видеолекции.

Разработанная методика была апробирована на занятиях со студентами химического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Полученные результаты доказали ее эффективность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Басова И. А.* Методические основы обучения письменному реферированию аудиотекстов в профильных языковых вузах : автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 2015. – 23 с.
2. *Вейзе А. А.* Чтение, реферирование и аннотирование иностранного текста : учеб. пособие. – М. : Высшая школа, 1985. – 127 с.
3. *Гусева А. В.* Формирование социокультурной компетенции в процессе обучения устному иноязычному общению (школа с углубленным изучением иностранных языков, французский язык). – М., 2002. – 235 с.
4. *Коряковцева Н. Ф.* Теория обучения иностранным языка: продуктивные образовательные технологии : учеб. пособие для студ. лингв. фак-тов вузов. – М. : Издат. центр «Академия», 2010. – 192 с.
5. Межгосударственный стандарт, система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. «Реферат и аннотация»: ГОСТ 7.9-95 (ИСО 214-76). – Минск : Межгосударственный совет по стандартизации, метрологии и сертификации. – 11 с.

6. *Москалев Е. П.* Обучение реферированию на слух (на материале информационных передач французского радио) : дис. … канд. пед. наук. – М., 1981. – 221с.
7. *Пассов Е. И., Кузовлева Н. Е.* Урок иностранного языка. – Ростов-н/Д : Феникс ; М. : Глосса-пресс, 2010. – 640 с.
8. *Пикуцкая О. В.* Обучение реферированию устной речи (в процессе профессиональной речевой подготовки студентов нефилологических специальностей) : дис. ... канд. пед. наук. – Ярославль, 2011. – 224 с.
9. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 04.03.01 – Химия (уровень бакалавриата). Утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 12 марта 2015 г. № 210. (регистрационный номер 36766 от 7 апреля 2015 г.) – с. 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.osu.ru/docs/fgos/vo/bak_04.03.01.pdf (последняя дата обращения 08.01.2016 г.)
10. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 04.04.01 Химия (уровень магистратуры). Утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 23 сентября 2015 г. № 1042. (регистрационный номер 36357 от 19 октября 2015 г.) – с. 8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW; n =187776;fld=134;dst=100011,0;rnd=0.3625026743514285 (последняя дата обращения 08.01.2016 г.)
11. *Щукин А. Н., Фролова Г. М.* Методика преподавания иностранных языков : учебник для студ. учреждений высш. образования. – М. : Издательский центр «Академия», 2015. – 288 с. – (Сер. Бакалавриат).

УДК 37.013

И. С. Денисенко, Г. М. Фролова

Денисенко И. С., аспирант каф. лингводидактики МГЛУ,
учитель английского языка гимназии «Восточное Измайлово» №1811
e-mail: ilya.denisenko@gmail.com

Фролова Г. М., кандидат педагогических наук, профессор,
заведующая каф. лингводидактики МГЛУ;
e-mail: 9mf.06@mail.ru

РАЗРАБОТКА АУТЕНТИЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ОЦЕНКИ УРОВНЯ ОБУЧЕННОСТИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ УЧАЩИХСЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Статья раскрывает понятие «аутентичная оценка межкультурной коммуникативной компетенции», описывает основные характеристики аутентичной оценки и проводит ее сравнение с традиционными способами контроля и оценки уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетенции.

Ключевые слова: межкультурная коммуникативная компетенция; аутентичность; аутентичная оценка; разработка контрольных материалов; аутентичная ситуация общения.

I. S. Denisenko, G. M. Frolova

Denisenko I. S., Postgraduate, Foreign Language Teaching
Department, MSLU; teacher of English in Moscow state school 1811;
e-mail: ilya.denisenko@gmail.com

Frolova G. M., Head of Foreign Language
Teaching Department, MSLU;
PhD, Professor; e-mail: 9mf.06@mail.ru

DESIGNING MATERIALS FOR AUTHENTIC ASSESSMENT OF FOREIGN LANGUAGE SKILLS AND COMMUNICATIVE COMPETENCE IN SECONDARY SCHOOL

This article focuses on authentic assessment of cross-cultural communicative competence, points out basic characteristics of authentic assessment and compares it with traditional ways of assessing language skills.

Key words: cross-cultural communicative competence, authenticity, authentic assessment, test building, authentic situational context.

Authenticity was first recognized as one of the characteristics of native speech [1], and articles, letters, advertisements, TV and radio programs and other oral and written texts produced by native speakers were not as

often used for educational purposes as they are today. However, more and more educationalists have been arguing that authentic materials could and should be used for teaching and assessing foreign language skills, particularly if accompanied by specially designed tasks [3]. Dealing with such tasks students find themselves in real-life situations when their overall competence is displayed. That is why today authenticity is also viewed as a characteristic of a teaching and learning task [5]. Authentic and meaningful communication should be the goal of classroom activities, which is the principle of methodology today [6]. Authentic tasks are modeled on natural, real-life communication with a view to developing students' communicative skills.

Assessing cross-cultural communicative competence authentically means trying to reproduce a natural social environment, its challenges and conditions. Some authentic ways of assessment have been developed for some time. John Dewey, G. Wiggins, J. Mueller, D. Newman, J. Michael O'Malley, D. Collison, JohnN. Bergan, S. Chappius, E. Badger, C. Chapman and others see authentic assessment in the classroom as a process of life-task solving when students try the tasks they meet in educational, social and professional life[9]. Some criticize traditional tests for their artificial tasks [11; 12], others – for the fact that they make students remember the correct answer or even cheat instead of trying to get their message across and performing a practical task. On traditional assessments, students are typically given several choices (e.g., a, b, c or d; true or false) and asked to select the right answer. In contrast, authentic assessments ask students to demonstrate understanding by performing a more complex task, usually representative of more meaningful application [7; 8]. Researchers agree that the best way to demonstrate your communicative competence is to do a practical task successfully, and they argue that authentic assessment can play a major role not only in language skills evaluation itself, but also in meeting the educational needs of students and their mentors.

According to the Russian Educational Standard school leavers are expected to acquire competences in a particular subject, like English as a foreign language, to develop interdisciplinary skills and to improve as a personality. The students' progress in English as a result of doing a particular course based on a student book can be measured by traditional methods like standardized tests, international or national exams. For example,

Common European Framework (CEFR) suggests measuring subject results of language education by awarding levels (from A to C). Interdisciplinary results show how a student can use different reading strategies, negotiating skills, critical thinking and IT skills for processing information. Personal results reflect the development of learning motivation, tolerance, cultural awareness, etc. Unfortunately, there is a certain contradiction between the results sought and the way the results are assessed. Traditional discrete and integrated skills tests that are mostly used in the national language exam do not really reflect students' level of language proficiency.

The aim of the proposed authentic approach to building test materials is to assess a complex of skills and competences. Being focused on intercultural communicative competence, authentic tests evaluate strategic, linguistic and cultural competences simultaneously. An experiment showed that authentic tests can also be useful in evaluating interdisciplinary skills. An authentic test is made up of a set of tasks based on the same context and topic.

For the student authentic assessment goes through three stages: performance, presentation and feedback. Self-evaluation is very important for the method that is also aimed at developing students' reflection skills.

Table 1

Authentic assessment model

	Stage of the authentic test	**Teacher's role**	**Student's role**
1	Performance (application of required skills and competences)	Sets a task; acts as an interlocutor	Works on an authentic task
2	Presentation of the results	Provides feedback, commenting on and discussing the work done	Presents the results
3	Feedback	Grades the student, collects data	Reflects on the work done, reviews the results if necessary, presents the results a second time

One of the most important features of an authentic test is that it is built round a *situational context*. Context is an important factor of a person's perception of the situation he finds himself in [2]. Context in an authentic

test is created by the thematic unity of the tasks. *An authentic situational context* recreates a real-life situation that students may have to deal with outside the classroom. Demonstrating cross-cultural communicative competence while solving practical tasks is essential. It helps teachers to assess their students' performance holistically, instead of testing a number of separate language skills.

An authentic situational context allows students to demonstrate key competences which are expected to be developed at a particular school level. Struggling with a sensible task works for both educational and evaluation purposes. Thoroughly organised feedback is crucial to the method: it has a wash back effect necessary for further skills development as both the students and the teacherget immediate information about the learners' progress.

Each authentic test has one, carefully developed theme. Choosing the theme it is important to take into account the students' interests and age. The topic should be connected with students' everyday life, they need to have some first-hand experience in it. It is desirable for the topic to be inter-disciplinary and connected with the students' experience in other fields.

An authentic test consists of four stages, each of which has its own objectives.

Table 2

Authentic test objectives according to the test stages

Stage of the authentic test	Main test objectives
Preparatory	Listening: ability to understand the facts and logic. Reading: ability to separate the main and additional information, ability to understand the idea of the test.
Design and research (project stage)	Ability to formulate the research goals, critical thinking, creativity, problem solving skills.
Presentation	Speaking: ability to describe thinks, to developa topic, to produce coherent reasoning while discussing a topic; to use language adequate to the purpose of speaking.
Double checking	Writing: ability to create a clear, coherent text, to use different language patterns accurately. Self-evaluation: ability to understand the reasons of success and failure.

Listening and reading tasks in the authentic test are used not only for assessment and evaluation, but they also play an important role in introducing the topic. A movie or an audio recording and a reading text build up a context of the work. This context is relevant to the next stages when students do a project, present it and writya paper related to it or based on it. As a result of the project stage students are expected to make a presentation, write a letter, a comment or an essay, create a blog post or an advert. The results are discussed with a teacher. The discussion has two parts: first, the student makes an oral presentation (oral production), which followed by a question and answer session (oral interaction). This discussion makes it possible to assess the students' speaking skills, both oral production and oral interaction.

To assess and grade students' performance two descriptive scales have been developed. The aim of the first is to evaluate their communicative competence, it specifies the objects of assessment and contains descriptors of the main skills sought. The second helps to assess some other important effects of foreign language study, like students' logic, information procession skills, general background etc.

The first is used to grade students, or give them marks, like 'excellent', 'good', or 'satisfactory'. If students are not graded, the results of an authentic test are collected in students' portfolios and described as highly developed, developed enough and poorly developed. As a result of evaluating a student's oral or written performance with the help of the descriptors, the student gets some important information about his or her individual progress and gaps in skills and competences, on the one hand, and teachers get feedback on the efficiency of their language teaching, on the other.

Table 3

An extract from authentic assessment scale 1

A2–B1	**Subject skills – the student**		
Reading	understands the main idea of the text	understands texts on related topic	understands explicit information
	Interdisciplinary skills – the student		
Reading	understands the task adequately	finds the main facts to characterise the object	deduces the meaning of unfamiliar words from the context

Here is an example of an authentic test meant for A2+ students.

The topic of the test is "The transport system of London: the bicycle".

The topic is relevant to students as many of them ride a bike to school.

At the preparatory stage students read an extract form Colin West's "Grandad's Boneshaker Bicycle", watch a video about different bike types (*https://youtu.be/bulQMlRyTEA*) followed by a task:

Match the type of the bike with its description

1) Road bicycles	a) are designed to be ridden fast on smooth pavement.
2) BMX bikes	b) are design for riding rough off-road trails.
3) Folding bicycles	c) were originally conceived to provide the advantages of both road bikes and mountain bikes.
4) Cruiser bicycles	d) are similar to hybrid bikes, in that they are designed for casual riding, and have a very comfortable, upright riding position, and a large, comfortable seat.
5) Mountain bicycles	e) are popular with kids because of their small size, but they are used by adults and kids alike for various styles of trick and stunt riding.
6) Hybrid or comfort bicycles	f) are ideal for those who need to travel with their bike, want a bike to keep on their boat or plane, or who live in small apartments and don't have a lot of storage space.

An authentic context created is by the following task:

"You are in a bike rental station. Which route would you prefer? What type of bicycle will be the best choice to ride to Jim's house for you? What makes you think so?"

Jim lives in the suburbs of London. There is a map with the routes from the bike rental to his house in front of the students. There are some areas "pavement", "ground", "river", "forest", "cycle superhighway". The station worker (the teacher or a classmate) helps with the choice by asking:

- Who do you ride with (with your friends / parents / alone)?
- What experience in riding a bike have you had in the past that you liked / disliked?
- What would you like to do with your new bike?
- Where would you like to go?

A group of students with extra Math lessons can get an additional task. The task is to calculate the cheapest or the fastest way taking into

consideration the supplied prices / speeds of bikes and all routes lengths. Apart from assessing language skills, a task like that can show how a student(s) is good at mathematics as well. For example in *speed distance time* equations.

Using a foreign language as a means of communication while solving a practical task helps to assess the students' competence authentically.

At the research stage of the test students get the following task:

> "My Dad often commutes to work on a bike. It's very comfortable to rent one, because we live near a docking station. He is an architect and works in an office. That's why he enjoys riding a bike. He says it helps him to keep fit. This summer my Dad is going to Moscow for three months on business. I'd love to ask you whether it's possible to rent a bike in Moscow."

Students will have to compare Moscow and London bike rental systems studying the video by London transport department (*https://tfl.gov.uk/modes/cycling/*) and the site about a similar initiative in Moscow (*http://velobike.ru/en/*).

Students are to develop some practical recommendations for Jim's Dad, keeping in mind the place of work and stay.

- Do you have a bike rental system in Moscow?
- Is it different from London's?
- How can a person rent a bike?
- Where can Jim's Dad find the closest docking station?
- Find out what interesting buildings Jim's Dad can see while going to work and back. Suggest a sightseeing route for him.

The results of the work after all stages can be posted in a blog (*www.englishclub1811.wordpress.com*) as an example of good work for analysis by other students.

Pilot testing in Moscow school 1811 showed positive results. Authentic testing can evaluate students' results efficiently, provide actual information about student's performance, and satisfy the educational needs of students and the requirements of the educational standard. It illustrates students' ability to work with information, produces a positive impact on their motivation, and develops their self-assessment skills. Further research can be carried out to analyze the possibility of integrating authentic testing into the foreign language school syllabus.

REFERENCES

1. *Азимов Э. Г.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М. : АКАР, 2009. – 448 с.
2. *Вербицкий А. А.* Компетентностный подход и теория контекстного обучения : материалы к Четвертому заседанию методологического семинара. 16 ноября 2004 г. – М. : ИЦ ПКПС, 2004. – 92 с. (Сер. «Россия в Болонском процессе: проблемы, задачи, перспективы)
3. *Гальскова Н. Д.* Теория обучения иностранным языкам: лингводидактика и методика / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – 5-е изд. – М. : Академия, 2008. – 331 с.
4. *Соловова Е. Н.* Методика обучения иностранным языкам. Продвинутый курс.– М. : АСТ : Астрель, 2010. – 272 с.
5. *Щепилова А. В.* Теория и методика обучения французскому языку как второму иностранному: учебное пособие. – М. : ВЛАДОС, 2005. – 245 с.
6. *Щукин А. Н., Фролова Г. М.* Методика преподавания иностранных языков. – М. : Академия, 2015. – 288 с.
7. *Black P. and Wiliam D.* Assessment and classroom learning // Assessment in education. – 1998. – 5 (1). – P. 68–74.
8. *Bushweller K.* Teaching to the test // The American School Board Journal. – 1997. – P. 20–25.
9. *Mueller J.* Authentic Assessment toolbox. – URL : www.jfmueller.faculty.noctrl.edu.
10. *Newman D.* Alternative Assessment: Promises and Pitfalls // School Library Media Annual / ed. by C. C. Kuhlthau. – Vol. 11. – Englewood, CO : Libraries Unlimited, 1993.
11. *Newmann F. M. & Wehlage G. G.* Five standards of authentic instruction // Educational Leadership. – 1993. – # 50. – P. 8–12.
12. *O'Malley J. M. and Pierce L. V.* Authentic Assessment for English Language Learning: Practical Approaches for Teachers. – New York : Addison-Wesley Publishing, 1996. – 268 p.
13. *Taylor A. K.* Violating conventional wisdom in multiple choice test construction // College Student Journal. – 2005. – # 39(1). – P. 141–153.
14. *Wiggins G. P. & McTighe J.* Understanding by design. – Alexandria, VA: Association for Supervision and Curriculum Development, 1998. – 201 p.
15. *Wiggins G. P. & McTighe J.* Examining the teaching life // Educational Leadership. – 2006. – # 63. – P. 26–29.

УДК 81'23

Э. Х. Жамалетдинова

преподаватель каф. лингвистики и профессиональной коммуникации
в области зарубежного регионоведения ИМО и СПН МГЛУ
e-mail: khamitovich@gmail.com

РОЛЬ ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВОК ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-КУЛЬТУРОЛОГОВ

Статья посвящена проблеме влияния ценностных ориентаций учащейся молодежи на выбор сферы применения общих и специальных знаний, полученных в процессе обучения по направлению «Культурология». Представлен анализ социологических опросов Левада-центра, который предлагает приблизительный портрет современного выпускника вуза, также дан обзор требований работодателей к молодым сотрудникам, что может быть использовано при формировании общекультурной и профессиональной компетенций.

Ключевые слова: общекультурные компетенции; профессиональные компетенции; культурология; ценностные установки; профессиональные навыки и качества; дефицит квалификации.

E. Kh. Zhamaletdinova

Faculty Member, Linguistics and Professional Communication
in the Field of Region Studies; e-mail: khamitovich@gmail.com

THE ROLE OF THE VALUE SYSTEM IN FORMING PROFESSIONAL COMPETENCES OF CULTURAL STUDIES STUDENTS

The article is devoted to the problem of the value system of contemporary cultural studies students and the way it affects the area of professional activity. The article presents the image of a contemporary graduate which is based on the results of Levada-centre surveys as well as the set of requirements that are laid down by employers for new employees.

Key words*:* common cultural competences; professional competences; cultural studies; value system; professional skills and qualities; skills gap.

Образовательные стандарты подготовки студентов предполагают, что выпускники должны овладеть общекультурной и профессиональной компетенциями. Согласно российскому культурологу А. Я. Флиеру, общекультурная компетенция позволяет выпускнику «свободно понимать, использовать и вариативно интерпретировать всю сумму

обыденных и отчасти специализированных знаний, составляющих норму общественно-социальной эрудированности человека» [10, с. 10].

ФГОС ВПО по направлению подготовки 033000 «Культурология» предполагает такие виды деятельности культуролога, как научно-исследовательская, организационно-управленческая, проектно-аналитическая и экспертная, производственно-технологическая, культурно-просветительская и преподавательская [10]. Анализ профессиональных компетенций культурологов-бакалавров позволяет заключить, что они во многом пересекаются с общекультурными компетенциями выпускника вуза. Кроме того, многие из перечисленных видов деятельности имеют схожие черты, например, сбор, переработка и распространение социокультурной информации. Таким образом, профессиональная деятельность культуролога может широко применяться в гуманитарной сфере.

Однако до сих пор существует проблема определения конкретных видов деятельности культуролога. В статье А. С. Двуреченской «Профессиональная компетентность культуролога в контексте прикладной культурологии» предлагается типология возможных социокультурных практик выпускника-культуролога. Среди них выделяются организационно-управленческая деятельность (например, политика); коммуникативная или информационная; социализационно-трансляционная (например, образование); креативная и досугово-рекреационная [2]. В отсутствие четко очерченной сферы применения культуролога представляется, что единственным конкретным сегментом поля занятости является научная деятельность междисциплинарного характера. Как отмечает А. С. Двуреченская, высокая общегуманитарная подготовка культурологов позволяет применять их в качестве «универсальных заменителей» недостающих специалистов в различных областях гуманитарного профиля [2].

Через профессиональные компетенции обеспечивается связь между вузом и рынком труда за счет подготовки компетентного специалиста. В процессе подготовки необходимо учитывать ценностные установки современных студентов, так как их игнорирование может привести к исчезновению данной дисциплины подготовки как не отвечающей запросам современного общества.

Сходные аспекты общекультурных и профессиональных компетенций студентов-культурологов имеют противоположные стороны. Например, в процессе обучения некоторые из компетенций могут приобретаться студентами в ходе одной и той же деятельности или

выполнения учебных задач. Но в то же время существует опасность крена в ту или иную сторону, т. е. больше внимания может уделяться прививанию общей культуры, а работа над профессиональными качествами будущего специалиста будет недостаточной, и наоборот.

Для общего представления о портрете молодого специалиста-культуролога рассмотрим основные характеристики современной молодежи и отметим возможные причины трансформации базовых ценностей. Молодежь, рожденная в начале 1990-х гг., социализировалась в ситуации стабильности, экономического благополучия, усиления авторитарных тенденций в политике, великодержавной геополитики, официального православия. Типичными характеристиками современной молодежи являются следующие: положительное отношение к Западу; более сильная по сравнению с другой частью населения идентификация с либерально-демократическими ценностями; стремление к гражданским свободам и достижению успеха. Однако, как отмечается в работах Левада-центра, стремление к ценностям западной цивилизации обычно носит временный характер и, по мере взросления, заменяется базовыми общечеловеческими ценностями [4]. Тем не менее можно выделить черты, отличающие современную молодежь от представителей старшего поколения. Современная молодежь больше удовлетворена всеми сферами жизни, чем, например, их родители, более открыта проблемам национального и этнического характера и подвержена влиянию националистической риторики.

Для постперестроечного поколения не представляет интерес переосмысление советского прошлого. Данное поколение восприняло результаты реформ и появившиеся возможности как данность. Соответственно у представителей этого поколения нет необходимости в переоценке ценностной системы поколения родителей и дедов, следовательно, качественной общественной трансформации не произошло. Авторы исследования «Молодежь России» установили, что больше половины опрошенной молодежи оценивают советское прошлое положительно, однако здесь преобладает влияние родственников и СМИ. Со временем позитивные оценки СССР становятся более частотными, превращая Советский Союз в сознании молодых в символ великой цивилизации [4].

В 1990-е и начале 2000-х гг. возросли показатели аномии, т. е. разрушение системы базовых ценностей у молодежи, среди которых

можно отметить самоубийства, расизм, нацизм, ксенофобию, алкоголизм и наркоманию. Аномии характерны, в основном, для провинциальной молодежи и представителей низших слоев населения в крупных городах. Предпосылками к разрушению системы базовых ценностей стали разложение советской системы, спад производства, снижение уровня жизни, появление новых моделей потребления и ценностных ориентиров; идея собственности как награда за преданность власти; идея приобщенности к коллективу, осознанность себя как «мы» и упрощение стандартов идентичности. Данное время характеризуется уходом в прошлое многих идеологических символов, дезориентацией институтов, которые их транслировали (т. е. школы и вуза), внедрением этноконфессиональных мифов, что порождает враждебность по отношению к «чужим», насилие как способ организации общества. Следовательно, происходит утверждение культуры антиинтеллектуализма, падения интереса к политике, цинизм как моральная установка, появление примитивных племенных связей.

Что касается исторической памяти, то исследование «Молодежь России» указывает на «стерилизацию» исторического знания, что транслирует современная школа. Деградация системы образования как механизмов, внедряющих и поддерживающих систему базовых ценностей выражается в нацеленности студентов на усвоение адаптивных механизмов для будущей жизни. Вуз преобразовался в формальную ступень на пути к благополучию и утратил значение передатчика культуры. Таким образом, обучение в вузе воспринимается как некая параллельная реальной жизни деятельность. В связи с этим происходит снижение требований к уровню преподавания.

Ценность благополучия в глазах молодежи ассоциируется с материальным достатком. Материальный достаток в целом описывается положительно и с удовлетворением. Здесь имеет место противоречие, которое связано с внушением общего благополучия в стране, однако ответы на конкретные вопросы соцопросов свидетельствуют об осознаваемой нехватке средств на что-то большее, нежели покупка предметов первой необходимости [4, с. 35]. Социологи отмечают тенденцию к «статусному потреблению», что наносит ущерб семейному бюджету [5, с. 29].

Достаток напрямую связывается с успехом. В основном молодежь оценивает себя как достигшей успеха в свои годы. По результатам

опросов можно сделать вывод, что успех определяется достаточным количеством средств на удовлетворение своих немногочисленных нужд [4, с. 40]. Достижение успеха зависит от связей с влиятельными людьми, удачи, любых оправданных средств, противоречащих принципам честного человека. Такие качества, как амбициозность и честолюбие, также оцениваются крайне негативно. Нежелание искать иные пути достижения успеха приводит к самовнушению о состоятельности жизни, чем оправдывается бездействие. Такая подавленная нереализованность выражается в виде зависти и злобы к более приспособившимся или «осмелившимся», но выражается в агрессии, например, к приезжим, с крайними проявлениями ксенофобии и агрессивного национализма, желании покинуть родную страну и эскапизме разного рода [4, с. 29]. Одним из превалирующих настроений в обществе является зависть к чужим достижениям или неординарным формам мысли, проявление агрессии к «отличающемуся», недоверие к добровольным действиям, отсутствие солидарности. В то же время О. Г. Жукова в статье «ВОВ: парадоксы повседневности» отмечает готовность, с какой русские люди откликаются на призывы к помощи пострадавшим от природных катаклизмов (пожаров или наводнений) и нуждающимся в операциях [6].

Ценности *семья* и *дружба* объединены ценностью *безопасности* [5, с. 14]. Многим семья и друзья представляется средой, свободной от необходимости приспосабливаться и от принуждения со стороны государства. Только в такой среде возможно полноценное осуществление ценности доверия. Доверие оценивается низко, что может объясняться сужением границ самоидентификации членов общества и в широком смысле переходом от коллективистского типа культуры к индивидуалистическому [3, с. 156]. В этой связи ценность труда приобретает смысл как способ повышения личного достатка, а не улучшения жизни в социуме. Тем не менее повышение достатка, а соответственно, и успеха должно происходить за счет повышения качества труда, которое зависит от профессионализма. Однако профессионализм тесно связан с образованием и самообразованием, которые, как и сопутствующая им ценность творчества, имеет низкие оценки среди молодежи [5].

Возросший индивидуализм связывается социологами с недоверием граждан к социальным институтам и представлениями о власти

как об угрозе благополучию. Для массового сознания привычно противопоставлять власть и бесправную массу, причем президент как бы отстранен от обеих и представляется безупречным правителем [4]. Хотя у значительной части студентов прослеживается тенденция к «социальному партнерству», что означает их готовность исполнять обязательства перед властью и ожидание от власти исполнения ее обязательств перед гражданами [8, с. 209].

В русской ментальности именно власть является главной базовой ценностью. Власть должна быть хранительницей и транслятором коллективных символов. Однако в то же время она является мощным дезорганизующим фактором. Для большинства россиян власть ассоциируется с руководителями страны, с их личными качествами, а не с гражданскими правами, которые власть гарантирует и должна защищать. Представленные противоречия в системе ценностей затрудняют совершенствование жизни социума и нации в целом. Согласно Дюркгейму, фактором, скрепляющим общество, является идея, которую оно себе создает, на представлении о себе как о единстве, иначе это хаос [7].

Мы можем заключить, что, социализируясь в переходный период, постперестроечное поколение, как и другие современные поколения России, испытало и испытывает смену состояний надежды, эйфории, разочарования и депрессии, что способствует формированию общей апатии и скепсису.

При подготовке компетентного специалиста вуз выполняет двойную функцию: формирует профессиональные компетенции и осуществляет передачу ценностей, лежащих в основе российского общества. Как было сказано выше, второй аспект представляет определенную трудность. Л. Г. Набиуллин в статье «Формирование профессиональных ценностей учащейся молодежи как фактор становления в России инновационного общества» говорит о том, что особенностью системы ценностей представителей русской культуры является ее постоянная трансформация [8].

Рассмотрим ожидания работодателей от будущих сотрудников. По итогам исследования профессиональных навыков и профессиональных качеств сотрудников, обобщенных в статье Н. Бондаренко «Характер текущего и ожидаемого дефицита профессиональных навыков и качеств работников на российском рынке труда» дефицит квалификаций в основном выражается в нехватке навыков освоения нового,

навыков самостоятельного решения рабочих проблем, инициативности, что относится к группе поведенческих навыков. Нехватка общих навыков связывается с трудностями по планированию рабочего времени, недостаточным уровнем исполнительности, дисциплинированности и профессиональной ответственности, а также недостатком специфических, профессиональных знаний [1].

Основываясь на опросах работодателей, можно сделать выводы о том, на какие профессиональные навыки и качества будет сохраняться и расти спрос. В новых отраслях работники будут обладать большей самостоятельностью, что подразумевает высокую адаптивность к появляющимся технологиям, навыков организации собственного труда, ответственности и инициативности. Традиционные отрасли будут требовать развития базовых навыков и общей культуры, способностей к освоению новых способов труда. Общими для инновационных и традиционных отраслей являются требования повышения коммуникативных навыков в командной работе. Следовательно, в ситуации повышения запросов работодателей и отсутствии способов развития востребованных навыков в среде профессионального развития квалификационный разрыв будет увеличиваться.

У современных работодателей существует мнение, что требуемые профессиональные компетенции потенциальный работник намного эффективнее приобретает путем неформального обучения, т. е. в рамках профессиональных семинаров, тренингов и мастер-классов [1]. Данная точка зрения связана с отсутствием подобных программ обучения в российской системе профессионального образования. Критика российской системы образования традиционно заключается в недостаточном уровне образовательных практик развития критического мышления, что способствовало бы формированию гибкого специалиста. Таким образом, всё еще остается нерешенной проблема развития навыков применения теоретических знаний для решения прикладных задач.

Согласно опросам, проводимым компанией Superjob, при найме молодых сотрудников, во-первых, учитывается мотивированность и целеустремленность, далее организованность и умение планировать время, стремление к самообразованию, а также умение работать в команде. Спрос на данные навыки и профессиональные качества, а также на ответственность, умение работать с информацией и самостоятельно решать профессиональные задачи будет сохраняться среди работодателей. Поэтому во избежание разрыва между профессиональными

компетенциями, приобретаемыми студентами в вузе, и требованиями работодателей, следует искать пути некоторого уровня интеграции программ российского профессионального образования с узкоспециальными программами подготовки молодых сотрудников, а также проводить двусторонние исследования мнений студентов, выпускников и работодателей по результатам обучения и трудоустройства для корректировки образовательных программ.

Подобная интеграция и мониторинг во многом важна при подготовке специалистов-культурологов, ввиду трудности определения конкретной области их использования. Учет ценностных установок современной молодежи и противоречий, возникающих в них, ожиданий и требований работодателей, а также перспектив развития определенных отраслей способствуют более тщательному, точному и успешному выбору методов формирования профессиональных компетенций в рамках образовательных стандартов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бондаренко Н.* Характер текущего и ожидаемого дефицита профессиональных навыков и качеств работников на российском рынке труда // Вестник общественного мнения // Данные. Анализ. Дискуссии. – 2013. – № 3. – 4 (116).
2. *Двуреченская А. С.* Профессиональная компетентность культуролога в контексте прикладной культурологии // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – № 22−2. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-kompetentnost-kulturologa-v-kontekste-prikladnoy-kulturologii
3. *Дубин Б. В.* Слово – письмо – литература: очерки по социологии современной культуры. – М. : Новое литературное обозрение, 2001. – 416 с.
4. *Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Зоркая Н. А.* Молодежь России. – М. : Московская школа политических исследований, 2011. – 96 с.
5. *Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Зоркая Н. А.* Постсоветский человек и гражданское общество. – М. : Московская школа, 2011. – 96 с.
6. *Жукова О. Г.* Великая Отечественная война: парадоксы повседневности // Знание. Понимание. Умение : информационный гуманитарный портал. – 2014. – № 2 (март – апрель) [Электронный ресурс]. – URL : http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/2/Zhukova_Great-Patriotic-War-Paradoxes/
7. Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. / пер. с англ., нем., фр. сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. – М. : Канон+, 1998. – 432 с. – (История философии в памятниках).

8. Российское студенчество на рубеже XX–XXI веков: Трансформация системы ценностей : сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. философии ; отв. ред. : д-р полит. наук И. В. Ильин, Д. Г. Шкаев. – М., 2012. – 316 с. – (Сер.: Проблемы философии).
9. Сайт министерства образования и науки Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://минобрнауки.рф/документы/1888 ФГОС ВПО по направлению подготовки 033000 Культурология (квалификация (степень) бакалавр)
10. *Флиер А. Я.* Культурология для культурологов : учеб. пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии. – М. : Академический Проект, 2000. – 496 с.

УДК 82-31

Д. А. Беляков
специалист по учебно-методической работе
каф. литературы МГЛУ; e-mail: d_belyakov@bk.ru

ОБРАЗ АВТОРА В РОМАНЕ Т. МАННА «ВОЛШЕБНАЯ ГОРА»

В статье исследуются особенности образа автора в «Волшебной горе» Т. Манна. Впервые в отечественном литературоведении выявляется ценностная иерархия повествовательных форм в романе, и описывается новаторский тип сюжетообразующих взаимоотношений автора и героя. Отмечается, что соотношение нарративных форм регулируется авторской трансгредиентностью (М. М. Бахтин) – временной, пространственной и смысловой вненаходимостью. Делается вывод, что спонтанная эволюция Ганса Касторпа предъявляет повышенные требования нарративным технологиям, обуславливающим специфику образа автора в романе. Отчетливо проявляющееся в экспозиции юмористически-ироничное отношение автора-повествователя к герою трансформируется в возрастающее сочувствие, а затем и в уважение. Временна́я, пространственная и смысловая дистанция между автором и героем сокращается по мере становления личности последнего. Подчеркивается, что совпадение кругозоров автора и героя в развязке романа происходит не в традиции классического романа воспитания (Bildung), описывающего возвышение сознания героя до общественного сознания. Автор, диалогически ориентированный на героя и читателя, и взыскующий самости апофатический герой «Волшебной горы» расстаются в развязке диалогизированного *романа становления* как равноправные участники «эстетической деятельности».

Ключевые слова: образ автора; повествовательные формы; временная вненаходимость; пространственная вненаходимость; смысловая вненаходимость; роман воспитания; роман становления.

D. A. Belyakov
Assistant of the Chair of Literature, MSLU;
e-mail: d_belyakov@bk.ru

THE IMAGE OF THE AUTHOR IN TH. MANN'S NOVEL "THE MAGIC MOUNTAIN"

The article is devoted to the peculiarities of the author's image in Thomas Mann's „The Magic Mountain". For the first time in russian literary studies the value hierarchy of narrative forms in this novel is explicated as well as the innovative plot creative relationship between the author and the protagonist is

described. It is noted that the correlation of narrative forms is regulated by the temporal, spatial and semantic „author's outsideness" (M. Bakhtin). It is further concluded that the spontaneous evolution of Hans Castorp places high demands on narrative technologies, which condition the peculiarities of the author's image in the novel. The humorous-ironic attitude of the narrator to the protagonist in the exposition is transforming to sympathy and then to respect. The temporal, spatial and semantic distance between the author und the protagonist is decreasing as Hans' personality is forming. It is emphasized that the coincidence of mental outlooks of the author and of the protagonist is realized not according to tradition of the classical Bildungsroman (novel of education), which describes how the values of society are gradually accepted by the protagonist and how he is ultimately accepted into society. The protagonist – and reader-oriented author and the apophatic self-searching protagonist of „The Magic Mountain" parted in the dénouement of the dialogic novel of formation as equal participants of the „aesthetic activity".

Key words: author's image; narrative forms; temporal outsideness, spatial outsideness; semantic outsideness; Bildungsroman; novel of education; novel of formation.

Постановка проблемы

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы эксплицировать особенности образа автора и установить ценностную иерархию повествовательных форм в романе Т. Манна «Волшебная гора», пролив дополнительный свет на новаторский тип сюжетообразующих взаимоотношений автора и героя. Соотношение нарративных форм регулируется авторской трансгредиентностью (М. М. Бахтин) – временной, пространственной и смысловой вненаходимостью. Анализ и последующий синтез динамики авторского избытка видения позволяет по-новому прочитать роман «Волшебная гора», традиционные воспитательные (Bildung) элементы которого переподчиняются новаторской эстетикой Т. Манна задачам востребованного XX в. жанра романа становления, трактующим и объективирующим эволюцию героя принципиально иным образом.

Временная вненаходимость

В первых строках «Вступления» автор тематизирует эпическую объективность грядущего повествования, подчеркивая «благородную ржавчину старины», успевшую покрыть историю героя, и обусловленные ею нарративные преимущества повествователя, этого «шепчущего заклинателя имперфекта» («der raunende Beschwörer

des Imperfekts» [10, с. 21]). Упоминаемые «стародавние дни» перед «великой войной» работают в том же направлении и призваны подчеркнуть исключительную временну́ю трансгредиентность автора, в действительности имеющую куда более скромные формы: ведь Первая мировая война завершилась всего за шесть месяцев до того, как Т. Манн принялся за написание «Вступления» (апрель 1919 г.). А приступил он к работе над романом более чем за год до начала войны – в июле 1913 г.

Несовпадение временных кругозоров автора и героя находит эксплицированное выражение в эпизоде «Прогулка по берегу моря», представляющему собой своего рода экскурс в основы нарратологии. Эволюционирующему наряду с героем читателю надлежит проникнуться мыслью о том, что повествовательному тексту всегда «присущи два времени: во-первых, его собственное, музыкально-реальное время, определяющее самое течение рассказа» и «во-вторых, время его содержания, которое подчинено законам перспективы» [5, с. 279].

По мере развития сюжета содержательное время непрерывно уплотняется. В первой главе изображается приезд героя в санаторий и его первый вечер там, в третьей – первый день в «Бергхофе», в четвертой – изображаются следующие 17 дней, пятая глава повествует о событиях, укладывающихся в 6,5 месяцев, на долю шестой приходится 1 год и 9 месяцев, наконец, седьмая глава охватывает целых 4 года и 8 месяцев[1]. Счет, таким образом, идет на все более значительные и обесценивающиеся с событийной точки зрения временные отрезки. При этом повествование дробится на все более дискретные эпизоды. Динамика соотношения фабульного и сюжетного времени коррелирует с постепенным изменением чувства времени героя, поломка часов которого обретает символическое значение: Касторп не считает нужным отдавать их в починку, чтобы не дать хронометру подчинить себе ставший автономным процесс становления. Под воздействие безвременья, по-видимому, попадает и сам автор-повествователь. «Еще раз слышим мы голос гофрата Беренса – прислушаемся же к нему внимательно. Быть может, мы слышим его в последний раз!» [5, с. 399], – так начинается эпизод «Демон тупоумия».

[1] Ретроспективно обозревающая детство и юношество героя вторая глава стоит отдельно.

В эпизоде «Vingt et un» таинственной стихии темпоральности суждено уравнять в растерянности не только нарратора и протагониста, но и реципиента:

> Если мы поищем в эти минуты Ганса Касторпа, то найдем его в читальне, в той самой комнате, где когда-то (это «когда-то» звучит довольно туманно – рассказчик, герой и читатель уже не совсем ясно себе представляют, когда именно) ему были открыты очень важные тайны [5, с. 301].

Темпоральное всеведение автора проблематизируется грамматическими средствами в концовке финального эпизода романа, выполняющей функцию эпилога. «Благородная ржавчина» претерита, позволявшая возвыситься над текучей эмпирией жизни, вытесняется ужасом становящегося «здесь и сейчас» презенса.

Выбор времени развязки, конечно, не случаен. 1914 год, помимо объективной исторической важности, наделен субъективной значимостью для Томаса Манна. Он во многом оказывается переломным в его творческой и общественно-политической биографии. В августе 1914 г. писатель направляет рефлексию на тщательно игнорируемую ранее сферу политики, почти на 4 года прерывая работу над «Волшебной горой». В течение последующих месяцев из-под пера Манна выходят несколько милитаристских эссе, намечающих контуры его консервативно-националистической позиции. Ее дифференциация, релятивизация и, как следствие, проблематизация – смысловой центр начатого в октябре 1915 г. и с трудом завершенного в феврале 1918 г. шестисотстраничного эссе «Размышления аполитичного», послужившего причиной столь долгих дискуссий, как в современной Манну, так и в более поздней критике. «Не есть ли мировой слом самое время для каждого заглянуть в себя, посоветоваться с совестью, провести генеральную ревизию своих основ?» [6, с. 63], – задается вопросом писатель, тон которого очевидно коррелирует с финальным вопросительным предложением «санаторного» романа. Дальнейший творческий путь Т. Манна показывает, что установке на «генеральную ревизию своих основ» суждено стать лейтмотивом его сложных и динамичных взаимоотношений с общественно-политической реальностью [2]. Лето 1914 г. – развязка «Волшебной горы» – оказывается точкой отсчета новой перманентно проблематизируемой «духовной ситуации времени» (К. Ясперс), вовлекающей в диалог автора и героя, уравненных историей в своих мировоззренческих правах.

Пространственная вненаходимость

Особенность хронотопа «Волшебной горы» состоит в том, что охватывающий героя авторский *временной* кругозор смежен *пространственному* кругозору героя. Иными словами, внешние проявления мира высокогорного санатория даются читателю преимущественно посредством надежно «отражающего» сознания наблюдательного Ганса Касторпа, а не через прямую регистрацию повествователем.

Вот несколько характерных примеров. Ганс сидит в купе поезда, пребывающего в Швейцарские Альпы. Обитые серым сукном стены, чемодан из крокодиловой кожи, портплед, лежащая на столе книга в мягкой обложке и другие изображаемые предметы – содержание *его* кругозора, фиксирующееся развитой наблюдательностью. Автор не прибегает к своему избытку видения, полностью доверяясь герою-отражателю. При этом речь не только о визуальном, но и о тактильном восприятии: прохладный ветер вынуждает героя поднять «воротник широкого модного пальто из шелковистой ткани» [4, с. 10]. Высокое качество ткани – не авторское наблюдение, а сенсорное ощущение Ганса – воротник мягко касается его шеи или щеки. Вскоре дает о себе знать острый слух героя, различающий в шуме железнодорожной станции «неторопливый гамбургский голос» [4, с. 12] кузена. Изображенный в этом же эпизоде горный пейзаж вводится мимолетным, но принципиальным авторским упоминанием того факта, что Ганс выглянул в окно. Детальное описание широты плеч Иоахима Цимсена, цвета его волос, загорелого лица, выражения глаз, формы усов, губ и особенности строения ушей предваряется фразой: «Ганс искоса посмотрел на двоюродного брата» [4, с. 14]. Следствием подобной нарративной техники, обусловленной акцентированием наблюдательности героя, явится отсутствие внятного описания его внешнего облика, контрастирующее с объемными образами встречаемых Гансом персонажей. В целом же на данном этапе повествования автор ценностно отождествляется с героем без ущерба для «эпической» полноты мировосприятия.

В эпизоде «Мингер Пеперкорн» автор тематизирует наблюдательность Ганса, удостаивая его комплимента за изображение колоритного облика голландца и, тем самым, за содействие в повествовательном труде: «Ему было предоставлено набросать примерный портрет

нового пациента, и он справился со своей задачей удовлетворительно, *в сущности и мы сделали бы не лучше*»[1] [5, с. 291].

Если Ганс что-то не видит и не слышит, повествование компенсирует лакуны восприятия специальными маркерами: «вероятно», «возможно», «казалось» и т. п. Вот как изображен диалог изумленного Ганса с «просвечиваемым» у Беренса кузеном: «“Я вижу твое сердце”, – пробормотал он сдавленным голосом. “Пожалуйста, пожалуйста”, – повторил Иоахим и, *вероятно*, покорно улыбнулся там, в темноте» [4, с. 303].

Ярким примером особенностей пространственной формы героя предстает эпизод «Господин Альбин». Со своего балкона Ганс может наблюдать лишь фрагмент галереи для лежания в саду – именно там находится шезлонг господина Альбина. Вот почему повествование содержит внешние характеристики этого взбунтовавшегося пациента: белокурые волосы, по-детски розовое лицо, размашистые движения. Поскольку бóльшая часть галереи недоступна визуальному восприятию главного героя, находящиеся там дамы, взволнованные провокационными заявлениями Альбина, характеризуются только с аудиальной точки зрения: эмоции воссоздаются их голосами и интонациями.

Организованная мингером Пеперкорном поездка к грохочащему водопаду – противоположный пример. Здесь невозможность слухового восприятия речи голландца компенсируется оптическими впечатлениями от его монолога.

Избыток пространственного видения, позволяющий автору описывать внешние реакции, обнаруживается в тех нередких случаях, когда дело касается его аффектированных состояний героя. Синкретический психический аппарат Ганса, адекватно отражающий внешние явления, до поры не способен обеспечить взаимоотражение составляющих его сознательно-бессознательных компонентов. Автор, в свою очередь, не торопится компенсировать своими разъяснениями недостаточно развитое самосознание героя. В результате многозначный аффект тяготеет к овнешнению.

Узнав от Цимсена о практикуемом в «Бергхофе» расчленении души, Ганс «так начал хохотать, что слезы потекли у него из-под руки, которой он, наклонившись вперед, прикрыл глаза» [4, с. 18]. Объективация же растерянности Ганса, обусловленной внезапно даруемой

[1] Здесь и далее курсив в цитатах из романа наш. – *Прим. авт.*

в шестой главе доктором Беренсом «вольной», строится на акцентировании его бледности и пульсации сердца между ребрами. Автор активно обнаруживает пространственную вненаходимость по отношению к претерпевающему кризисное состояние герою после возвращения Клавдии в компании Пеперкорна. Читатель видит глазами автора побледневшее лицо Ганса, его воспаленные от бессонницы глаза, а также гневные складки, образовавшиеся между бровями.

«Центростремительная» (Д. В. Затонский) поэтика «Волшебной горы» обуславливает специфику топических отношений автора и героя. Пространственное восприятие почти полностью передоверяется главному герою. Дистанцирование ви́дения автора от ви́дения Касторпа осуществляется с целью фиксации примет аффектированного состояния последнего.

Смысловая вненаходимость

Даруемая герою с первых страниц повествования относительно самостоятельная позиция «отражателя», не делает его автоматически выразителем *смыслового* целого. Продолжительность пребывания Ганса Касторпа в санатории «Бергхоф» обратно пропорциональна объему смыслового избытка видения автора.

Простота и наивность осваивающегося на «волшебной горе» Ганса, ограниченные возможности его интроспекции – отправная точка авторской объективации его спонтанной эволюции. Автор берет на себя роль юмористично-ироничного толкователя чувств, ощущений и, реже, мыслей героя.

«Если бы их проанализировать и заключить в слова, то эти впечатления можно было бы примерно выразить так…» [4, с. 41] – комментирует повествователь события детства и юности Ганса Касторпа в эпизоде «О крестильной купели…». Подобные комментарии будут неоднократно воспроизводиться по ходу объективации претерпеваемых «равнинным» сознанием героем трансформаций.

Для построения смысловой формы героя в главах 1–5 привлекаются глаголы чувственного восприятия: *empfinden, sich fühlen, spüren.* Смутно ощущаются: отсутствие безусловной любви к труду, усталость и озноб, стыд и негодование, каникулярная безответственность. Безотчетно переживаются: течение времени, блаженный восторг, глубокая тоска, страх и ужас, «непонятный разнобой и беспорядок»,

окрыляющая влюбленность, растроганность и благоговение, досада, наконец – впечатления, производимые соседями по санаторию: Иоахимом, Сеттембрини, Клавдией.

Во всех этих случаях автор берет на себя труд осознания, переработки и иерархической классификации испытываемых героем состояний. Вот пример анализа реакции Касторпа на «непристойную возню» в «нехорошем» соседнем номере: «В начале он из добродушия старался все объяснить самым безобидным образом. Впрочем, добродушие это можно было истолковать различно: более пресно – как чистоту души, более возвышенно – как суровую стыдливость, более уничижительно – как лицемерие и боязнь правды и даже как благочестивый и мистический страх перед грехом; впрочем, в чувствах Ганса Касторпа было всего этого понемножку» [4, с. 57]. Дифференцирующее и релятивизирующее сознание автора-аналитика, маркирующее себя вводным словом «впрочем», приходит на помощь констатирующему кругозору героя-отражателя.

Не раз обращаясь по ходу повествования к вопросу о природной одаренности Ганса как личности, автор уже в первой главе делает важное для определения жанровой функции героя замечание: «Здесь опять возникает вопрос о том, «посредственность» ли он, или стоит выше посредственности; однако мы предпочли бы не связывать себя определенным ответом» [4, с. 51]. И в дальнейшем автор старательно избегает завершающего суждения о типологической сущности своего героя, оставляя за ним право выходить за собственные пределы, эволюционировать в непредрешенном воспитательным романом направлении – от самого себя данного к самому себе заданному. Композиционно автор оставляет за собой функцию «всезнающего», однако не прибегает к приему проспективной диахронии, предоставляя и становящемуся Гансу, и самому процессу рассказывания-воплощения возможность реализоваться во всей не предусмотренной замыслом жизненной полноте и достоверности. И не ошибается, поскольку по мере личностного роста героя характер его ценностных отношений с автором претерпевает существенные трансформации. Стартовая корреляция *ощущение* / *мысль* постепенно сменяется корреляцией *смысловая часть* / *смысловое целое.*

Размышляя о героической стойкости Иоахима, автор умозаключает об универсальной онтологической проблемности смерти:

> Это забывчивое доверие к судьбе, этот самообман – грустное, но закономерное явление даже у самых мужественных натур в тот период, когда процесс распада близится к летальному исходу, – явление закономерно-безличное, оно сильнее всякого индивидуального создания и подобно соблазнительному сну, который сковывает замерзающего, или хождению по кругу заплутавшегося [5, с. 270].

Далее герой предпринимает попытку самостоятельно развить часть авторского целого, о чем в косвенной речи с характерными ремарками и сообщается читателю: Ганс Касторп «описывая этот факт в разговорах с Нафтой и Сеттембрини, строил всевозможные *хитроумные*, но *шаткие* теории и получил от итальянца даже выговор, когда заявил, что ходячий взгляд, будто философская вера и надежда на победу добра служат признаком здоровья, а склонность все видеть в мрачном свете и все осуждать – признак болезни, – видимо, ошибочен» [5, с. 270–271].

В той же дискурсивной манере изображаются в эпизоде «Operationes spirituales», предшествующем визионерским озарениям героя, его множащиеся сомнения в жизненной основательности теоретических построений менторов. Голос повествователя эксплицирует сущность проблемы:

> «Никакой стройной и ясной концепции не получалось; <…> ибо <…> оппоненты не только противоречили друг другу, но и самим себе» [5, с. 174].

Герой осмеливается на самостоятельное умозаключение относительно одного из ее проявлений – непоследовательности идеологической позиции Нафты:

> Так ли это, думал Ганс Касторп, и как же это согласуется с «безымянным и коллективным» – чтобы в качестве примера сразу указать хотя бы на одну из бесчисленных несообразностей? [5, с. 175].

Переход от первого тома ко второму характеризуется тем, что в процессе объективации смыслового целого героя автор все чаще привлекает глаголы не ощущения, а мышления: *bedenken*, *überlegen*, *verstehen*, *begreifen* – размышлять, обдумывать, понимать. В главах 6–7 они используются в сумме 16 раз[1]. Таковы проявления редукции

[1] До эпизода «Психоанализ» о размышлениях Ганса речь заходит лишь дважды.

избытка авторского понимания. Привычно тонкий анализ событий отныне нередко завершается обобщающим суждением: в схожем ключе мыслит и герой. Так, аналитическая рецепция стремительно прогрессирующей болезни Иоахима передоверяется рефлексии героя:

> Между нами и смертью не возникает никаких конкретных связей, это такое явление, которое нас вообще не касается, и лишь отчасти касается мира и природы, почему все создания взирают на нее с большим спокойствием, хладнокровием, безответственностью и эгоистическим простодушием. За последнее время Ганс Касторп тоже подметил в Иоахиме эту безответственность и простодушие и понял, что хотя двоюродный брат и знает, но ему нетрудно хранить пристойное молчание [6, с. 264].

Здесь понимание героя возвышается до авторского мировоззрения.

Становление Ганса Касторпа отражается на его эволюционирующей речевой культуре. Ее анализ позволяет выделить три характерных этапа.

В речи «равнинного» героя доминируют простые предложения: короткие восклицания и риторические вопросы. Высказывания Ганса констатируют все само собой разумеющееся, не требующее ответа. Усилительные частицы «же» и «ведь» (*doch*, *ja*) подчеркивают уверенную позицию говорящего.

> Ты ведь потом вместе со мной вернешься вниз? [4, с. 14]. (*Du kommst doch gleich mit mir hinunter?* [10, с. 27]).

> Чем он занимается? Расчленением души? Вот гадость! [4, с. 18]. (*Was treibt er? Seelenzergliederung? Das ist ja widerlich!* [10, с. 31]).

На втором этапе не требующие ответа риторические вопросы сменяются познавательным интересом (верят ли масоны в Бога?). Нарастает критическое отношение к собственному онтологическому статусу, порождающее сдержанно-критическую оценку своих мыслей.

> Я лежал тут и предавался размышлениям, – впрочем, размышления, пожалуй, слишком громкое слово [4, с. 269].

Вербализуется (пусть и косвенно) скептическая оценка монологической позиции Сеттембрини:

> Он же меня в порошок сотрет своими пластическими речами, да еще заявит: «Предостерегаю вас, инженер!». А думать по-своему мне всё-таки хочется» [4, с. 411].

Параллельно усложняется синтаксис; парентезы варьируют модальную окрашенность высказывания; прорываются робкие, не доводимые до конца, попытки философских умозаключений:

> Не знаю, понятна ли моя мысль, но если человек глуп, да в придачу еще болен – это на меня как-то особенно действует, такое сочетание, наверно, самая печальная вещь на свете. И совершенно не знаешь, как быть: ведь к больному надо относиться серьезно и с уважением, болезнь – это ведь что-то почтенное, если мне позволено будет так выразиться [4, с. 136].

На третьем этапе суждения героя, высказываемые посредством все более развернутых предложений, не только доводятся до логического завершения, но и обретают самостоятельный характер. Мысленное парирование реплик менторов переходит в вербальную фазу (особенно с появлением Пеперкорна). Парентезы и оговорки – «слова с лазейкой» (М. М. Бахтин) – претворяются в маркеры развитого самосознания (включающего языковую саморефлексию), отдающего себе отчет в принципиальной незавершимости становления. Вот как эволюционирующий Ганс строит высказывание в диалоге с Сеттембрини:

> Я этой остротой вовсе не гнался за парадоксами. Я хотел только указать на большие сложности, которые возникают при определении понятий «глупости» и «разумности». Ведь возникают? Верно? Их так трудно отделить одно от другого, они так легко переходят друг в друга <…> это иногда совершеннейшая тайна <…> а ведь разрешается же интересоваться тайнами, при наличии честного стремления по возможности глубже проникнуть в их сущность [5, с. 339].

Особая роль отводится автором несобственно-прямой речи. Согласно наблюдениям О. Лерха утверждение этой техники как осознанной и концептуально функциональной связано в немецкой литературе именно с фигурой Т. Манна и его первым романом «Будденброки» [9]. Бóльшая степень аукториальности повествователя в «Волшебной горе», с одной стороны, и перманентная эволюция героя, с другой, порождают динамический характер релевантного взаимодействия их голосов. Голос повествователя, остраненно фиксирующий или монологически эксплицирующий логическую структуру сознания героя в прямой и косвенной речи, отождествляется в несобственно-прямой речи со смысловой интенцией героя. Это отождествление

свидетельствует о минимизации, а то и полном устранении ценностной дистанции, ощутимо разделявшей в начале романа позиции автора и героя. Спонтанное умножение случаев использования несобственно-прямой речи является убедительным вербальным подтверждением духовного роста Ганса, кругозор которого демонстрирует тенденцию к слиянию с авторским кругозором.

В скрупулезном статистическом исследовании Э. Абади отмечается, что мысли Касторпа 52 раза передаются в форме прямой речи, 86 – в косвенной и 90 – посредством несобственно-прямой речи [7, с. 145–149]. Приведем примеры, иллюстрирующие когнитивный эффект употребления каждой из этих трех повествовательных дискурсивных форм, организующих эпизод «Ярость. И еще нечто крайне тягостное», в котором описывается кратковременное возвращение Иоахима Цимсена на равнину.

Вот как вводится в презенсе прямая речь героя:

> Ганс Касторп, заикаясь, пролепетал: «Как… то есть? Разве я здоров?» [4, с. 108]. (*Hans Castorp stotterte: „Das heißt… wieso? Bin ich denn gesund?“* [10, с. 530]).

Косвенная речь передается посредством коньюнктива: Ганс «…заявил, что берет на себя смелость более доверять прежним многократным советам гофрата оставаться здесь до полного излечения, с тем чтобы не было больше надобности возвращаться» [4, с. 112]

> Hans “…hatte erklärt, er erlaube sich, auf des Hofrats frühere vielfältige Ermahnungen, seinen Fall hier gründlich auszuheilen, damit er niemals wiederkommen müsse, mehr Gewicht zu legen” [10, с. 533]).

Несобственно-прямая речь строится на основе «эпического» претерита, осложненного конструкцией *würde* + *Infinitiv*:

> Значит, он должен остаться и жить здесь наверху один, без Иоахима? Да, должен. До каких же пор? До тех пор, пока Беренс не отпустит его как вполне здорового, не отпустит всерьез, а не так, как сегодня. Но, во-первых, срок этот был настолько неопределенен, что перед его необозримостью оставалось только развести руками, как это в свое время сделал Иоахим, и, во-вторых, спрашивалось: станет ли тогда невозможное более возможным? <…> О, как гуманист и педагог станет призывать его ухватиться за руку и пойти за вожаком, когда гуманист и педагог узнает о такой возможности! [4, с. 110–111].

> So würde er also allein und ohne Joachim hier oben weiter leben? Ja. Wie lange? Bis Behrens ihn als geheilt entließ, und zwar im Ernst, nicht so wie heute. Aber erstens war das ein Zeitpunkt, zu dessen Bestimmung man nur, wie Joachim einst bei irgendeiner Gelegenheit, in die Luft hinein die Gebärde des Unabsehbaren machen konnte, und zweitens: würde das Unmögliche dann möglicher geworden sein? <…> Wie würde humanistische Pädagogik ihn mahnen, die Hand zu ergreifen und die Führung anzunehmen, wenn die humanistische Pädagogik von der Gelegenheit erfuhr! [10, c. 532].

Таким образом, количественное нарастание случаев употребления несобственно-прямой речи в ходе вербализации самообъективирующих усилий Касторпа отражает процесс сближения мировоззренческих позиций автора и героя.

Взросление Ганса, обретение им духовной зрелости, проявляющейся в самостоятельности мышления, все более отчетливо обнаруживает себя на фоне педагогических споров Нафты и Сеттембрини. Повествователь иронично дистанцируется от попытки изложить их противоречивое и путаное содержание ввиду «риска безнадежно растечься» [5, с. 230]. Однако в дальнейшем – констатирует факт совпадения своего смыслового кругозора с кругозором героя: «Спор продолжался, нам эта игра знакома, Гансу Касторпу – тоже» [5, с. 348–349]. Подчеркнем смысловую наполненность наречия «тоже» и его производных – «те же», «так же», которые превращаются в маркеры поэтапного сближения ценностных установок автора и героя.

По мере того, как позиция Ганса по отношению к его окружению приобретает все более корректный и этически взвешенный характер, становится возможным «удивление» повествователя, констатирующего факт автономного, спонтанного становления личности протагониста: «Мы даже удивляемся, каким образом наш неприметный герой удерживал их подле себя, и объясняем это особым хитроватым и веселым дружелюбием его натуры» [5, с. 335].

В эпилоге авторская позиция познавательно и творчески продуктивно инволюционирует от эпического всеведения к романной растерянности. Автор взволнованно «сдерживает голос», «предчувствует»; он – в числе «испуганных призрачных теней на дороге, постыдно ищущих призрачной безопасности» [5, с. 524]. Автор не констатирует, а вопрошает; он *вживается* в героя, поскольку претерпеваемый последним опыт участника кровавой бойни Первой мировой войны неведом автору-человеку.

«Избыток благозвучий»: частная форма авторского присутствия

На страницах эпизода «Избыток благозвучий» авторская индивидуальность раскрывается особенно выразительно. Параллельно тому, как приобщающийся к миру музыкальной культуры герой изображается в традициях романа о художнике (Künstlerroman), объективным по преимуществу эпическим автором «завладевает» субъективный автор-романтик. Для последнего, по словам М. М. Бахтина, характерно «до самозабвения экспрессивное прямое авторское слово» [1, с. 302–303]: «Захваченные таинственным очарованием ее предмета, мы готовы приступить к рассказу, мы просто жаждем поведать об этом читателю» [5, с. 415]. В «Избытке благозвучий» автор «Волшебной горы» оказывается, таким образом, между Сциллой назревшей необходимости раскрыть амбивалентную сущность олицетворяемой музыкой «симпатии к смерти», столь значимой в свете становления героя, и Харибдой биографической ценности изображаемого материала, побуждающей обозначить собственную позицию, преобразовать себя из автора в протагониста эпизода.

Текст эпизода полон прямых и скрытых отсылок к главным духовным наставникам раннего Т. Манна.

Это А. Шопенгауер и его философия музыки как «отпечатка воли». Воспринимаемая без участия разума, она именно поэтому предстает в глазах Сеттембрини «политически неблагонадежной».

Это Р. Вагнер, скрытый, по мнению Д. Лагнер [8, S. 358], за существительным «Seelenzauberkünstler» и за местоимением третьего лица единственного числа во фразе «Все мы чувствовали себя его сынами» [5, с. 440].

Наконец, это Ф. Ницше. Та же Д. Лангер полагает, что формула «преодоление себя» (Selbstüberwindung) – отсылка к эволюции ницшеанской рецепции Вагнера (преодоление романтизма) [8, с. 308].

Не желая, по выражению М. М. Бахтина, «охлаждать себя преломлениями» [1, с. 303], автор, еще недавно удостоивший героя похвалы за словесный портрет Пеперкорна, не доверяет ему описание граммофона, этого «рога изобилия» и собрания пластинок, именуемых не иначе как «волшебные книги». Речь тут, очевидно, не о привычном ироничном дистанцировании. Оно исключается из спектра объективирующих приемов эпизода, в котором автор обнаруживает

себя знатоком музыки и дает своего рода искусствоведческие комментарии к излюбленным произведениям: своим и героя. Он возвращается на время к технике анализа и вербализации эмотивных состояний Ганса, словно напоминая о своей все еще высокой компетентности в этом тонком вопросе:

> Но объяснить, что значила для него эта песня, эта старинная песня о липе, – задача весьма деликатная, и, приступая к ее разрешению, необходимо соблюдать величайшую сдержанность в интонации, иначе можно скорее напортить, чем помочь [5, с. 437].

В отличие от героя, отгородившегося от санаторного окружения, повествователь активно ищет собеседника, четырежды апеллируя к реципиенту на 20 страницах текста[1]. Он не только вовлекает его в пространство своего столь заметного избытка видения, но и призывает разобраться в деталях изображаемого явления. А затем предвосхищает возмущенные реплики «порядочного» читателя, вызванные специфической рецепцией героем романтического мира музыки.

Читатель оказывается в продуктивном «промежуточном положении», создаваемом сложным рисунком игры голосов повествователя и героя в характерной несобственно-прямой речи, проникающей в глубинные основы их взаимозависимого бытия:

> Неужели пленительная песня о тоске по родине, душевная область, к которой она относилась, сердечное влечение к этой области – «болезненны»? Ничего подобного! Они – самое душевно здоровое, что только может быть [5, с. 439].

Поэтика этого эпизода (как и романа в целом) «возвышает читателя до уровня исследователя, призванного разобраться в когнитивной структуре интенциональных взаимосвязей текста» [3, с. 246].

Поглощенность автора музыкальной темой и аудиальный характер «Избытка благозвучий» в целом сказывается на номинации адресата повествования: в концовке эпизода читатели превращаются в «*Zuhörer*» – слушателей. Устное обращение повествователя подчеркивается также местоимением второго лица множественного числа: «*Ihr Guten!*»[2].

[1] В остальных эпизодах глав 6 и 7 – 15 таких обращений.

[2] Хотя в русском переводе – всё-таки «читатели».

Выводы

Спонтанная эволюция Ганса Касторпа предъявляет повышенные требования нарративным технологиям, обуславливающим специфику образа автора в романе.

Отчетливо проявляющееся в экспозиции юмористически-ироничное отношение автора-повествователя к герою трансформируется в возрастающее сочувствие, а затем и в уважение. Временна́я, пространственная и смысловая дистанция между автором и героем сокращается по мере становления личности последнего. Апелляция к читателю – как, например, в субъективно окрашенном эпизоде «Избыток благозвучия» – содействует выверению контуров ценностной авторской позиции.

По мере приближения к развязке авторский «избыток видения» очевидно исчерпывается: герой знает о себе и о мире не меньше автора. Совпадение этих рецепций происходит, однако, не в традиции классического романа воспитания, описывающего возвышение сознания героя до общественного сознания. Автор, диалогически ориентированный на героя и читателя, и взыскующий самости апофатический герой «Волшебной горы» расстаются в развязке диалогизированного *романа становления* как равноправные участники «эстетической деятельности».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. – М. : Азбука, 2016. – 416 с.
2. *Беляков Д. А.* Политические взгляды Томаса Манна // 69-е Дни науки НИТУ «МИСиС»: сборник тезисов. – М. : Изд. дом МИСиС, 2014. – С. 6–7.
3. *Бондарев А. П.* Автор, герой и рассказчик в эстетической деятельности // Культурно-языковая реальность: философское и регионоведческое измерение. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. – С. 245–258. – (Вестн. Моск. гос. лингвистич. ун-та; вып. 11 (644). Сер. Философия и культурология).
4. *Манн Т.* Волшебная гора (главы первая–пятая) : собр. соч. в 10 т. – М. : Гослитиздат, 1959. – Т. 3. – 500 с.
5. *Манн Т.* Волшебная гора (главы шестая–седьмая) : собр. соч. в 10 т. – М. : Гослитиздат, 1959. – Т. 4. – 541 с.
6. *Манн Т.* Размышления аполитичного. – М. : АСТ, 2015. – 544 с.
7. *Abadi E.* Erzählerprofil und Erzähltechnik im Roman “Der Zauberberg”. – Münster : Lit Verlag, 1998. – 240 S.

8. *Langer D.* Erläuterungen und Dokumente zu Thomas Mann: Der Zauberberg. – Stuttgart : Reclam, 2009. – 478 S.
9. *Lerch E.* Ursprung und Bedeutung der sog. “Erlebten Rede” (“Rede als Tatsache”). – URL : http://www.icn.uni-hamburg.de/narrbib/ursprung-und-bedeutung-der-sog-erlebten-rede-rede-als-tatsache
10. *Mann Th.* Der Zauberberg. Roman. – Stuttgart, Hamburg, München : Dt. Bücherbund, 1982. – 899 S.

УДК 82-31

Е. В. Сомова

доктор филологических наук,
доцент профессор каф. литературы МГЛУ;
e-mail: shalot1@rambler.ru

СИМВОЛИКА РАННЕХРИСТИАНСКОГО ИСКУССТВА (ЖИВОПИСЬ КАТАКОМБ) В ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ Н. УАЙЗМЕНА «ФАБИОЛА»

Статья посвящена малоисследованному в отечественном литературоведении роману Н. Уайзмена «Фабиола» и вводит в научный оборот новый материал. Автор исследования анализирует основные принципы создания исторического повествования, традицию В. Скотта и концепцию истории Ф. Р. де Шатобриана в романе. Исследуется специфика работы писателя с историографичесими источниками при воссоздании исторической эпохи. Следуя открытому Шатобрианом художественному методу «документирования» произведения книжными источниками и топографическим материалом, Н. Уайзмен не только включает в повествование обширные сведения об архитектурном своеобразии Древнего Рима и археологии катакомб, но и сопровождает текст подробными подстрочными примечаниями и ссылками на известные работы по истории вопроса.

Сравнение романа «Фабиола» с «Мучениками» Ф.Р. де Шатобриана позволяет сделать вывод о том, что история возникновения римских катакомб, сведения об их исследовании и археологических находках занимают у английского писателя более значимое место. Историко-архитектурный аспект вынесен в отдельные главы. Н. Уайзмен дает характеристику трех периодов существования Катакомб: от момента возникновения до XIX в.

В статье исследуется живопись катакомб. Н. Уайзмен описывает и комментирует некоторые рисунки и надписи на могилах мучеников, сохранившиеся к середине XIX в. Христианское искусство, еще не выработавшее в эту эпоху своего художественного языка, новое содержание выражало в прежних формах. Об этом свидетельствуют изображения рыбы, виноградной лозы, голубя, льва, агнца. Н. Уайзмен упоминает также значимый и необычный для христианской символики образ Орфея-Христа.

Таким образом, и своеобразие конфликта, и специфика образной системы романа «Фабиола» подчинены общему замыслу Н. Уайзмена: показать противостояние ранней христианской церкви языческому миру. В романе Н. Уайзмена ассоциативные параллели между античным искусством и раннехристианской живописью подчеркивают одну из значимых для романа идей о несомненном влиянии язычества на христианство, когда часть христианской символики была заимствована из языческой культуры. Исследуется также философия истории в романе. Художественное осмысление исторического процесса Н. Уайзменом позволяет выявить своеобразие исторической концепции писателя в этико-философской системе викторианской Англии XIX в.

Ключевые слова: живопись; катакомбы; исторический роман; жанр; традиция; Античность; христианство; язычество; философия истории; историографический источник; историческое повествование.

E. V. Somova

Doctor of Philology, Associate Professor (academic status),
Professor in Department of Literature at MSLU;
e-mail: shalot1@rambler.ru

SYMBOLISM OF EARLY CHRISTIANITY ART (PAINTING IN THE CATACOMBS) IN THE HISTORICAL NOVEL «FABIOLA» BY N .WISEMAN

This article presents new material about historical novel by N. Wiseman «Fabiola: A Tale of the Catacombs». The author of the study has revealed main principles of creating historical narration, the tradition of W. Scott`s and F. R. Chateaubriand conception of history. Explores some specifics of the writer with historiografical sources when recreating the historical era. Following the open Chateaubriand's artistic method of «documenting» works of literary sources and topographical material, N. Wiseman not only includes extensive narrative information about the architectural originality of the Ancient Roman and archaeology of the catacombs, but also accompanies the text with detailed footnotes and references to famous works in the history of the issue.

Comparison of the novel «Fabiola» with «Martyrs» by F. R. de Chateaubriand leads to the conclusion that the history of the Roman catacombs, information about their research and archaeological finds take an English writer more than a significant place. Historical-architectural aspect in a separate Chapter. N. Wiseman gives a description of the three periods of existence of the Catacombs: from its inception to the beginning to the XIX century.

This article examines the paintings of the catacombs. N. Wiseman describes and comments on some drawings and inscriptions on the tombs of the martyrs, preserved to the mid-nineteenth century Christian art, have not yet developed in this era of his artistic language, a new content expressed in the old forms. This is evidenced by the image of the fish, the vine, the dove, the lion, the lamb. N. Wiseman mentions is also important and unusual in Christian symbolism the image of Orpheus-Christ.

Thus, the originality of the conflict, and the specificity of the image system of the novel «Fabiola» subject to a common plan N. Wiseman: to show the confrontation of the early Christian Church of the pagan world. In the novel N. Wiseman associative Parallels between ancient art and early Christian paintings emphasize a significant novel ideas about the undoubted influence of paganism on Christianity, when the Christian symbolism was borrowed from pagan culture. It also explores the philosophy of history in the novel. In the issue the originality of artistic understanding of historic process in creative work of the English novelists

permits to reveal one of the aspects of history concept in ethic-philosophic system of Victorian England of 19th century.

Key words: painting; catacombs; historical novel; genre; tradition; Antiquity, Christianity, Paganism, philosophy of history; historiografical sources; historical narration.

Введение

Роман Н. Уайзмена «Фабиола, или Церковь катакомб» («Fabiola, or the Church of the Catacombs») был опубликован в серии «Популярная Католическая Библиотека» («The Popular Catholic Library»), выходившей с 1854 г. и соединившей задачу познавательную – познакомить читателей с историей церкви – и дидактическую – поучать и наставлять мирян в религиозных доктринах.

Хотя роман вышел анонимно, современникам практически сразу же стало известно имя автора. Николас Патрик Уайзмен (1802–1865), кардинал и архиепископ Вестминстерский, являясь лидером церковного обновления среди английских католиков, сочетал общественную деятельность с разнообразными научными трудами. Он изучал восточные языки, выпустил сирийский перевод Ветхого Завета, читал лекции об отношениях между наукой и верой и обладал обширными познаниями в области церковной истории. Опубликованная в 1854 г. «Фабиола» сразу же обрела популярность, была переведена на несколько европейских языков и принесла Н. Уайзмену широкую известность. Рецензент католического журнала «Dublin Review» отмечал: «То, что романы В. Скотта сделали для современной и средневековой истории, роман «Фабиола» с блестящим успехом сделал для истории ранней Церкви» [цит. по: 8, p. 133].

Обращаясь к историческим событиям начала IV в., несомненно, хорошо известным читателям и наиболее часто и полно описываемым в историографических трудах, как античных, так и нового времени, Н. Уайзмен представляет эпоху в различных ее аспектах лишь как фон для непосредственно интересующего его эпизода церковной истории. Изображение гонений христиан в правление Диоклетиана является сюжетной основой для соединения жизнеописаний мучеников, чьи имена содержатся в церковных канонах (Canon the Mass), и в целом, как подсказывает подзаголовок («The Church of the Catacombs»), для воссоздания истории Церкви Катакомб.

Традиция Ф. Р. де Шатобриана в романе «Фабиола»

В создании исторического романа Н. Уайзмен опирается на предшествующий литературный опыт – художественные открытия В. Скотта, а также роман Ф. Р. Шатобриана «Мученики» (1809), вторая часть которого также посвящена эпохе Диоклетиана и теме мученичества. Показывая столкновение двух культур – поздней античной и ранней христианской, Ф. Р. Шатобриан выступает не только как теолог и философ, следующий высказанной в «Гении христианства» идее о превосходстве христианства над язычеством, но и воссоздает эпоху с археологической и топографической точностью, свойственными «антикварной» направленности эстетики XVIII столетия.

Следуя открытому Шатобрианом художественному методу «документирования» произведения книжными источниками и топографическим материалом, Н. Уайзмен не только включает в повествование обширные сведения об архитектурном своеобразии Древнего Рима и археологии катакомб, но и сопровождает текст подробными подстрочными примечаниями и ссылками на известные работы по истории вопроса. Полномасштабные исследовательские работы в катакомбах начались только с XIX в., когда вышли в свет работы Дж.Б. де Росси, Дж. Марки, А. Фрикена, посвящённые их истории и живописи. В романе Н. Уайзмена наиболее часто цитируется «Архитектура подземного христианского Рима» Ф. Марки («Architecture of Subterranean Christian Rome», 1844) и труды известнейшего антиквара и исследователя катакомб Джованни Батиста де Росси. Помимо этого, Н. Уайзмен часто ссылается непосредственно на латинские источники эпохи – труды Цицерона, Аммиана Марцеллина, Августина Блаженного, Тертуллиана. Во втором издании в романе появляются в гравюрах планы тоннелей и переходов в катакомбах, изображения отдельных надписей и рисунков на гробницах.

Обширные познания по истории и искусству Рима, где Н. Уайзмен учился в юные годы, были обновлены впечатлениями от поездки в Италию зимой 1853 г., во время работы над «Фабиолой». В Предисловии Н. Уайзмен отмечает, что создание трактата по церковным древностям («antiquities») не входит в его задачу. Его намерение – познакомить читателя с обычаями, идеями, чувствами и общим духом ранних веков христианства, дать взгляд на нравственные категории языческого мира в сопоставлении с христианскими [9, с. 6]. Тем не

менее описания отдельных произведений искусства, деталей быта, топографии Рима выполнены настолько точно, насколько возможно. Воссоздавая архитектурные особенности дома Фабия в Риме, Н. Уайзмен объясняет возникший в тексте романа анахронизм: «Возможно, описаны вещи наиболее яркие и выдающиеся для того, чтобы характеризовать эпоху упадка в искусстве. Но мы напомним, что год нашего предполагаемого визита в Рим не так далек от периода расцвета римского искусства, как, например, наша эпоха от времени Рафаэля или Донателло» [9, с. 15].

Подобно Шатобриану, у которого созерцание развалин вызывало, по выражению Б.Г. Реизова, «историческое вдохновение, когда история из науки превращается в живопись и поэзию» [4, с. 43] и воплощается в романтическом пейзаже, Н. Уайзмен также изображает Рим (сады Цезаря и Саллюстия, Марсово поле, Форум, Колизей) в романтической традиции и соответствующей образной системе на фоне прекрасной южной ночи. «Луна светила на лазурном небе и не казалась плоской, каковой она почти всегда является нашему взору на севере; то был бледно-розовый шар, и плыл он медленно среди голубого эфира, разливая свой волшебно-серебристый свет. Во всем своем великолепии высилась громада Колизея» [5, с. 40].

Своеобразие описания Рима у Шатобриана в том, что в тщательно выписанных сценах заложены широкие исторические обобщения. При всей живописной конкретности картины во многом символичны и совмещают временные пласты прошлого и будущего: «Эти акведуки, неумолкающие фонтаны, бесчисленные статуи, похожие на недвижный народ посреди движущегося, волнующегося населения Рима. Эти памятники всех времен и народов ... В Риме все носит отпечаток долговечности и власти. Я видел картину вечного города, начертанную на мраморе Капитолия» [7, с. 39].

У Н. Уайзмена, несмотря на исторические и топографически точные детали, действие также происходит в условном хронотопе. Автор изображает прошлое через призму настоящего, сопоставляет Рим IV века с тем, каким видят город его современники: «приглашаем наших читателей последовать за нами по римским улицам», «двор, уцелевший до сих пор», «где теперь находится триумфальная арка Константина», «с роскошью, которой до сих пор удивляют путешественников в музеях Рима и Неаполя» [5, с. 39]. Включение элементов ретроспекции

и провиденциальных размышлений о будущей славе церкви приводит к тому, что время в романе становится синкретично-условным.

И у Ф.Р. Шатобриана, и у Н. Уайзмена своеобразным символом противостояния двух культур является Колизей. Он олицетворял мощь императорского Рима и в то же время был колыбелью новой религии, поскольку здесь тысячи зрителей видели мученичество первых христиан во имя веры. На сюжетном уровне в романе Н. Уайзмена очевидна параллель с замыслом Ф.Р. Шатобриана. Эвдор, центральный персонаж «Мучеников», в своих бесцельных блужданиях по Риму случайно оказывается у Колизея. Рычание львов в подземных клетках неожиданно вызывает у героя предчувствие своей судьбы, возможной мученической смерти на арене. В романе Н. Уайзмена на фоне Колизея Панкратий предсказывает свою гибель за торжество веры. Кульминационный момент в действии обоих романов происходит на арене амфитеатра.

Еще один эпизод в романе Н. Уайзмена свидетельствует если не о заимствовании, то о типологическом сходстве в следовании «антикварной» традиции. Шатобриан, описывая римские катакомбы, передает лишь общее впечатление, которое производит лабиринт переходов на героя, заблудившегося в безмолвии «жилища мертвецов». Следуя моде на «готический» стиль начала XIX в., романист акцентирует внимание на характерных образах: длинные, слабо освещенные коридоры, мрачный свет лампад, тишина, гаснущий светильник, – которые делают изображение во многом условным. Н. Уайзмен, вводя в повествование элементы «авантюрности», также не избегает мотива блужданий по лабиринтам («labyrinth») подземных галерей и «улиц».

История катакомб в романе

Сравнение романа «Фабиола» с «Мучениками» Ф.Р. де Шатобриана позволяет сделать вывод о том, что история возникновения римских катакомб, сведения об их исследовании и археологических находках занимают у английского писателя более значимое место. Историко-архитектурный аспект вынесен в отдельные главы («Разговор с Читателем», «Чего Диоген не мог рассказать о катакомбах»). Н. Уайзмен дает характеристику трех периодов существования Катакомб: от момента возникновения до начала IV в.; IV–VIII вв.; и до XIX в. В романе кратко представлена имевшая место в XVIII в. дискуссия

о происхождении катакомб. Мнению исследователей, полагавших, что подземные сооружения произошли от песчаных шахт (arenaria), Н. Уайзмен противопоставляет теорию Дж. Марки и Дж. Б. де Росси, согласно которой, катакомбы являются исключительно христианским сооружением, так как их узкие ходы непригодны для извлечения из них строительного материала. Катакомбы спускаются под землю отвесно на большую глубину, под напластования рыхлого песка, что и дало затем возможность разрастись подземным кладбищам, имеющим свою топографию.

Н. Уайзмен описывает устройство «подземного Рима» («subterranean city», [9, с. 122], «underground world» [9, с. 113]) – две основные линии катакомб, опоясывающих половину города, начинавшихся у Ватикана и кончавшихся у дороги Аппия, коридоры, крипты, небольшие часовни, где были установлены алтари. Романист объясняет значимость катакомб для истории ранней церкви, когда они не просто использовались для захоронения, но и служили обрядовыми помещениями и местом собрания христианских общин. Приведены также многочисленные исторические факты, например, гибель христиан при императоре Нумериане, когда римскими солдатами были засыпаны входы у дороги Саллара.

Во второй период для церкви наступили времена мира и благоденствия, и катакомбы, по выражению Н. Уайзмена, «наводнили» паломники. Каждое место подземных кладбищ, связанное с именем какого-либо мученика, стало объектом поклонения. Именно в это время составляются многочисленные мартирологи, на один из которых ссылается романист. Н. Уайзмен отмечает, что в IV в. в катакомбах появляются новые надписи и украшения, которые по стилю «отличить от простых, незамысловатых форм раннего христианства столь же легко, как Рубенса от Фра Анжелико» [9, с. 131]. Позднее сарацины начали опустошать Рим, и катакомбы, подвергшиеся осквернению, были заброшены. Тот момент, когда мощи святых, по решению епископов, стали переносить в монастыри и церкви, ознаменовал новый этап в церковной истории.

Главу о катакомбах Н. Уайзмен завершает краткой историей их открытия и изучения. В XVIII в. на фоне общего интереса к древностям составлялись подробные схемы, планы и описания. Тысячи мраморных плит оказались в коллекциях музеев и церквей, а надписи

и рисунки были скопированы, опубликованы и подробно прокомментированы. Н. Уайзмен дает ссылки на исследования шевалье де Росси, определившего некоторые закономерности и своеобразие надписей своей многотысячной коллекции. В текст романа помещены изображения надписей на греческом и латинском языках, табличек, собранных из обломков.

Анализируя научные исследования, заметки путешественников и художественные описания, Н. Уайзмен размышляет о том, что катакомбы производят противоречивые впечатления. Как правило, для современников они представляют интерес как непосредственное свидетельство древнейших исторических событий. Однако люди глубоко верующие читают в них повесть о жертве и подвиге первых христиан, которым «предназначено было произвести в мире великий переворот» [5, с. 89].

В литературе середины XIX в. катакомбы нередко оказываются местом действия: романы Ф.Р. Шатобриана «Мученики» (1809), Дж. Локхарта «Валериус. Римская история» (1821), А. Дюма «Граф Монте-Кристо» (1844). Чарльз Диккенс в «Картинах Италии» («Pictures from Italy», 1846) описал свои впечатления от посещения катакомб святого Себастьяна (единственные из известных в 1840-х гг.): «Измождённый монах-францисканец с диким горящим взором был единственным нашим проводником в этих глубоких и жутких подземельях. Узкие проходы и отверстия в стенах, уходившие то в ту, то в другую сторону, в сочетании со спертым, тяжёлым воздухом вскоре вытеснили всякое воспоминание о пути, которым мы шли… Мы проходили между могил мучеников за веру: шли по длинным сводчатым подземным дорогам, расходившимся во всех направлениях и перегороженным кое-где каменными завалами. <…> Торжество веры не там, на земле, не в наших роскошных церквах, – сказал францисканец, окидывая нас взглядом, когда мы остановились передохнуть в одном из низких проходов, где кости и прах окружали нас со всех сторон, – её торжество здесь, посреди мучеников за веру!» [3, с. 470–471].

Н. Уайзмен в романе «Фабиола» приводит запись из дневника некоей молодой путешественницы, для которой катакомбы стали ощущением присутствия прошлого в настоящем и произвели впечатление, которого не может дать созерцание никаких других памятников, храмов и развалин древнего Рима.

Античная традиция в живописи катакомб. Образ Орфея-Христа

Особое внимание в романе уделено живописи катакомб. Н. Уайзмен описывает и комментирует некоторые рисунки и надписи на могилах мучеников, сохранившиеся к середине XIX в. Примечателен высеченный на могильном камне на кладбище святого Каллиста портрет могильщика Диогена: «Человек в полный рост, в длинном до колен платье, обутый в сандалии. В правой руке держит заступ, в левой – зажженный фонарь на небольшой цепочке» и надпись: «Диоген, могильщик, в мире положен в восьмой день октябрьских календ» [5, с. 87].

Изображение некогда существовавшего реального человека, личность которого воссоздана творческим воображением Н. Уайзмена, стало прообразом персонажа романа – Диогена. В тексте возникают аллюзии и ассоциативные сравнения с Хароном, дантовским Вергилием, могильщиками у У. Шекспира: высокий, с седыми длинными волосами («a perfect silver and down at the sides of a large massive head», спокойным и печальным выражением лица («looked like one who had lived among the dead» [9, с. 112]). Диоген, шестьдесят лет проведший в катакомбах, становится проводником героев по мрачному подземному «миру мертвых».

Занимаясь своим ремеслом, украшая могилы невинных младенцев, юных мучеников, погибших в амфитеатре, и старцев, Диоген размышляет над бренностью жизни, но в то же время считает, что подвиг во имя веры останется в столетиях, и простая надпись на могиле мученика через тысячу лет сохранится, между тем, как гробницы цезарей, преследовавших христиан, будут разрушены. Диоген, который у Н. Уайзмена почти мифологически стар и многое еще слышал от стариков, объясняет, что живопись на стенах и сводах одной из крипт кладбища Св. Калиста самая древняя.

Христианское искусство, еще не выработавшее в эту эпоху своего художественного языка, новое содержание выражало в прежних формах. Об этом свидетельствуют изображения рыбы, виноградной лозы, голубя, льва, якоря, агнца, оливковой ветви. Вслед за ученым Дж. Б. де Росси, предложившим классификацию фресок катакомб, Н. Уайзмен размышляет в романе «Фабиола» о фресках:

1) символических, выражающих христианские идеи;
2) аллегорических, связанных сюжетно с притчами Ветхого и Нового Завета;

3) античных погребальных изображениях, соотносящихся с миром мертвых у греков, и принятых христианами без изменения значения (Психея, сирены, Орфей);
4) изображающих Спасителя, Богоматерь, святых и эпизоды из истории церкви.

Большинство изображений в римских катакомбах выполнены в эллинистическом стиле, господствовавшем в Италии во II–III вв., только символ «ichthys» имеет восточное происхождение. Н. Уайзмен приводит две известных трактовки происхождения символа рыбы. Первая связана с предложенной Августином Блаженным этимологией греческого слова «ichthys» и именем Христа («О граде Божием», кн. XVIII). В другой сноске указано на толкование Тертуллиана, связывающего происхождение символа рыбы с водным крещением («De Baptisto, кн. II»).

Рисунки катакомб, близкие по стилю к памятникам римской «языческой» живописи, отличаются от них лишь символической идеей, понятной посвященному, когда привычные античные мотивы получают новое истолкование (Психея, собирающая цветы, становится олицетворением души, Эрот превращается в ангела).

Н. Уайзмен упоминает также значимый и необычный для христианской символики образ Орфея-Христа, играющего на лире. Христианство первых веков видело в Орфее Мессию, с приходом которого, возвещенным ветхозаветным пророком Исаией, наступит новое Царство, когда «волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком» (Ис., 11:6). Ранние изображения Христа в образе юного пастуха, сидящего среди стада и держащего лиру, восходят, как отмечает Дж. Холл, к образу Орфея [6, с. 408]. Одно из них открыто профессором Дж. Б. де Росси в катакомбах Каллиста. Орфей сидит на камне между двумя склонившимися к нему деревьями. На голове его фригийская шапка, на нем туника, в руках лира, внизу между деревьями и на деревьях звери, животные и птицы (голуби, павлин, змей, лошадь, лев, овца, черепаха, заяц) слушают зачарованно его игру. Изображение, несомненно, выполнено христианами, поскольку окружающие фреску сюжеты заимствованы из священной истории.

Подобно тому, как Орфей своей лирой укрощал диких зверей, так Спаситель Божественным словом привлекал к себе язычников. Подобная параллель между Иисусом Христом и Орфеем приводится

в сочинениях древних авторов, например, Климента Александрийского, Евсевия. Аббат Мартиньи («Dictionnaire des antiquités chrétiennes», 1877) находил в орфической поэзии немало идей, сходных с идеями Ветхого и Нового Завета.

Появление образа Орфея-Христа в живописи катакомб, связано, возможно, с древними орфическими культами. Орфизм как религиозное учение с длительным периодом развития, нашедшее во II–III вв. общие теоретические положения с неоплатонизмом, мог оказать косвенное влияние на христианство, синкретически вобравшее элементы различных религиозно-философских систем (учение о двух сущностях человека: высокой и низменной, о справедливом воздаянии душе за ее земные деяния).

В романе Н. Уайзмена упоминание образа Орфея вызывает ассоциативное соотношение части античного мифа о спуске героя в царство мертвых с представлениями о христианской Преисподней в эпизоде, где римские солдаты блуждают в лабиринтах катакомб. Описано чувство «священного ужаса», когда на фоне «вытекающего из галерей красного пламени, придававшего стенам багровый свет», появляется безмолвная, подобная тени, фигура женщины в темном платье, неподвижная, «как бронзовая статуя» [5, с. 132].

В романе описаны и другие изображения на сводах катакомб, связанные с заупокойным культом (Воскрешение Лазаря, чудесное спасение пророка Ионы из чрева кита). Все они, по мнению Н. Уайзмена, в аллегорической форме выражают идею воскресения Иисуса Христа и спасения души: «The resurrection with our Lord, and eternal rest as its fruit» [9, с. 135]. По живописной манере эти росписи также близки к памятникам поздней античной живописи.

Библейские сюжеты в живописи катакомб

Росписи в катакомбах Каллиста воссоздают образы евангельских притч: пастырь, несущий на плечах овцу – наиболее часто встречающееся изображение, или виноградник с гроздьями: виноградник – Сын Божий, а христиане – ветви его («true vine, of which we are the branches» [9, с. 134]). В другом сюжете – три отрока в пещи огненной – христиане видели себя и надеялись, что жестокие гонения не устрашат верующих.

Н. Уайзмен анализирует изображения Доброго Пастыря, относящиеся к III–IV вв., периоду гонений на первых христиан и возникшие

на основе сюжета евангельской притчи о заблудшей овце. Добрый Пастырь изображен в виде юноши, одетого в тунику. Он стоит, опершись на посох, в окружении овец и пальм. Спаситель появляется на фресках также с овцой на плечах. Подобный образ встречается в памятниках греко-римского искусства. В языческой живописи известно изображение Меркурия, покровителя стад, который по древнему сказанию, спас город от чумы, явившись в образе пастуха с бараном на плечах. Поэтому греческие художники иногда изображали его в виде пастуха со стоящею подле него овцою или с овцою на плечах. Аллегория «Добрый Пастырь» связана с символом агнца и опирается на Новый Завет. Спаситель называет себя пастырем: «Я пастырь добрый» (Ин., X, 14); «Я пришел к погибшим овцам Дома Израилева» (Мф., XV, 24). Значение образа объясняется евангельской притчей: Пастырь есть Спаситель, поднявший на рамена заблудшую овцу, искупитель грехов рода человеческого.

Герои романа «Фабиола» рассматривают также фрески со сценами из Ветхого Завета, например, Адам и Ева, в момент грехопадения, Каин и Авель, из которых первый приносит в жертву Богу сноп жита или виноград, Моисей у источника в скале, Ной в ковчеге, Даниил в яме со львами, три отрока в пещи огненной. Появление изображений Ионы связано с пророчеством Христа о своём трехдневном пребывании во гробе, в котором он сравнил себя с Ионой (Мф. 12:38–40). Изображение Ионы представлено в нескольких сценах: корабельщики бросают Иону в открытую пасть морского чудовища, подплывающего к кораблю, чудовище в виде морского дракона извергает его на берег; иногда Иона представляется сидящим или лежащим под деревом, с листьями и плодами, или же под открытым небом; иногда все эти изображения соединяются в одной и той же картине, как, например, во фресках катакомб Каллиста.

В символическом смысле может быть истолковано и изображение Даниила во рве львином: Даниил – символ Воскресения. Тот, кто воскресил Лазаря, кто извлек Иону живым и невредимым через три дня из чрева морского чудовища, трех отроков из вавилонской печи и Даниила из пасти львиной, Тот имеет силу возвращать жизнь.

Часто встречается изображение Моисея, изводящего воду из камня в пустыне: Моисей касается своим жезлом скалы, из которой струится вода; два израильтянина припадают к воде и пьют ее. Иногда

Моисей изображен в тот момент, когда он получает от Бога скрижали Закона. К этому же времени относится сюжет о Всемирном Потопе («Deluge»). Н. Уайзмен объясняет, что сюжет Потопа в катакомбах возникает как символ возрождения посредством воды и Святого Духа, символ спасения мира («salvation of the world» [9, с. 135]). В дальнейшем в изображениях катакомб появятся черты схематизма и условности, одухотворенности образов, например, упоминаемые в романе образы Богоматери с младенцем и поклоняющихся Волхвов.

В романе Н. Уайзмена «Фабиола» ассоциативные параллели между античным искусством и раннехристианской живописью подчеркивают одну из значимых для романа идей о несомненном влиянии язычества на христианство, когда в первые века часть христианской символики была заимствована из языческой культуры. С этой же целью введены в текст некоторые цитаты из Горация и сравнение образа жизни христианской общины с пифагорейским сообществом и платоновской республикой. Н. Уайзмен полагает, что у языческих образов и украшений («pagan ornaments») была и другая важная функция – они скрывали, защищали священные изображения от кощунства язычников («Gentile»).

Философия истории Н. Уайзмена

Уайзмен, следуя Ч. Кингсли в изображении сложных религиозно-философских исканий эпохи, избирает в качестве связующего начала между отдельными сюжетными линиями мотив духовного поиска главной героини. Фабиола, начитанная и образованная, подобно Ипатии, обладает большой библиотекой рукописей древних авторов. Однако в отличие от героини Ч. Кингсли, она убеждена, что размышления о загробном мире, об иной жизни, о воле и свободе, свойственны лишь поэтам и философам.

Полемизируя с Ч. Кингсли, Н. Уайзмен приводит героиню не к утрате духовной опоры и разочарованию, а к обретению веры, но также для изображения исканий героини обращается к форме философского диалога. Размышления о Душе и Боге выстроены в романе таким образом, чтобы иллюстрировать идею о заимствовании христианством из языческой культуры не только определенной символики, но и некоторых этико-философских категорий. Строка оды Горация: «Non omnis moriar» («не весь я умру») трактуется в свете

христианского вероучения о душе, после смерти возносящейся к Богу. Фабиола вспоминает Сократа, верившего в единого, невидимого, вездесущего Бога.

В то же время разрушение христианами первых веков памятников античной культуры, статуй и храмов языческих богов, Н. Уайзмен оправдывает историческими событиями эпохи, яростной борьбой двух мировоззрений. В романе важен эпизод из XI главы, когда Фабиола узнает, что «вилла статуй» («Ad Statuas») префекта Хроматия, перешедшего в христианскую веру, переименована в соответствии с христианской символикой в «виллу пальм» («Ad Palmas»), а прекрасные статуи, образцы высокого классического искусства, погибли под ударами молотка.

Спор героев о «прекрасном» и «полезном» в искусстве сопровождается авторским комментарием: «Для нас статуи Юноны, Венеры, Юпитера представляют только великие произведения древнего резца. Мы любуемся красотою линий, жизнью, разлитой в мраморе, будто посредством волшебства… Но христиане видели в статуях только идолов. Мысль об искусстве необходимо должна была исчезнуть в условиях борьбы за убеждения и веру» [5, p. 71].

Признавая вслед за историком Э. Гиббоном необходимость принципа объективности при воссоздании эпохи, Н. Уайзмен как католический священник опирался на основателя и классика церковной историографии Евсевия Кесарийского. Как отмечает С. С. Аверинцев, Евсевий пришел к решению проблемы объединения двух традиций – эллинской и иудейской концепций исторического времени: архетипа «вечного возвращения», цикличности и «обращенной к прошлому и устремленной в будущее исторической перспективы, в связи с которой принято говорить об однонаправленности и линейности времени» [1, с. 298].

Евсевий исходит из представления об «остановившемся настоящем» («стоящее настоящее»), когда будущее как наступление Царства Божия, заранее предопределено, «дано готовым сейчас» [1, с. 276], а прошлое в пророчествах содержит настоящее и будущее. «Откровение» Иоанна Богослова Евсевий рассматривает как текст второстепенный и, стараясь избежать эсхатологического пафоса ранних христиан и пророчеств позднеиудейских авторов «откровений» о конце истории, говорит не о Судном Дне, а о Царстве Христа, и утверждает,

что нельзя достичь точного знания сроков не только конца мира, но и всех времен.

«История Церкви» Евсевия отражает то, что в дальнейшем будет свойственно средневековой концепции времени, как ее определяет А. Я. Гуревич: «…категория мифологического сакрального времени («история откровения») сосуществует с категорией земного мирского времени, и они обе объединяются в категорию времени исторического («история спасения»). Историческое время подчинено сакральному, но не растворено в нем» [2, с. 99]. Вероятно, поэтому изложение истории церкви у Евсевия, по выражению С. С. Аверинцева, «собственно не имеет истории» [1, с. 298], поскольку не предусматривает описание эволюции церковных догматов, христианского культа и христианской философии, и представляет лишь собрание материалов о церковных делах. «Церковь участвует в перипетиях жизни мира, но они не мешают движению к конечной ее цели» [1, с. 298].

Труд Евсевия определяет специфику воссоздания эпизода истории ранней церкви у Н. Уайзмена. Казалось бы, время событий указано с предельной точностью, однако в романе присутствует эффект «остановленного времени», когда автор в прошлом, в мрачных событиях темных, безвестных веков видит грядущую славу Римского католицизма и размышляет не об античном Риме, а о будущем величии христианской Церкви. В границах романного времени автор перемещается свободно в прошлое и будущее, обращается к приему ретроспекции, вводит мотив пророчеств и вещих снов. Например, главная героиня уже в начале романа видит во сне Цецилию, Агнессу и Себастьяна как святых в Райском саду, описанном в традициях христианской символики: яркий белый свет, деревья с золотыми плодами, ангелы.

Заключение

Таким образом, и своеобразие конфликта, и специфика образной системы романа «Фабиола» подчинены общему замыслу Н. Уайзмена: показать противостояние ранней христианской церкви языческому миру. Поскольку Н. Уайзмен работал в рамках римско-католической концепции поступательного движения мира к торжеству христианской Церкви, то и цель романа он видит, соответственно, не в установлении объективной исторической истины, а в определении места отдельного эпизода эпохи начала IV в. в истории христианства.

В романе Н. Уайзмена ассоциативные параллели между античным искусством и раннехристианской живописью подчеркивают одну из значимых для романа идей о несомненном влиянии язычества на христианство, когда часть христианской символики была заимствована из языческой культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аверинцев С.С.* Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего Средневековья // Античность и Византия : сб. ст. / под ред. Л. А. Фрейберга. – М. : Наука, 1975. – С. 266–283.
2. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. – М. : Искусство, 1984. – 350 с.
3. *Диккенс Ч.* Собр. соч. : в 30 т. – Т. 9. – М. : Гослитиздат, 1958. – 558 с.
4. *Реизов Б. Г.* Французский исторический роман в эпоху романтизма. – Л. : Худож. лит., 1958. – 567 с.
5. *Уайзмен Н. П.* Фабиола. Повесть из жизни первых христиан / пер. с англ. Е. Тур. – М. : Инф. центр «Путь, Истина и Жизнь», 2002. – 313 с.
6. *Холл Дж.* Словарь сюжетов и символов в искусстве / пер. с англ. А. Е. Майкапара. – М. : Крон-пресс : Академия, 1997. – 563 с.
7. *Шатобриан Ф. Р.* Мученики, или Торжество христианства : пер. с фр. – СПб. : Тип. М. Розенберг, 1900. – 435 с.
8. *Sanders A.* The Victorian historical novel. 1840–1880. – L. ; Basingstoke : Macmillan, 1978. – 264 p.
9. *Wiseman N.* Fabiola: A Tale of the Catacombs (or the Church of the Catacombs). – L. : Burns oates, 1926. – 498 p.

УДК 82-31

С. Н. Травников
доктор филологических наук, профессор каф. литературы МГЛУ;
e-mail: literatura_mglu@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ВРЕМЕНИ В «ПЕЛГРИМАЦИИ» ИППОЛИТА ВИШЕНСКОГО

В статье рассматривается малоисследованная проблема традиционного и новаторского в изображении времени в русской паломнической литературе начала XVIII в. на примере «Хождения в Святую землю» черниговского иеромонаха Ипполита Вишенского.

Ключевые слова: путевая литература Петровского времени; паломнические хождения; христианский Восток; поэтика барокко; хронотоп; изображение времени.

S. N. Travnikov
Doctor of Philology, Professor in Department of Literature, MSLU;
e-mail: literatura_mglu@mail.ru

PECULIARITIES OF REPRESENTATION OF TIME IN „TRAVELING OF CELIBATE PRIEST IPPOLIT VISHENSKY”

The article deals with the little-investigated problem of traditional and innovative representation of time in russian pilgrimage literature of the 18th century through the example of «Traveling of celibate priest Ippolit Vishensky”.

Key words: itinerary literature of the Petrine time; pilgrimage; the Christian East; poetics of baroque; representation of time.

Время рождати и время умирати,
время садити и время исторгати сажденое.

Екклезиаст. 2.3

Литература путешествий отличается особым вниманием к категории времени, имеющей свою специфику применительно к эпохе Средневековья, где события датировались по другим правилам и с другими целями [3, с. 165]. Время в паломнических хождениях являлось одним из показателей социальной и духовной активности человека, его нравственной сущности. Оно определяло хронологические рамки земного бытия, способности в отпущенный Богом срок быть полезным церкви, царю и отечеству. В эстетической

системе светской и духовной литературы конца XVII – первой четверти XVIII в. главной эмблемой стал бог Хронос, распространенным символом – Смерть с косой и часами, а проблема «человек и время» вошла в число приоритетных вопросов эпохи [10, с. 77–96].

На рубеже Средневековья и Нового времени писатель-путешественник осознавал себя не только частью православного мира, русского общества, определенного сословия, но и личностью, влияющей на ход истории (фельдмаршал Б. П. Шереметев, член Верховного тайного совета П. А. Толстой, дипломаты А. А. Матвеев и Б. И. Куракин). Среди путешественников конца XVII – начала XVIII вв. были как «птенцы гнезда Петрова», ратующие за европейский путь развития России, так и те, кто пытался противостоять этому процессу (паломник-старообрядец, московский священник Иоанн Лукьянов), поддержать антипетровскую коалицию (черниговский иеромонах Ипполит Вишенский, сторонник гетмана Мазепы).

Движение времени в художественно-документальных путевых записках подчинялось своим внутренним законам, отличавшимся от хронотопа других прозаических жанров Средневековья [4, с. 203–334]. В паломнических хождениях усилен пространственно-временной двуумвират, ведущим становится мотив постоянного перемещения человека, причем не только в реальном пространстве и времени, но и по шкале духовно-нравственных ценностей. Характерными чертами хроноса путевого жанра являются четко определенный временной порядок в описаниях, точно соответствующий маршруту передвижения, обязательная хронологическая последовательность в рассказе о виденном и пережитом, системность взаимодействия различных временных пластов в произведении.

Путевые записки – жанровое образование ансамблевого характера. Они вбирают в себя целый ряд первичных форм: различные типы дорожных очерков, христианские легенды, чудеса, предания, молитвы, проезжие грамоты, послания и т. п. Каждый первичный жанр обладал оригинальной хронотопической системой. Функционируя в рамках произведения-ансамбля, малые жанры приспосабливались к его пространственно-временно́й структуре, но, передавая часть функций объединяющей форме, они не утрачивали своих хронотопических особенностей, что позволяло им сохранять жанровый суверенитет. В числе «сохраняемых» признаков малых жанров всегда оказывалась

категория времени. В путевых очерках время обычно выступало как современное, авторское или геройное, ибо речь шла о недавно произошедших событиях. Религиозные легенды и чудеса воскрешали давнопрошедшее время библейского или раннехристианского мира, причем рассказ о невероятном происшествии, как правило, сопровождался проекцией в настоящее с помощью временны́х формул «и доднесь», «и поныне», «и теперь есть».

Сложность внутрижанровой структуры хождения во многом объясняет то, что в «Пелгримации» Ипполита Вишенского существует, взаимодействуя, несколько временных пластов. Это произведение паломнической литературы принадлежит к «душеполезному чтению», поэтому сакральное время является главным объектом поэтизации. Историческое время, эпицентром которого стала борьба за Украину России, Польши, Турции и Швеции, а кульминацией – Полтавская битва, определяет реальный подтекст произведения. Природное время в путевых записках черниговского иеромонаха призвано подчеркнуть различие между русским и иноземным в природоописательных и этнографических очерках. Субъективно-авторское начало в восприятии и изображении времени связано с процессом эмансипации творческой личности, с установлением новых взаимоотношений между временем автора, писателя-публициста Ипполита Вишенского, и временем героя «Пелгримации», смиренного черниговского паломника, отправившегося на христианский Восток, чтобы поклониться Гробу Господню.

Одним из жанровых признаков паломнической литературы является наличие сакрального времени. Время «горнего» мира вечно, бесконечно и неуничтожимо, как и обитатели сакрального пространства – Бог, Богородица, ангелы, апостолы, святые. Время «дольного» мира преходяще, кратко, финалистично; это время, дарованное свыше земным существам. Сакральное и земное время находятся в динамическом взаимодействии, причем «дольний» хронос подчиняется «горнему». Материальные следы сакрального хронотопа для Ипполита Вишенского – священные артефакты Палестины и Египта, где протекала земная жизнь ветхозаветных и новозаветных героев. Черниговский иеромонах описал соляной столб, в который превратилась жена Лота, место погребения еврейских патриархов Авраама, Исаака и Иакова, дом царя Давида, пещеру Ильи Пророка на горе Кармил

и т. п. Евангельское время для паломника связано с вифлеемским вертепом, местом рождения Иисуса Христа, с домом Иоакима и Анны, где воспитывалась Богородица, Гефсиманским садом и горой Голгофой, сохранившими память о последних днях жизни Спасителя. Все материальные объекты Священной истории не подвержены тлению, потому что находятся в вечном времени. Представители «дольнего» мира, особенно иноверцы, не способны уничтожить сакральные предметы христианской древности. Ипполит Вишенский рассказал, как турки неоднократно пытались превратить дом Иоакима и Анны, на фундаменте которого построен христианский собор, в мечеть, но «Богъ не допустилъ имъ того мЬсця святого осквернити – заразъ начали в той церкви турки умирать... И видячи пагубу свою, замкнули; и доднесь замкнена» [8, с. 76]. Попытки врагов христиан нарушить таинство, проникнуть в священное пространство и время, приводили их к гибели. Символом неуничтожимости сакрального хронотопа стал Мамврийский дуб, под сенью которого укрывался ветхозаветный патриарх Авраам, проявивший радушие к трем путникам, переодетым ангелам (это событие послужило сюжетом для иконографии на тему “Троица”). Отец Ипполит побывал у легендарного “дуба Мамре”, поклонился вечному древу и сотворил благодарственную молитву [8, с. 91].

Сакральный хронос в средневековых хождениях появлялся в пересказах эпизодов, прямых и скрытых цитатах из книг Священного Писания. В «Пелгримации» Ипполита Вишенского, хорошо образованного священника, подобного материала много: это рассказ о пророке Моисее и исходе евреев из Египта при описании Синайской пустыни; это воспоминание о пророке Илии, победившем жрецов Ваала, в путевом очерке о пребывании паломника на горе Кармил; это упоминание о преступной любви царя Давида к Вирсавии в описании «дома Давидова» в Иерусалиме.

Произведение Ипполита Вишенского богато переключениями с исторического времени, в котором находится автор, на сакральное, когда он пересказывает сюжеты Священного Писания. Паломник подробно описал свое хождение в Синайский монастырь, отметив, что часть «дороги поклонников» совпала с маршрутом бегства евреев из Египта: «Изъ Суевизу пошли мая 30. Пришли к тому мЬсцу, где Мойсей переходилъ зъ жидами Черное море, отъ Суевизу ихать часовъ

пять. Тамъ Мойсей зъ людомъ израилскимъ перейшолъ, а фараонъ погрязе во Чермномъ морЬ... Тамъ переночовавши, пошли Мойсеевою дорогою» [8, с. 41]. Исторический хронотоп связан с паломничеством Ипполита Вишенского, посещением им города Суэц в мае 1708 г., переправой через Красное море, ночевкой на восточном берегу. В реальное время путешествия вторгается сакральное, когда речь заходит о бегстве евреев из египетского плена, погоне за ними войска фараона и чуде: по воле высших сил морские волны расступились перед беглецами, но погубили их преследователей.

Сходная система включения новозаветного времени в повествование о «путном шествии» черниговского паломника по святым местам встречается, когда автор «Пелгримации» цитирует Евангелие. Например, рассказывая об истреблении по приказу царя Ирода еврейских младенцев и бегстве святого семейства из Вифлеема, Ипполит Вишенский приводит украинизированный евангельский текст: «Иосифе, пойми отроча и матерь его и бежи во Египетъ» (Матф. 2, 13), тем самым включая читателя в атмосферу непреходящего, вечного. Этой же цели служат аллюзии, часто встречающиеся в путевых записках черниговского протосингела. Они представляют собой отсылки к известным фактам Священной истории, которые не требуют авторского комментария. В Дамаске Ипполит Вишенский побывал у источника, «где святого апостола Павла Анания крестилъ» [8, с. 60]. Аллюзия рассчитана на человека, начитанного духовной литературы, хорошо знакомого с героями и сюжетами Священного Писания, помнящего, как иудей из сирийской столицы Анания пришел к ослепшему сборщику налогов Савлу, излечил его от болезни, крестил и дал новое имя – Павел, после чего тот стал ревностным поборником христианства, одним из двенадцати апостолов, ближайших учеников Христа (Деян. 9, 10–18). Активизации читательского восприятия путевых очерков, стимулирующей свободное перемещение по временной шкале «реальное – сакральное», служат также многочисленные отсылки в тексте «Пелгримации» к книгам Священного Писания и Священного Предания: «О семъ въ Житии пишетъ подробну» (об обличении Иоанном Златоустом неправедной царицы Евдоксии); «Прочая чти во чтении в Пятокъ СвЬтлий» (о «живоносном источнике» Пресвятой Богородицы); «О семъ у ПролозЬ пишетъ о сей горЬ, тамъ читай» (о горе, «которую молитвою двигнули християне»); «О семъ чти въ Библии» (об обретении закона Моисеем) и др. [8, с. 15, 18, 39, 57].

В паломнической литературе сакральный хронос особенно сильно проявлял себя в молитвословном тексте. Молитва путника, обращенная к высшим силам, имела цель покаяния, выражения благодарности за помощь в трудном деле «хождения по святым местам», мольбы о заступничестве в экстремальных ситуациях, связанных с нападением разбойников, штормом на море, тяжелой болезнью и пр. В молитвенном состоянии человек приобщался к божественному, включался в поток вечного времени.

Сакральное время часто воспринималось как церковное [7, с. 132–133]. Торжественные службы в православных храмах, связанные с событиями из жизни Иисуса Христа, деяниями апостолов, духовными подвигами святых, являлись календарными вехами, на которые ориентировались духовенство и миряне. Особое значение имели двунадесятые праздники, важнейшие после Пасхи: Рождество Богородицы, Введение во храм, Благовещение, Рождество Христово, Сретение, Крещение, Преображение, Вход во Иерусалим, Вознесение, Троица, Успение Божией Матери, Воздвижение. Ипполит Вишенский с гордостью вспоминал, что во время пребывания в Вифлееме провел 15 литургий, «а на Рождество Христово и зъ митрополитомъ газскимъ Парфениемъ служили соборомъ, где Христосъ родился, на томъ мѢсцю» [8, с. 92]. В церковном календаре следующими по значимости шли престольные праздники, которые торжественно отмечались в городских и сельских храмах. По свидетельству черниговского паломника, пышность рождественской службы в Вифлееме объяснялась тем, что двунадесятый праздник совпадал с престольным. Звон колоколов, призывавший народ на богослужение, сообщал о начале утренней, дневной или вечерней службы и являлся временным ориентиром для верующих.

Историческое время в «Пелгримации» Ипполита Вишенского – это 1707–1709 гг., эпоха петровских преобразований в России, время Северной войны, перехода украинского гетмана Ивана Мазепы на сторону Карла XII, избрания Ивана Скоропадского новым гетманом, Полтавской битвы. Хотя эти судьбоносные для России и Украины события не были предметом изображения в паломническом хождении, однако именно через их историческую призму следует рассматривать цель и задачи, маршрут и хронологические рамки, ход и результаты путешествия Ипполита Вишенского. Черниговский иеромонах совершил

поездку по православным патриархиям христианского Востока с целью выяснения возможности создания независимой от России украинской церкви. Инициатором этой секретной миссии были гетман И. С. Мазепа (1644–1709) и руководство киевской митрополии [5, с. 74–83]. Непосредственным организатором и спонсором путешествия являлся черниговский архиепископ Иоанн Максимович (1697–1712).

Ипполит Вишенский встречался со светскими правителями православных придунайских княжеств: молдавским господарем Михаилом Раковицей (1705, 1707–1709, 1717), волошским господарем Константином Брынковяну (1688–1714). Тайный посол гетмана Мазепы побывал с визитом у руководителей православных церквей христианского Востока: константинопольского патриарха Киприана (1708–1710, 1713), антиохийского патриарха Кирилла (1672–1720/23), александрийского патриарха Герасима Палиота (1689–1710), иерусалимского патриарха Хрисанфа (1707–1731), армянского патриарха Александра Джугаеци (1706–1714), синайского архиепископа Афанасия, приравненного по влиянию к патриархам. Ни один русский паломник не удостоился такого внимания у иерархов зарубежной православной церкви, которые оказались косвенно причастными к неудачной попытке гетмана Мазепы и его духовенства добиться независимости украинской церкви. В 1709 г. Ипполит Вишенский вернулся на Украину с твердым убеждением: раскол русской православной церкви не выгоден ни светским правителям придунайских государств, ни восточным церковным иерархам, так как это лишало их дипломатической, финансовой и духовной поддержки единоверцев из России.

Упоминание в «Пелгримации» русского патриарха Никона (1652–1658), антиохийского патриарха Макария (1648–1672), приезжавшего в Москву на суд над патриархом Никоном, гетмана Украины Юрия Богдановича Хмельницкого («Хмельничонка») (1641–1685) резко раздвигает временны́е рамки произведения. Русская история представлена в записках Ипполита Вишенского с середины XVII столетия до начала второго десятилетия XVIII в.

Русские паломники, попадая в экзотический для них мир Ближнего Востока, не только оказывались в иных природно-климатических условиях, но и попадали во временной поток той местности, по которой проходил маршрут их хождения в Святую землю. В южных странах было больше солнца и тепла, дольше длился световой день

и стояла сухая погода. Земля Обетованная радовала паломников природным изобилием и вечно царящим летом, ибо была освящена пребыванием на ней Иисуса Христа, Богородицы, апостолов. Ипполит Вишенский с удивлением писал, что уже за Дунаем «земля преизрядная, зими немае, в генварЬ мЬсяци орутъ, сЬютъ, статки пасутъ». На Кипре с марта едят «хлЬбъ новий, пшеничний, а на поляхъ копи стоятъ». Всю зиму в Иерусалиме «зЬлля ростетъ, и на мЬстЬ продаютъ цибулю, чоснокъ, петрушку, моркву и прочее зЬлле нашей земли, все зеленое, свЬжо, изъ землЬ... МЬсяца декамрия сЬютъ пшеницу, а збыраютъ априля, и прочия плоди доспЬваютъ: горохъ, бобъ, маслини, помаранчи, цитрони, лЬмонии» [8, с. 11, 28, 95]. Автор «Пелгримации» постоянно сравнивал «зиму нашу» и «зеллЬ нашей земли» с тем, что видел во время путешествия, удивляясь сезонно-временным различиям. Особенно поразил его Египет, напоминающий земной рай, где люди, «якъ у лЬсахъ, у финикахъ живутъ», а «земля барзо урожайная» [8, с. 33]. При изобилии продуктов на восточных базарах русские паломники страдали от отсутствия привычных для них кушаний – гречневой каши и ржаного хлеба, что отметил в путевых заметках Ипполит Вишенский.

Общаясь с людьми разных национальностей и вероисповеданий, черниговский иеромонах регистрировал непривычные для славян способы измерения времени, например, для арабов – по древесным кольцам инжирного дерева, количество которых увеличивалось на одно каждый год, для жителей Суэца и побережья Красного моря – по приливам и отливам: «вода отъ полуночи прибуваетъ до полдня, а отъ полдня до полунощи испадаетъ» [8, с. 22, 40]. Подчиняясь природному ритму жизни, монахи Симоно-Петровской обители на Афоне не выходили за ворота ночью, а только утром, после «куръ оглашения» [8, с. 117]. Согласно временной символике христианства, темнота ассоциировалась с кознями дьявола, бесовским воинством, нападения которого опасались иноки [3, с. 168]. В славянских верованиях петух – вещая птица, способная отгонять нечистую силу [9, с. 307]. В Средние века петух как птица рассвета для христиан стал символом бдения и воскресения, устремления к нетленному, духовного просветления [1, с. 394–395].

Русские паломники предпочитали передвигаться по святым местам христианского Востока вдвоем, как Макарий и Сильвестр,

Сильвестр и Никодим, Андрей Игнатьев и его брат Стефан, или в составе небольшой группы: Иоанна Лукьянова сопровождали монахи Лука и Григорий; в «дружине» Ипполита Вишенского числились инок-переводчик Дамаскин и безымянный «хлопец», выполнявший обязанности слуги. Бóльшая часть хождений написана от первого лица множественного числа, обобщенного паломнического «мы», что придавало сочинению ощущение правдивости изображенного, коллективной ответственности за достоверность изложенных сведений. Время Ипполита Вишенского и сопровождавших его лиц воспринималось как некое единство, неразделимый хронос богомольцев. Спутники черниговского иеромонаха не показаны как самостоятельные личности, поэтому они не имеют своего индивидуального времени, в отличие от Ипполита Вишенского, который удостоился чести побывать на приемах у молдавского господаря Михаила Раковицы, волошского князя Константина Брынковяну, патриархов Хрисанфа Иерусалимского и Герасима Александрийского.

Кроме описания официальных встреч, от первого лица в путевых записках создан раздел о торжественной пасхальной службе и о схождении священного огня в иерусалимском Воскресенском соборе в Великую субботу 23 апреля 1709 г., «самовидцем» и участником чего являлся Ипполит Вишенский. В эту ночь, по свидетельству паломника, в церкви читали Евангелие от Иоанна на языках православных народов – греческом, румынском, молдавском, грузинском, арабском, и он, «Иполитъ-пелгримъ, говорил рускимъ язикомъ» [8, с. 99].

В произведении черниговского иеромонаха выделяются два пласта индивидуального времени, авторское и геройное, близкие, но не тождественные, ибо настоящее время паломника – прошлое для писателя, которому, в отличие от героя, известно будущее. Первый временной срез – это время паломника, ведущего путевой дневник в 1707–1709 гг., где время описаний максимально приближено ко времени реального хождения богомольца по святым местам. Ипполит Вишенский выступал в роли хроникера, фиксировавшего путевые впечатления и не знакомого с окончательными результатами паломничества. Второй временной пласт произведения – это время писателя Ипполита Вишенского, завершившего путешествие на христианский Восток, вернувшегося в Чернигов и приступившего к литературной обработке дневника. Он был отредактирован в 1710 – начале 1711 гг.

и обрел вид паломнических путевых записок, названных «Пелгримацией» [10, с. 45].

Время писателя Ипполита Вишенского появляется в авторских замечаниях о расположении материала, уточнениях касательно порядка следования статей, сносках на источники сведений, комментариях по поводу некогда виденного. Редактируя синайскую часть путевых очерков, черниговский протосингел включил в нее обращение к читателям: «Там ... много угодниковъ Божиихъ опочиваютъ; если кто хочетъ, доведайся» [8, с. 47]. При необходимости писатель раздвигал рамки текста «Пелгримации», отсылая вдумчивого читателя к другим источникам по той или иной теме: Библии, Прологу, житиям святых, христианским легендам и пр.

Диалогическое время стало активно использоваться в путевых записках рубежа XVII–XVIII вв. в связи с развитием психологизма в литературе, усилением внимания к внутреннему миру человека, ростом художественного начала в произведении. «Пелгримация» Ипполита Вишенского насыщена диалогическими сценами, одна из которых – разговор паломника с волошским господарем Константином Брынковяну: «Пришолъ я... до двора господарскаго... поклонилъся ему, и показалъ писмо архиерейское, и книги ему отдалъ. Почалъ мене питать: “Камо грядеши?” Отвещах: “До Царигорода”. Господаръ мовитъ: “Мои вози пойдутъ изъ данню до царя турецкаго, и ти зъ ними пойдешъ”; и мнЬ велЬлъ дати на дорогу левовъ 35» [8, с. 10]. Предельно сжатый во времени, но крайне информативный по содержанию диалог, в котором роль ведущего принадлежала волошскому князю, а роль ведомого – черниговскому иеромонаху, интересен тем, что сохранил живые интонации диалога: в словах господаря ощущается сильная, привыкшая повелевать личность.

Паломнические путевые записки, как правило, состояли из трех хронологических отрезков: времени движения к «святому граду» Иерусалиму, времени пребывания в центре христианского мира и времени возвращения на Русь. Композиционное решение основной части «Пелгримации» Ипполита Вишенского необычно, оно отличается дробностью, больше присущей светским запискам русских «вояжеров» по Европе, чем паломническим хождениям [6, с. 239]. Временна́я структура произведения оказалась более сложной потому, что Ипполит Вишенский посетил не только Иерусалим, но и всё наиболее

чтимые общехристианские святыни и православные центры Ближнего Востока. В книге черниговского протосингела можно выделить восемь хронотопических блоков:

1. Чернигов – Киев – Яссы – Бухарест – Константинополь и осмотр святых мест бывшей столицы Византийской империи (октябрь 1707 г. – 14 февраля 1708 г.);
2. Константинополь – Архипелаг – о. Кипр – Яффа – Каир и изучение религиозных святынь этого города (14 февраля – 26 мая 1708 г.);
3. Каир – Синайский монастырь и поклонение местным святыням (26 мая – 24 июня 1708 г.);
4. Синайский монастырь – Каир – Дамаск и пребывание в гостях у антиохийского патриарха Кирилла V (24 июня – 20 августа 1708 г.);
5. Дамаск – Яффа – Иерусалим и восьмимесячное паломничество по святым местам Палестины (20 августа 1708 г. – 30 апреля 1709 г.);
6. Иерусалим – Яффа – Афон и осмотр достопримечательностей (обителей, скитов, церквей, святых источников, чудотворных икон) «монашеской республики» (30 апреля – 16 июня 1709 г.);
7. Афон – о. Лемнос – Константинополь и встреча с русским послом П. А. Толстым (16 июня – 14 июля 1709 г.);
8. Константинополь – Бухарест – Яссы – Киев – Чернигов (14 июля – октябрь 1709 г.).

Каждый из временны́х отрезков «Пелгримации» обладал своей динамикой. Время ускорялось от первого к пятому композиционному звену, потому что паломник мечтал как можно скорее достичь святынь Иерусалима и Палестины. Автор произведения признавался, что он «отъ многихъ лѢтъ вожделѢхъ выдѢти святая мѢста и градъ святый Иерусалимъ, такожде и Гробу Господню поклонитися...» [8, с. 1]. Когда страстное желание оказаться в центре христианского мира осуществлялось, начиналось замедление течения времени. Паломник неспешно и обстоятельно изучал священные раритеты, расспрашивал «торжемантов» и «старых людей» о легендарном прошлом этого края, участвовал в торжественных церковных службах, встречах с духовными иерархами, походах по окрестностям Иерусалима. В этой части «Пелгримации» редко используются отсылки к светскому календарю,

паломник пользуется, как правило, церковным времяисчислением. Путешествие по христианским достопримечательностям Иерусалима и Палестины – это для паломника экскурсия в библейское прошлое, приобщение к сакральному миру, не терпящему суеты и суесловия. Замедлению времени способствует включение в «Пелгримацию» пространных описаний увиденных Ипполитом Вишенским святынь с указанием размеров храмов, количества ступеней и колонн, материалов и техник украшения, особенностей внешнего декора и внутреннего убранства церковных зданий.

Путь на родину для черниговского паломника начинался из Константинополя и пролегал по территории Болгарии, Валахии, Молдавии, Польши и Украины. В основном обратное «путное шествие» повторяло маршрут хождения в Святую землю, поэтому, следуя закону экономии художественных средств и жанровой традиции, Ипполит Вишенский не описывал его. Хотя на путь от Константинополя до Чернигова ушло около четырех месяцев (с 14 июля по начало октября 1709 г.), автор «Пелгримации» лишил этот хронологический отрезок событийного начала, что привело к предельному стяжению времени.

Ипполит Вишенский при исчислении расстояний пользовался не верстами, как было принято на Руси, а милями, что характерно для Украины. Писатель-путешественник различал сухопутные («Отъ Бугарешти до ЧернЬгова миль 200 з лишком»), равнявшиеся 7468 км, и морские мили, которые были значительно меньше – 1852 км, их он именовал «моровие милЬ невеликие» [8, с. 7, 25]. Черниговский иеромонах часто использовал временно́е измерение расстояний: «Малтезъ отъ Родоса недалеко: если вЬтеръ у помощъ, то за пять дний станешъ судномъ»; «А ежели бы вЬтеръ добрий, то отъ Святой гори Афонской дний 4, такожде и нощий, до Царигорода ити моремъ, а ми ишли моремъ 15 дний и нощий» [8, с. 25, 118]. Паломник мог применять одновременно линейные и временны́е способы измерения пройденного пути: «До Дамияту миль триста, и шли чотири днЬ и чотири нощи» [8, с. 32]. Сухопутное пространство также могло измеряться временем, затраченным на его преодоление, причем как пешим человеком, так и всадником на коне, верблюде, муле или осле: «Суевизъ-городъ видно, десять ден ходу верблюди»; «Градъ Иерусалимъ... ходу докола обойти годинъ сЬмъ»; «Дамаск... единъ день не объедешъ конемъ»; от Дамаска до Сидона паломники, «понаймавши мули», добирались

пять дней [8, с. 56, 94, 61, 63]. При небольших расстояниях в качестве меры использовались часы и доли часа («ходу един часъ», «полгодини», «полтретя часа»), измеряемые, конечно, приблизительно.

В паломнической литературе, и в частности в «Пелгримации» Ипполита Вишенского, встречалось три способа фиксации времени. Во-первых, с помощью отсылки к природному календарю, связанному с временами года, ритмом крестьянской жизни, суточными изменениями (весна, лето, осень, зима; пахота, сев, покос, жатва; утро, день, вечер, ночь). Во-вторых, время рассматривалось как астрономическое явление, выраженное в часах, днях, неделях, месяцах, годах, столетиях. В-третьих, в путевых записках время обозначалось с помощью церковного календаря, выступая как день памяти святого, религиозного праздника, как упоминание о времени ежедневной церковной службы (утреня, обедня, вечерня) или указания на последовательность богослужения («послЬ маслосвятия», «по литургии»). Способ измерения времени, как правило, зависел от места пребывания паломника и темы путевого очерка (природоописательного, дорожного, этнографического и др.). Он менялся в зависимости от того, описывал ли паломник необычное природное явление, с которым не сталкивался на родине, либо рассказывал о «путном шествии» к Святой земле или о своем участии в церковной процессии.

Писатель-путешественник мог использовать сразу несколько хронологических ориентиров. Описывая Синай, Ипполит Вишенский с гордостью сообщал, что ему довелось провести богослужение в Преображенском соборе: «На той горЬ я ночовалъ и службу Божию служилъ, где Мойсей у Бога законъ принялъ, у Преображения Господня, мЬсяца июня 14, въ день св. пророка Елисея» [8, с. 57]. В «Пелгримации» встречаются еще более сложные временны́е отсылки, где, например, задействовано три хронологические системы (природная, астрономическая, церковная): «Пришли в Царигородъ наутрие святыхъ верховнихъ апостолъ Петра и Павла июня 30. Тогда было посту Петрова една недЬля и два дни» [8, с. 118]. Черниговский паломник не случайно особо выделил эту дату: он, сторонник гетмана Мазепы, приехал в Константинополь три дня спустя после Полтавской битвы, произошедшей 27 июня 1709 г. Указав на точное время прибытия в бывшую столицу Византии, Ипполит Вишенский как бы отметил память о Полтавской баталии, проигранной Карлом XII и Мазепой.

В этом контексте победившая Россия выступала как достойная преемница былой славы и мощи Византийской империи, как центр православного мира.

На выбор способа указания времени автором хождения оказывали влияние его образование, художественные наклонности, эстетические вкусы. Стремление к документализации повествования, ориентация на строгий в Средневековье жанровый канон требовали от паломника точного определения даты того или иного события. В «Пелгримации» Ипполита Вишенского этот способ характерен прежде всего для путевого дневника: «Выехали изъ НЬжина октоврия 21... и въехали въ Киевъ октоврия 27»; «Пришли до Царигорода... року 1708 генваря 28. Ихали изъ Бугарешти до Царигорода верхами пятнадесятъ дний» [8, с. 2,14].

Представление о временно́й протяженности создает событийный ряд произведения . «События в сюжете предшествуют друг другу и следуют друг за другом, выстраиваются в сложный ряд, и благодаря этому читатель способен замечать время в художественном произведении, даже если о времени в нем ничего специально не говорится. Где нет событий – нет и времени...» – утверждал Д. С. Лихачев [4, с. 213]. Ипполит Вишенский так рассказал о пересечении паломниками границы между Молдавией и Валахией:

> «Егда же прийдохомъ во градъ... взято насъ до великаго капитана и вопрошовано насъ: “Откуду?” Ми же поклонихомся ему и показахомъ писмо архиерейское, и гетманское, и господаря... и подарунокъ ему дали. Прочетши писма, воздаде честь намъ великую и повелЬ всего дати изъ ратуша, чого, найменшой речи, потреба на четыри дни, и господу дано значную для отпочиву. Хотящимъ же намъ отъити оттуду, даде намъ писмо до господара ... и листъ подорожний даде намъ, дабы всюди намъ давано честь и всякие достатки, яко и прежде. Ми же поклоншеся, отъидохомъ восвоя» [8, с. 5].

Течение времени в этом фрагменте передается через нагнетение глаголов действия: паломники приехали на пограничный переход, встретились с начальником стражи, передали рекомендательные письма, капитан их прочел, распорядился о постое и довольствии для богомольцев, выдал сопроводительные документы для проезда через Валахию. Небольшой отрывок текста содержит восемнадцать глаголов и глагольных форм, создающих ощущение движения времени.

Временны́е указатели в тексте «Пелгримации» могут иметь не реальное, а религиозно-символическое значение. Особенно много таких чисел-символов в легендах и преданиях, пересказанных Ипполитом Вишенским. Повествуя о чудотворной иконе Богородицы, которую впавший в грех дьякон порезал ножом, автор несколько раз использует число три: «При кончинЬ *третего года* бысть гласъ духовному явственно отъ Пресвятой Богородици...»; «Дияконъ же поживе по раздрЬшении *три дни* и преставися...»; «*По трехъ же лЬтехъ* братия сотвориша совЬтъ...» [8, с. 109–110]. В данном случае «три года» и «три дня» нельзя воспринимать как точные хронологические указатели, их введение в текст путевых записок – следствие литературной традиции, восходящей к Священному Писанию [2, с. 27–28; 3, с. 166].

Время и скорость передвижения паломников в пространстве зависели от природных и социальных условий. По Синайской пустыне караван богомольцев был вынужден передвигаться на верблюдах в разгар летнего зноя, в июне–июле 1708 г., поэтому из-за страшной жары шли ночами, а днем пытались отдохнуть в тени бедуинских палаток. Замедление движения, остановка или даже возвращение назад могли быть вызваны природными и социальными катаклизмами. Из-за жестокого шторма, случившегося между 18 и 24 февраля 1708 г., судно с паломниками, отплывшее от острова Милитин и добравшееся до острова Сакиз, было выброшено на берег бурей. Остановки в пути, приводившие к замедлению временной динамики, часто происходили из-за угрозы нападения на караваны паломников со стороны арабских племен, приходивших из пустыни, блокировавших дороги и подступы к городам.

Ипполит Вишенский, человек Петровского времени, жил на пограничье эпох, между поздним Средневековьем и ранним периодом Нового времени, поэтому его путевые записки отразили традиционное и новаторское в изображении времени. Для «Пелгримации» характерна дифференциация времени на земное и вечное, коллективное и индивидуальное, отечественное и иноземное, церковное и природное, время паломника и время писателя. Время начинает осознаваться как сложная динамическая система, связанная не только с христианской идеологией, но и с философскими исканиями эпохи Просвещения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Керлот Х. Э.* Словарь символов. – М. : REFL-book, 1994. – 608 с.
2. *Кириллин В. М.* Символика чисел в литературе Древней Руси (XI–XVI века). – СПб. : Алетейя, 2000. – 314 с.
3. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада : пер. с фр. / общ. ред. Ю. Л. Бессмертного ; послесл. А. Я. Гуревича. – М. : Прогресс – Академия, 1992. – 376 с.
4. *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. – Изд. 3-е, доп. – М. : Наука, 1979. – 360 с.
5. *Ольшевская Л. А., Травников С. Н.* Еже в уме си положихъ, сие и сотворихъ (Историческая основа «Пелгримации» Ипполита Вишенского) // Филологическая наука и школа: диалог и сотрудничество. – М. : Изд-во МИОО, 2014. – Ч. 1. – С. 74–83.
6. *Ольшевская Л. А., Травников С. Н.* Шереметев – украшение России... // Путешествие по Европе боярина Б. П. Шереметева. 1697–1699. – М. : Наука, 2013. – С. 225–336.
7. *Панченко А. М.* Я эмигрировал в Древнюю Русь. – СПб. : Изд-во журнала «Звезда», 2005. – 543 с.
8. Пелгримация, или Путешественникъ честнаго иеромонаха Ипполита Вишенскаго, постриженца святыхъ страстотерпецъ Бориса и ГлЬба катедры архиепископии Чернеговской во святый градъ Иерусалимъ // Православный Палестинский сборник. – Вып. 61. – СПб., 1914. – 196 с.
9. Славянская мифология: Энциклопедический словарь. – М. : Эллис Лак, 1995. – 417 с.
10. *Травников С. Н.* Путевые записки петровского времени (Проблема историзма). – М. : Изд-во МГПИ, 1987. – 98 с.

УДК 32.019.5

Е. Г. Борисова, И. В. Манохин

Борисова Е. Г., доктор филологических наук, профессор;
профессор каф. связей с общественностью МГЛУ;
e-mail: egbor@mail.ru

Манохин И. В., кандидат исторических наук,
и.о. ректора МГЛУ; e-mail: manokhin@linguanet.ru

ФЕНОМЕН «БОЛОТНОЙ ПЛОЩАДИ» КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ТИПА В РОССИИ

Статья посвящена анализу массовых (сравнительно с предыдущими) выступлений жителей Москвы, а также ряда других городов в декабре 2011–2012 гг. под лозунгом «борьбы за честные выборы». Обращается внимание на социальные характеристики участников и их систему взглядов.

Ключевые слова: протестное движение; фальсификация на выборах; социальная группа; креативный класс; «малый народ».

E. G. Borisova, I. V. Manokhin

Borisova E. G., Advanced Doctor (Philology), Professor;
Professor, Chamber of Public Relations, MSLU;
e-mail: egbor@mail.ru

Manokhin I. V., PhD (History), Acting president, MSLU;
e-mail: manokhin@linguanet.ru

THE PHENOMENON ‘PROTESTS ON BOLOTNAYA SQUARE’ MARKS THE APPEARANCE OF A NEW SOCIAL TYPE IN RUSSIA

The article deals with massive protest activity of moscovites in 2011–2012 in support of the ‘honest elections’. The social characters of the participants and their ideology are under investigation.

Key-words: protest movement; falsification of the data of voting; social group; creative class; ‘minority people’.

1. Всплеск уличной активности – неожиданность или закономерность?

Декабрь 2011 г. порадовал (или огорчил) всплесками «народной активности». В течение последних десяти лет уличные акции,

проводимые КПРФ (регулярные митинги с социальными требованиями), родительскими и связанными с ними организациями, в частности, «Народным Собором» по проблемам ювенальной юстиции, акции «несогласных» (правозащитных организаций, маргинальных по численности и поддержке населением) собирали относительно небольшое количество участников[1]: от нескольких десятков до 2–5 тыс. человек[2].

И это притом, что «для поддержки» на эти мероприятия приезжали единомышленники из других городов. Заметим, что это относится и к митингам по весьма животрепещущим темам. Например, рост расходов населения на оплату услуг ЖКХ оказался, по различным оценкам, восьми- и десятикратным за последние десять лет, притом что доходы беднейших слоев населения значительно отставали от этих цифр. То же самое можно сказать и о проблеме, известной в нашей информационной сфере как «ювенальная юстиция»: изъятие детей из семей по относительно малозначительным предлогам, расширение прав органов опеки на вмешательство в частную жизнь семьи и т. п. Проблемы горячо обсуждались в Сети, в прессе, однако массовые акции были относительно скромными, хотя в их организации принимала участие церковная общественность (благословение, использование приходских информационных ресурсов для оповещения об акции и т. п.).

После откровенно, можно даже сказать, демонстративно сфальсифицированных выборов в Госдуму в Москве, Санкт-Петербурге и в других крупных городах на улицы вышли люди, количеством в разы превосходя все аналогичные протесты по поводу предыдущих фальсификаций. А таких протестов было немало: практически после каждых значительных выборов Штаб протестных действий (структура, возглавляемая КПРФ) организовывал митинги (первый нам известный – в августе 1996 г., после президентских выборов), где приводились конкретные данные о нарушениях при подсчете голосов,

[1] Мы не рассматриваем «праздничные» – 1 и 9 мая и 7 ноября акции коммунистов, шествия профсоюзов, студентов и пр., участие в которых не связано с выражением недовольства гражданина.

[2] Данные о количестве участников разнятся у органов правопорядка и организаторов митинга. Мы ориентируемся на инсайдерские источники организаторов, которые стремятся объективно «для своих» отразить численность участников. Впрочем, для обнаружения отмечаемых нами тенденций достаточно и весьма приблизительной оценки – в разы, а то и на порядок.

а также об акциях против наблюдателей – их удалении, задержании под предлогом препятствия выборам и т. п. Приводились и сведения об инициированных уголовных делах по факту фальсификации, даже о вынесенных ранее приговорах председателям участковых избирательных комиссий. Однако и эти митинги многочисленностью не отличались.

Правда, иногда на местных выборах обман приводил к вспышкам, например, при явной фальсификации результатов выбора мэра подмосковного наукограда Жуковского народ дошел до местного Белого дома и даже чуть не заставил неправедно проигравшего кандидата занять место, от чего тот уклонился.

Но, в основном, митинги протеста против фальсификаций проводили коммунисты, а к ним народ, как мы показали выше, не ходит, даже чтобы протестовать против роста тарифов ЖКХ, при том, что поддержка на голосовании и при опросах оказывается немалой – за КПРФ голосуют от 10 до 50 % населения, что уступает (без учета региональных различий) только «партии власти». Однако протесты против обмана на выборах у коммунистического электората энтузиазма не вызывают: от властей и не ждут иного.

Заметим, что и череда выступлений против фальсификации началась с митинга, организованного КПРФ в Новопушкинском сквере в понедельник 5 декабря, т.е. на другой день после выборов. Митинг был заявлен заранее, что, видимо, было следствием опыта всех предыдущих выборов, которые не прошли без фальсификаций. Он был относительно многолюден (3–5 тыс. человек, больше, чем обычно собирают коммунисты на этом месте), выступления были достаточно острые, причем слово предоставлялось не только собственно членам КПРФ. На Тверской и Тверском бульваре стояла техника, но все проходило мирно, а офицеры полиции охотно вступали в беседу и выражали поддержку митингующим.

В это же время аналогичный, тоже заранее согласованный (по заявке малоизвестной организации «Солидарность») митинг проходил у памятника Грибоедову на Чистых прудах. Там собравшиеся попытались направиться к Центральной избирательной комиссии по Мясницкой, были остановлены, произошла стычка и задержания. Тогда в телерепортажах прозвучало и имя А. Навального, представленного как «блогер». Одновременно Сергей Удальцов и ряд других

оппозиционных (преимущественно, левых) политиков вели переговоры с мэрией о согласовании митинга на площади Революции с шествием 10 декабря. Несколько политиков и политических групп высказали желание присоединиться к «левофронтовцам», в результате мэрия повела переговоры с Борисом Немцовым и дала согласие на митинг, но не около Кремля, а на Болотной площади, где ранее проходили митинги «Народного Собора» и других традиционалистов (Левый Фронт прошел туда от площади Революции с флагами, но задержанных не было). Состоявшийся там 10 декабря митинг и положил начало феномену Болотной[1].

Заметим, что и в дальнейшем КПРФ, «Яблоко», ЛДПР проводили митинги против фальсификации выборов. На митинге КПРФ на площади Революции выступали молодые коммунисты, представители внепартийных групп наблюдателей, даже «Яблоко» и ЛДПР. Было много остроумных плакатов и т. п. Однако число участников было недостаточным даже для того, чтобы заполнить отведенное место (около 3–5 тыс. чел.). То же самое можно сказать о численности других митингов, кроме организованных теми лицами, что и митинг 10 декабря: в конце декабря прошел митинг на проспекте Сахарова, в феврале – снова на Болотной. Затем прошел ряд акций, использовавших технологии «Occupy Wall-street» («окупайАбай» на Чистых прудах, затем на Кудринской площади), было шествие 6 мая в связи с инаугурацией Президента Путина, закончившееся потасовкой (правовую сторону вопроса мы сейчас рассматривать не будем).

2. Митинги «белоленточников» – этап в политической жизни страны

Главное, что поразило тогда всю общественность: и пришедших на митинг 10 декабря, и журналистов, и население – огромное, по сравнению с предыдущими протестными акциями, количество участников. Причем в одних рядах оказались и представители общественных организаций, даже левые, и «просто граждане». Социологический анализ проводился группой исследователей из Франции и студентов-социологов, создавших «НИИ митингов» и проводивших опросы,

[1] Приводимые сведения основаны на личных наблюдениях авторов, отслеживании ситуации в текущей прессе и контактах с рядом организаторов и участников мероприятий.

направленные как на определение социально-демографических характеристик митингующих, так и на выявление их взглядов и настроений [1].

Известно, что 10 декабря на первый «Болотный» митинг вышли как «неорганизованные» граждане, так и представители партий и групп. Из числа «левых» на митинге, наряду с «Левым фронтом» – соорганизатором митинга, были и другие группы под красными флагами, в частности, отколовшаяся от городской организации КПРФ группа («альтернативный горком»). Были и сторонники КПРФ, пришедшие «без опознавательных знаков». Наличие националистов на том митинге отмечено не было. Были опознавательные признаки партии «Яблоко» (флаги белого цвета с эмблемой и названием). Заметим, что раздаваемые тогда и потом белые ленточки, ставшие символом этого движения, использовали цвет этой партии.

3. Altera pars

В любом противостоянии полезно видеть противоположную сторону. В случае с «белоленточным движением» такой стороной были объявлены «сторонники Путина», что выводило все другие политические силы за рамки политической активности в период избирательной президентской кампании.

Между тем противостояние «Болоту» начал С. Кургинян, создавший к тому времени собственное движение «Суть времени» (*www.eot.su*), которое имело целью «предотвратить новую перестройку». В его выступлениях и публикациях по меньшей мере за год до «болотных» выступлений говорилось об опасности либерального реванша, ведущего, по его мнению, к развалу России, как перестройка-90 привела к развалу СССР. В противодействие этому тренду С. Кургинян попытался создать общественную организацию, получившую название «Суть времени» (перифраза названия телепередачи «Суд времени», после которой С. Кургинян получил известность). В противовес «болотным» выступлениям 24 декабря 2011 г. был проведен «антимитинг» на Воробьевых горах, который должен был собрать всех противников режима, не поддавшихся на агитацию либералов (один из лозунгов был «Против ВСЕХ жуликов и воров»). Митинг собрал от полутора до пяти тысяч участников, что примерно соответствовало результатам активности КПРФ.

Заметим, что следующее мероприятие, назначенное как самостоятельный «антиоранжевый» митинг на Поклонной горе (4.12.2012), проводилось уже при официальной поддержке, и сторонники Кургиняна и противники либерального реванша «утонули» в ста тысячах участников, собранных из разных городов и весей в поддержку Путина. У нас нет основания утверждать, что все эти люди, бродившие или плясавшие на морозе с трехцветными знаменами, на самом деле не поддерживали В. В. Путина как кандидата в президенты. Однако мероприятие такого рода нельзя рассматривать как средство выражения позиции, так как для многих участие было связано с определенным давлением работодателей, перспективой денежной компенсации и т. п.

Следующий самостоятельный митинг кургиняновцев 23 февраля у Главного входа на ВВЦ вновь собрал около 3 тыс. участников. В дальнейшем внимание движения концентрировалось на проблемах воспитания и образования детей.

«Антиболотную» позицию в конце концов заняли и центральные органы КПРФ. Если сначала коммунисты входили в Оргкомитет «белоленточного» митинга на проспекте Сахарова и их представитель О. Н. Смолин должен был получить слово, то после того, как слово депутату и известному деятелю так и не дали, представители КПРФ сдержанно говорили о неприятии нового протестного движения (хотя один из организаторов этих мероприятий Сергей Удальцов подписал с Зюгановым отдельный договор о поддержке последнего на выборах). В дальнейших митингах и «гуляниях» участвовали только члены других коммунистических партий, отколовшаяся часть Московской городской организации, а кроме того, отдельные члены КПРФ по своей инициативе: они видели в многотысячных митингах выражение воли народа.

Несомненно, «антиоранжевую» позицию заняли православные, традиционалистские организации, а также антиглобалисты, давно, с 2005 г., активно участвующие во всех «антиоранжевых» акциях.

4. Кто вышел и кто не вышел на Болотную

Итак, мы видим, что далеко не все оппозиционно настроенные силы поддержали движение «белоленточников». Хотя идеологи последнего и пытались представить вышедших на Болотную площадь единственной оппозицией («кто не с нами – тот с жуликами и ворами»),

традиционные оппозиционно настроенные группы «красных» и «православных» продолжали занимать свои позиции. И это отразилось, к примеру, и на президентских выборах, где Зюганов получил серьезную поддержку даже в Москве (хотя и уступил очень немного в столице либеральному кандидату М. Прохорову, появлявшемуся с белой ленточкой). Однако проголосовавшие за Зюганова 12 млн избирателей (по Москве – более 800 тыс.) ни разу не вышли такой сплоченной массой, как сторонники либералов.

Для объяснения феномена «голосуют, но не выходят» необходимо принять во внимание социально-психологические факторы, которые частично были выявлены в исследованиях социологов, причем не только «НИИ митингов», но и ВЦИОМ и ряда других. Частично нам удалось получить данные в ходе лингвополитологических исследований, также проходивших в форме опросов. В частности, через оценку абстрактной лексики делались выводы о картине мира опрашиваемых. Задавались также вопросы о профессии, имущественном положении и отношении к политическим силам. Опросы проводились на митингах «белоленточников» 4 февраля, на коммунистическом и «кургиняновском» митингах 23 февраля.

В целом данные социологов показывают картину сходства социального состава практически всех участников митингов, несмотря на их различную направленность (приведенных строем на проспект Сахарова и другие «белоленточные» митинги участников националистических организаций следует вынести за скобки – это не было вопросом их воли, а скорее определенными играми их лидеров).

Наши собственные наблюдения, проводившиеся уже в 2012 г., на зимних акциях, показывают, что среди участников были люди разных возрастов и взглядов. Видимо, можно согласиться с приводимыми «НИИ митингов» данными о большом количестве людей моложе 35 лет и еще большем преобладании в этих группах людей с высшим образованием или студентов (нам за время обследования встретился только один взрослый, не имеющий высшего образования, против примерно ста, его имеющих или получающих). Наши данные показывают и большой разброс в уровне доходов: практически не удалось определить преобладающую группу, были и малообеспеченные (пенсионеры, временно неработающие, преподаватели), и люди со средним доходом (программисты, мелкие предприниматели). Часть

называли себя «хорошо обеспеченными», однако более подробных сведений не давали.

Следует заметить, что практически все, отвечавшие на наши вопросы, сообщили, что они начали выходить на митинги протеста только после выборов 4 декабря, причем выходили только на «белоленточные», а о протестных митингах «Яблока», КПРФ и других даже не слышали.

Сходство «белоленточников» с кургиняновцами едва ли не полное: довольно высокий уровень образованности, средний (с большими разбросами) уровень доходов. На митинге КПРФ было отмечено меньшее число молодых людей, однако в целом там тоже были представлены и молодые, и состоятельные, и «продвинутые пользователи Интернет». Естественно, политические предпочтения различались, например на митинге С. Кургиняна было примерно поровну сторонников Путина и Зюганова. Различались и некоторые ценности, так, слова «демократия» и «предприниматель» были почти единодушно оценены положительно «белоленточниками», достаточно высоко кургиняновцами и гораздо ниже участниками митинга КПРФ. Однако, к примеру, «свобода» была оценена очень высоко всеми, достаточно высокие баллы без видимой корреляции с идеологией митингов получила «справедливость». Интересно, что и слово «революция» в целом не очень высоко оценивалось всеми (хотя «красными», конечно, выше). Это говорит об общности ядра картины мира всех активных участников протестных выступлений при заметном различии на более поверхностном, идеологическом, уровне.

Главной особенностью «белоленточников» можно считать то, что они до декабря 2011 г. ни разу не выходили на акции протеста политического характера (у многих, приходивших на кургиняновские митинги, был некоторый опыт участия в митингах против ювенальной юстиции, однако в коммунистических протестах они тоже не участвовали). И это при том, что КПРФ организует протестные мероприятия не только по коммунистическим праздникам (традиционные шествия 7 ноября, 1 и 9 мая), но и в связи со многими событиями, значимыми и для среднего класса, например, по реформе образования. Даже борьба за честные выборы была традиционной темой для КПРФ: митинги проводились едва ли не после каждых значимых выборов, собирались сведения и подавались в суды и прокуратуры данные о нарушениях

(кстати, в сборе этих данных участвовали и либеральные наблюдатели от СПС и «Яблока»). Однако об этих митингах никто из опрошенных нами участников «белоленточных» мероприятий даже не слышал (конечно, в более репрезентативных выборках результаты могут отличаться, однако общая тенденция «до нас протестов не было», несомненно, просматривается).

В связи с этим необходимо обратить внимание на политику СМИ в отношении протестных мероприятий в последние двадцать лет. В 90-е гг. и довольно долго после них основным лейтмотивом передач о выступлениях протестующих «красных» была попытка их принизить, связать желание выходить на площадь с их отсталостью, глупостью, неумением «вписаться в новые реалии». Если наиболее массовые мероприятия и получали отклики на ТВ, то показывались лица стариков, иногда возбужденные, что наводило на мысль об их неадекватности. Им часто противопоставлялись «мирные обыватели», отправившиеся на дачу или занятые домашними делами. Поскольку других массовых акций в те годы практически не было, то и общее впечатление от протестной акции сводилось к представлению: «Вменяемые туда не ходят!». Видимо, этому способствовали и мероприятия ЛДПР, часто посещаемые из желания посмеяться над их лидером В. В. Жириновским, который в своих речах неоднократно давал для этого повод.

В дальнейшем СМИ сводило любые упоминания о крупных акциях протеста к минимуму. Например, на ТВ практически не отражались даже многотысячные коммунистические (и общепатриотические – там несли и хоругви) шествия на День Победы.

Представления об акциях протеста у молодежи отражались в их поведении: когда им доводилось оказаться рядом с соответствующими акциями, они обычно реагировали смешками, даже не прочитав лозунгов (нередко вполне отвечающих их интересам, например, в связи с реформой образования). Лингвополитологические опросы показывали негативную оценку слов «митинг», «забастовка» – как в этой возрастной группе, так и у многих людей постарше.

В последние годы при появлении протестных движений с участием либералов (например, «Стратегии 31», выступавшей за свободу собраний), освещение протестных акций этих движений стало в либеральных СМИ гораздо более активным. Более того, и на основных

федеральных каналах ТВ, к тому времени не вполне контролировавшихся либералами, о таких акциях сообщалось, тогда как более многочисленные коммунистические митинги обычно оставались без внимания.

Однако всплеск интереса к протестным акциям произошел в конце 2011 г. Столкновения 5 декабря на Чистых Прудах достаточно подробно освещалось на основных каналах ТВ. Отражались также перипетии с получением разрешения на митинг 10 декабря. Таким образом, к этому времени достаточно большое количество населения Москвы знало о нем. Более того, благодаря либеральным СМИ (радио «Эхо Москвы») и уже весьма распространенным социальным сетям многим стало известно, что мероприятие престижное, будут культовые фигуры, причем культовые для разных целевых аудиторий – от Ксении Собчак до Гари Каспарова, от Бориса Немцова до Ильи Пономарева (в прошлом активиста левых). Это обеспечило выход количества людей, существенно превосходящего то, что наблюдалось на шествиях в поддержку «Стратегии 31», против реформ образования и ЖКХ и т. п.

5. «Креативный класс» или «офисный планктон»?

Для того чтобы понять, почему вполне мирно сидевшие по домам обыватели и смеявшаяся над митингами молодежь вдруг поддались на призывы и вышли на площадь, попытаемся проанализировать место массовых протестов в картине мира наших соотечественников.

Представления об устройстве мира формируются в течение столетий и зависят как от социальных факторов («Бытие определяет сознание»), так от географических (природные условия, ландшафты, соседи и т. п.), а также наследуются из духовных традиций, сохраняемых веками[1]. Для традиционного общества выделяются одни параметры (коллективизм, вера в заповеди предков, уважение к семейным ценностям), для общества модерна – другие (индивидуализм, вера в позитивное знание, демократические ценности). Конечно, надо иметь в виду, что многие аспекты картины мира сохраняются еще долго

[1] Это философское понятие, первоначально связанное с противопоставлением способа обработки информации о мире (мифологическая, религиозная, научная картина мира), уже в XX в. была «привязана» к национальным особенностям мировосприятия. Картины мира различных народов в русскоязычной традиции описывались в трудах Г. Гачева.

после наступления эпохи, чьи экономические условия диктуют их изменение.

Национальная картина мира русских представляется еще более сложной в связи с тем, что такие признаки модерна, как индустриализация, просвещение, снижение религиозности, происходили в условиях, «консервировавших» ценности традиционного общества: коллективизм, космизм, родственные связи. Это произошло в результате создания в СССР социализма, разрушившего многие традиционные структуры, но в то же время не сломавшего их в корне, мобилизовавшего народ на системные изменения с опорой на традицию [3]. Однако общие закономерности формирования народного сознания, в частности зависимость от условий существования, не могли не сработать и в данном случае. Большое количество авторов еще в советскую эпоху говорили об изменении потребностей, интересов, взглядов в связи с происходящей в СССР урбанизацией, что, в свою очередь, было следствием индустриализации и дальнейшего научно-технического развития [3].

При этом сдвиги в сознании и представлениях происходили неравномерно в разных социально-демографических группах: интеллигенция оказывалась впереди тренда, рабочие, даже получившие хорошее образование, в большей степени оставались на старых идейных позициях. Естественно, новое легче воспринималось молодежью. Кроме того, играли роль и психофизиологические характеристики людей: некоторые более восприимчивы к новому, другие более осторожны и т. п.

К концу советского периода (к тому времени, когда Ю. В. Андропов сказал, что «мы не знаем общества, в котором живем»), в нашем сообществе прослеживались следующие настроения (в первую очередь, мы говорим о русских, хотя эти же тенденции просматривались и в других этносах, составлявших «советский народ»). Народ в целом (даже наиболее «передовая» его часть) сохраняли и ценили такие представления, связанные с традиционным обществом, как коллективизм, патриотизм, справедливость, уважение к истории. В то же время культивировавшаяся в советское время устремленность вперед, вера в научный прогресс, знания, а также повышение образовательного уровня большинства населения привело к формированию определенного презрения к «старому», отказу от традиций, росту веры

в собственные силы, что соответствует представлениям человека модерна. Если в основной массе населения эти противоречивые тенденции как-то уживались, то для некоторых групп, более всего втянутых в «прогресс», это приводило к отказу от традиционных ценностей и к ориентации на страны, где ценности «нового времени» провозглашались открыто и даже агрессивно – западной цивилизации (конечно, и там сохраняются многие традиционные ценности, иногда даже делается попытка их реанимации, однако это далеко выходит за пределы рассматриваемой в статье тематики).

То, что такие группы людей сформировались в рамках нашего этно-государственного сообщества уже давно, позволило И. Р. Шафаревичу (вслед за О. Кошеном) ввести термин «малый народ» [5]. Речь идет о сообществе, чьи взгляды уже достаточно заметно отличаются от мнения основной массы народа. Такое сообщество образовалось в мегаполисах к началу перестройки и составило ее основную движущую силу. Видимо, ожидалась ее лидирующая роль и в ходе реформ, и уже возникло наименование «новые русские». Однако ведущие позиции захватил криминал, к которому и было применено это наименование.

Заметим, что представления об участии в массовых акциях напрямую связано с картиной мира. Митинги и шествия в странах Запада представляют собой заметную составляющую общественной жизни. На них выходят сотни тысяч и даже миллионы людей. Публичное заявление о своей позиции считается необходимым для того, чтобы власти могли принимать решения, отвечающие интересам протестующей части населения. Видимо, здесь можно применить метафору торга: чтобы добиться приемлемых условий, надо всячески отстаивать их, и публичное выражение мнения – одна из составляющих этой деятельности. Наиболее близкая к западному мировоззрению часть советского общества – интеллигенция мегаполисов – активно, даже радостно восприняла эту установку и в 1989-91 гг. принимала участие в многотысячных (гораздо более многолюдных, чем даже митинги на Болоте) акциях, организованных «демократами».

Несколько иначе обстоит дело с традиционным представлением о митинге или демонстрации. Как правило, в России массовый выход народа был связан с решением конкретных задач: подача челобитной (петиции) царю, выдача «головой» ненавистных бояр, заявление о забастовке (в городе) или готовности громить усадьбу в селе.

Демонстрации в западном понимании собирали в первую очередь студентов. В дальнейшем, по мере индустриализации и развития капиталистических отношений, в демонстрациях и митингах стали принимать участие и рабочие. Однако у них они нередко принимали формы традиционных сходов (как, к примеру, на реке Талка около Иваново-Вознесенска в 1905 г.). Митинги 1917 г. до некоторой степени играли еще и информационную роль: граждане приходили туда, чтобы послушать политиков и определить свою позицию.

В Советском Союзе зародившаяся традиция протестных акций была пресечена и направлена в русло массовых мероприятий, скорее праздничного характера, во многом принудительных. В традиционном информационном пространстве любое публичное заявление своей позиции было очень значимой акцией, и заявление о несогласии с курсом властей жестко пресекалось.

К концу 80-х гг. западное представление о приемлемости публичного заявления своего мнения разделялось теми, кто уже в чем-то перешел к западной системе ценностей. Помимо уже упоминавшейся интеллигенции скорее либерального настроения таковыми были и убежденные сторонники коммунизма, увидевшие сходство ситуации в стране с тем, что происходило в капиталистических странах и встречало отпор в виде демонстраций трудового народа. В 1990–1993 гг. митинги «красных», организуемые в первую очередь В. И. Анпиловым, были не менее многолюдными, чем митинги либералов.

Большинство населения, однако, не принимало этой формы самовыражения, даже тогда, когда понимало ее необходимость. Проведенный 23 февраля 1991 г. «контрмитинг» против развала СССР был менее многочисленным, чем проводимый накануне митинг демократов, и состоял, в основном, из военнослужащих, которые разделяли лозунги митинга, но, как они признались, «пришли потому, что начальство порекомендовало». Не было массовых акций и сторонников ГКЧП, хотя таковых было по стране немало.

Общие пропагандистские установки на бессмысленность митингов, а также открытое игнорирование всех требований их участников демократическими властями привело к тому, что число желающих выходить на акции протеста стало с 1995 г. падать. В отсутствие возможности достижения результата многие прежние участники не захотели ходить без толку, только ради демонстрации своего мнения, что

было бы естественно для тех, кто принял западный взгляд на вещи. В свою очередь сторонники демократической власти все 90-е гг. и достаточно долго после них не считали политику властей заслуживающей протеста.

К 2010-м гг. прослойка, разделяющая западные ценности, увеличилась, особенно в мегаполисах, за счет той молодежи (18–45 лет), которые с одной стороны, воспитывались в условиях агрессивной пропаганды этих ценностей, а с другой – смогли занять экономическую нишу «обслуги» (менеджеры госструктур и крупных фирм, мелкий бизнес, хорошо оплачиваемые работники: журналисты, программисты, врачи и учителя частных структур, работники автосервиса, охранники значимых персон и т. п.), которая способствовала формированию западных ценностей: индивидуализма, готовности к жесткой конкуренции, представлении о «едином мире» и т. п. Фактически основной состав участников протеста (включая и «любопытствующих») так или иначе относился к этой группе. К ней примыкали и люди старших возрастов, «отметившиеся» еще на перестроечных митингах (как показали наши наблюдения, их было около 10 % всех участников). Как мы уже говорили, эта группа населения имела близкие, «модерные» взгляды еще с советского времени. Если говорить о «красных» участниках этих мероприятий, то у них тоже еще с советских времен сформировались определенные представления о поведении масс в современную эпоху, и массовые мирные протесты, характерные для Запада, занимают там важное место.

Встает вопрос о социальных характеристиках основной группы участников «белоленточных» протестов. В прессе они были названы поначалу средним классом. Затем, в виду неопределенности этого термина в наших условиях, к этой группе применили термин «креативный класс» [6]. Поскольку вопрос о творческом характере работы большинства участников вызывал сомнение, противники «белоленточников» не очень охотно соглашались использовать этот термин, применяя как уже устоявшееся наименование «офисный планктон», так и выражение «сетевые хомячки». Однако если отказаться от оценочного характера и других коннотаций перевода английского creative слова «творческий», а ограничиться только причастностью этой группы к эпохе «постмодерна», то наименование можно принять.

Учитывая разницу в представлениях и картине мира, мы можем попытаться объяснить и такой, на первый взгляд, парадоксальный

феномен, как отсутствие массовых выступлений наиболее уязвимых групп населения и выступление относительно обеспеченного сообщества, причем по проблемам, гораздо менее значимым для них, чем те, которые такого протеста не вызвали.

Однако остается непроясненным неожиданный всплеск активности именно в ответ на определенные призывы (при игнорировании тех же проблем ранее, при гораздо меньшем интересе к митингам даже социально близкого «Яблока» на ту же тему). Здесь надо обратить внимание на интересный феномен, уже обозначавшийся исследователями.

Выдающийся немецкий философ и социолог СМИ Н. Луман (Niklas Luhmann) отмечал, что современный человек все свои знания и представления черпает из СМИ [4]. Это, возможно, преувеличение. Сейчас, кстати, можно было бы добавить и интернет-общение. Однако и в последнем случае такое обобщение не вполне отвечает наблюдениям (по крайней мере, в России). Однако существенный рост зависимости информированности человека нового времени от СМИ и других внешних источников по сравнению с традиционным человеком, во многом опиравшимся на сведения, полученные от родных и знакомых, несомненен. Это заставляет нас, исследователей положения в России, иначе взглянуть роль массовых коммуникаций в жизни группы, в наибольшей степени оторвавшейся от традиционных представлений. Если принять предположения Н. Лумана, следует списать парадоксальную активность выхода на площадь в 2011–2012 гг. именно на зависимость от СМИ определенного круга, которые позиционируют себя как оппозиционные, «противовес официозу». Несомненную роль здесь сыграли знаковые фигуры – как мы помним, их разнообразие заставляло полагать, что имеются в виду предпочтения разных групп, чьи взгляды не всегда совпадают. Наконец, значительную роль сыграл и пришедшийся на это время пик интереса к социальным группам, в том числе, и к Твиттеру. Однако вопрос о влиянии интернет требует отдельного рассмотрения.

7. Заключение

В таком случае, получается, что резкий всплеск активности большинства участников выступлений был спровоцирован усилиями в информационной сфере (хотя некоторые предпосылки в реальной жизни тоже имелись). Приходится также допустить, что именно

«креативный класс» оказывается наиболее чувствительным к воздействию через средства коммуникации. Кстати, эта гипотеза противоречит распространенному представлению «чем человек образованнее, тем он лучше противостоит манипуляции».

Мы не касаемся политического аспекта происходящих выступлений – это предмет отдельного политологического исследования. Однако очевидно, что действия по выводу людей на массовые мероприятия опирались на хорошо разработанные представления об их представлениях и предпочтениях. Это заставляет активизировать исследования особенностей социальной психологии россиян. При этом целесообразно применять как традиционные социологические, так и новые – социопсихологические, когнитивные, лингвополитологические исследования. Видимо, анализ общества без представления о ценностях и смыслах различных групп уже оказывается неполным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бикбов А. Б.* Методология исследования «внезапного» уличного активизхма (российские митинги и уличные лагеря, декабрь 2011 – июнь 2012) // Laboratorium : Журнал социальных исследований. – 2012. – № 2. – С. 130–163.
2. *Борисова Е. Г.* Лингвополитология: понимание политики через данные языка // Общение в аспекте понимания : сб. ст. – Кн. 1. – М. : Изд-во МГПУ, 2012. – С. 125–130.
3. *Кара-Мурза С. Г.* Советская цивилизация : в 2 т. –
   Книга первая. От начала до Великой Победы. – М. : Эксмо-Пресс, 2002. – 640 с.
   Книга вторая. От Великой Победы до наших дней. – М. : Эксмо-Пресс, 2002. – 768 с.
4. *Луман Н.* Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Антоновского. – М. : Праксис, 2005. – 256 с.
5. *Шафаревич И. Р.* Русофобия. – М. : Эксмо, 2005. – 352 с
6. *Florida R.* The Rise of the Creative Class: And How it's transforming work, leisure, community and everyday life. – New York : Perseus Book Group, 2002. – 416 p.

УДК 32.019

А. Д. Козуева, Е. М. Минин

Козуева А. Д., магистрант, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва, Республика Казахстан; e-mail: kozueva1993@mail.ru

Минин Е. М., кандидат исторических наук, доцент; профессор каф. теории регионоведения; e-mail: mininem47@list.ru

КАТАЛОНСКИЙ СЕПАРАТИЗМ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЗМОЖНОЙ СЕЦЕССИИ

В статье предпринимается попытка спрогнозировать, как повлияет приобретение регионом независимости на экономическое положение Каталонии, и действительно ли сецессия поможет преодолеть нынешний экономический кризис. Дается также краткая характеристика значения Каталонии в экономике Испании, приводятся основные экономические показатели региона.

Ключевые слова: Каталония; Испания; сепаратизм; Европейский Союз; экономические последствия; независимость; ВВП; экспорт; иностранный капитал; «сепаратизм богатых»; экономические кризис; бюджетный дефицит.

A. D. Kozueva, E. M. Minin

Kozuyeva A. D., Master's Degree Student, L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, the Republic of Kazakhstan, e-mail: kozueva1993@mail.ru

Minin E. M., Professor of Department of Regional Studies Theory, Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor, MSLU; e-mail: mininem47@list.ru

CATALAN SEPARATISM: ECONOMIC CONSEQUENCES OF POSSIBLE SECESSION

The article is devoted to the attempt of predicting how the possible independence of Catalonia will influence the economic situation of the region and whether the secession will really help the solution of modern economic crisis. The description of the role of Catalonia in the economy of Spain and the main economic indicators of the region are also given in the article.

Key words: Catalonia; Spain; separatism; European Union; economic consequences; independence; GDP; export; foreign investment; “separatism of the rich”; economic crisis; budget deficit.

Распад биполярного мира ознаменовался резким всплеском разного рода сепаратистских движений. В современном мире не существует

ни одного населенного людьми региона, для которого не была бы актуальной эта проблема. Даже самая благополучная в экономическом плане Европа оказалась неспособной предотвратить ее появление и найти эффективное решение. Более того, этот регион оказался эпицентром нового вида сепаратизма, который был назван *сепаратизмом богатых*. Самым ярким примером в этом отношении является каталонский сепаратизм.

Сегодня противостояние автономного сообщества Каталония и центрального правительства Испании вступило в новую фазу конфликта в связи с победой в сентябре 2015 г. на региональных выборах партии «Вместе за независимость» и принятием в ноябре региональным парламентом резолюции о независимости, так называемой Дорожной карты, предусматривающей превращение Каталонии в независимое государство в течение 18 месяцев. В этой связи представляется необходимым рассмотреть, с какими последствиями в экономической сфере столкнутся каталонцы в случае получения ими независимости. Но перед этим целесообразно определить и провести краткий анализ места, которое занимает Каталония в экономике Испании.

Площадь территории автономного сообщества Каталония составляет 32108 кв. км, или немногим более 6 % от общей площади территории страны. Численность населения на 1 января 2015 г. достигла 7,508 млн чел., или 16,1 % от населения Испании (это второе место среди автономий после Андалусии, доля населения которой составляет 18 %). Регион является одной из самых густонаселенных территорий страны, плотность здесь составляет 233,8 чел. на один кв. км (национальный показатель – 93,4 чел./кв. км) [6].

Валовой внутренний продукт (ВВП) Каталонии в 2013 г. составил 203,6 млн евро, ее доля в национальном ВВП – 19.9 %. Рост ВВП региона часто превышает рост этого показателя по стране: в 2012 г. рост ВВП в Испании был отрицательным и составил –1.6 %, Каталонии – 1.3 %, в 2013 г. снижение ВВП в Каталонии было также меньше: в Испании – 1.2 %, в Каталонии – 0.5 % [там же]. Особенно выделяются две традиционные для Каталонии отрасли – ***химическая и фармацевтическая***. Их доля в стране составляет около 44 % [4, с. 17].

Сектор ***туризма*** является очень прибыльным и важным в экономике Каталонии. В этом отношении регион является одним из самых привлекательных в Испании. В 2013 г. этот регион посетили 16,6 млн

чел. Это составило 27 % от общего числа туристов в Испанию. Барселона является одним из главных направлений международного туризма. Это самый посещаемый город Европы после Лондона, Парижа и Рима. Каждый год сюда приезжают около 6 млн туристов [4, с. 23].

Каталония является одним из наиболее привлекательных для вложения ***иностранных инвестиций*** регионов Испании. 46,4 % иностранных компаний, действующих в этой стране, приходится на Каталонию. По состоянию на 2011 г. это автономное сообщество является третьим по привлекательности иностранных инвестиций регионом Европы. В 2013 г. на Каталонию пришлось 19,8 % прямых иностранных капиталовложений в Испанию [2]. Большинство этих инвестиций вложено в недвижимость, машины и оборудование, финансирование и страхование и некоторые другие отрасли.

В последние несколько лет наблюдается некоторая рецессия в экономическом развитии региона, что является следствием кризиса, в который вступила вся страна. Так, например, рост ВВП замедлился и даже стал отрицательным в отдельные годы, появилась такая серьезная проблема, как высокая безработица, принимающая особо крупные размеры среди молодежи. Именно экономические трудности стали одной из причин серьезной активизации сепаратистского движения в регионе. Региональными властями распространяется идея о том, что, став независимым государством, Каталония сможет освободиться от «эксплуататорского» центрального правительства, и появится возможность направлять все свои финансовые ресурсы на подъем экономики региона. В этой связи представляется вполне обоснованным выявить и проанализировать те возможные экономические последствия, которые может принести с собой независимость Каталонии.

В первую очередь, следует отметить, что экономические последствия для самой Испании в этом случае будут ***крайне негативными***. Она может потерять около 20 % своего ВВП, снизиться способность помогать регионам с большими экономическими проблемами, так как бюджет страны формируется за счет региональных вложений, значительную часть которых обеспечивает Каталония. Помимо этого, регион является крупнейшим экспортером товаров в остальные автономии Испании. В случае достижения независимости Каталонией стоимость этих товаров, неизбежно возрастет, так как появятся границы и таможенные пошлины между бывшими частями ранее единой страны.

В условиях сильного экономического кризиса в Испании встанет острый вопрос о возможности успешного выхода из него без одного своих из самых развитых и богатых регионов. А с учетом участия Испании в интеграционных процессах Европы и сильной взаимозависимости экономик западноевропейских стран, кризис испанской экономики может серьезно отразиться на общеевропейской ситуации [1].

Не менее серьезной в экономическом отношении будет и ***ситуация в самой Каталонии*** в случае сецессии. Многое здесь будет зависеть от того, как отреагируют Испания и международное сообщество на возможное провозглашение независимости этим автономным сообществом. Однако нынешнее состояние отношений центрального правительства и региональных властей заставляет достаточно уверенно предположить, что реакция Испании будет крайне негативной, и новообразованному государству будет объявлен бойкот. Что касается Европейского союза, то провозглашение независимости Каталонии повлечет за собой ее автоматическое исключение из этого интеграционного объединения, что приведет к восстановлению границ и таможенных барьеров и пошлин (по крайней мере, на некоторое время). Тем не менее даже в случае более благоприятной реакции европейских стран независимая Каталония потеряет сразу два потребительских рынка: испанский и европейский. Причем наиболее значимым для региона является именно национальный рынок. Так, например, в 2013 г. экспорт Каталонии в остальную часть государства составил 43,9 млн евро (в 2012 г. – 49,1 млн), а импорт – 25,1 млн евро (в 2012 г.– 23,2 млн) [5, С. 94]. Иностранный экспорт региона в 2013 г. составил 58,4 млн евро, а импорт – 67,1 млн. Наиболее важными иностранными партнерами являются Франция и Германия: в 2013 г. экспорт во Францию составил 9,83 млн евро (импорт – 7,17 млн), в Германию – 6,52 млн евро (импорт – 11,0 млн). Если рассматривать экспорт в остальную часть Испании как действительно иностранный, наравне с экспортом в другие страны мира, то общий экспорт Каталонии в 2013 г. составил 102,3 млн евро, а доля испанского региона – 42,9 % [6]. Провозглашение независимости Каталонии, несомненно, повлечет за собой ***установление границ и таможенных барьеров***, как минимум, в торговле с Испанией. Иностранные эксперты прогнозируют падение экспорта Каталонии, но их прогнозы различаются в цифрах. Так, например, экономист Клемент Поло считает, что экспорт

уменьшится в два раза в течение пяти лет после получения Каталонией независимости.

Второе возможное последствие отделения Каталонии – ***бегство капитала из региона***. Уже сейчас имеет место уход иностранных компаний из Каталонии в Мадрид. Так, с 2010 по 2013 гг. в Мадрид переместилось 1060 компаний, которые ранее располагались в Каталонии [7]. Официальная причина – налоги. Однако многие эксперты считают, что настоящей причиной является именно усиление сепаратистского движения. Они говорят о том, что стратегическое расположение Каталонии, близкое к Франции и обеспечивающее беспрепятственный выход к Средиземному морю, может потерять свое значение для иностранного капитала, так как отделение региона от Испании повлечет за собой выход региона из ЕС и еврозоны. В этом случае иностранные инвестиции будут направляться в другие регионы Испании или другие страны для того, чтобы избежать таможенных пошлин ЕС и других административных барьеров [5, с. 100].

В-третьих, утверждения сепаратистов о том, что высвободившиеся от центральных налогов средства можно будет использовать для решения экономических проблем Каталонии, достаточно легко оспариваются многими экономистами. Их мнения сходятся в одном: освободившиеся средства, выплачиваемые регионом в казну Испании, скорее всего пойдут на поддержание тех сфер деятельности, которые раньше Каталонии как автономии были не нужны. Среди них охрана границ, создание и поддержание собственных дипломатических миссий и Вооруженных сил и т. д.

В-четвертых, Каталония в случае провозглашения независимости может потерять ***большое количество трудоспособного населения***: уже сейчас в ситуации достаточно сильного экономического кризиса намечается тенденция к поиску работы за рубежом. Последние три года прирост населения был отрицательным, и иммиграция может принять еще больший размах в случае сецессии: вероятнее всего, большинство этнических испанцев переедет в остальную часть Испании. А в ситуации прогнозируемого ухудшения экономического положения регион потеряет и то количество иностранной рабочей силы, которое имеет сейчас.

В-пятых, сецессия Каталонии повлечет за собой автоматический ***выход из Европейского Союза***. Региону придется запускать

переговорный механизм по новому вступлению в организацию. Региональные власти в целом достаточно позитивно оценивают свои шансы возвращения в единый европейский рынок. Однако в условиях негативных отношений с Испанией можно быть уверенным в том, что Мадрид проголосует против принятия Каталонии в члены ЕС. Поддержка со стороны Великобритании, Бельгии и других стран, страдающих от сепаратистских движений, тоже сомнительна. В такой ситуации наиболее оптимистичным вариантом будут затянутые переговоры по вступлению Каталонии в ЕС, не приводящие ни к какому результату.

Еще один очевидный вопрос, который вытекает из последнего пункта, – неопределенное положение ***каталонской валюты***. Региональные власти убеждены в том, что независимая Каталония может рассчитывать на свое участие в Европейской экономической зоне, объясняя это тем, что для вступления в нее необходимо наличие квалифицированного большинства. Будучи участником Европейской экономической зоны, но, не входя в ЕС, Каталония сможет продолжить пользоваться евро как своей валютой. Однако, как было отмечено ранее, представляется сомнительным, что большинство европейских стран выскажется за вступление независимой Каталонии, поскольку невозможно гарантировать, что решение вопроса международного признания независимости Каталонии не окажется затянутым на долгие годы. Таким образом, можно достаточно уверенно предположить, что Каталонии придется отказаться от евро и вводить собственную валюту. Введение новой валюты, несомненно, будет сопровождаться процессами инфляции, девальвации и т. д. [3, с. 42].

Здесь приведены и проанализированы лишь самые очевидные последствия отделения Каталонии от Испании. В реальности они могут сопровождаться еще более тяжелыми экономическими проблемами. В этих условиях независимую Каталонию ждет не успешное преодоление экономического кризиса за счет освободившихся средств, которые не нужно будет отдавать в центральную казну, а усиление экономических проблем, решение которых может затянуться на долгий период и сопровождаться болезненными мерами экономии и другими непопулярными среди населения способами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Botto-Tornielli Santiago*. Economic Impacts of Catalonia's Bid for Independence. – URL : www.yaleeconomicreview.org/archives/2223

2. Foreign companies in Catalonia. Evolution of FDI to Catalonia and Spain 2003–2014. – URL : www.catalonia.com/en/binaris/fdi_foreign_companies_20042014_2_tcm213-151998.pdf
3. *Higueruela Jose Luis Feito*. The pitfalls of Catalan independence's economic postulates // The political economy of catalan independence. – Madrid, 2014. – P. 9–53.
4. *Martinez Alos-Moner Oriol.* The position of an independent Catalonia in the international context // The economy of Catalonia. Questions and answers on the economic impact of independence. – Barselona, 2014. – P. 13–30.
5. *Polo Clemente*. The secessionist challenge and the economic consequences of independence // The political economy of catalan independence. – Madrid, 2014. – P. 81–121.
6. Statistical yearbook of Catalonia. – URL : www.idescat.cat/pub/?id=aec&lang=en
7. 1,060 companies moved from Catalonia to Madrid for tax reasons since 2010, according to Madrid's Government. – URL : www.catalannewsagency.com/politics/item/1060-companies-moved-from-catalonia-to-madrid-for-tax-reasons-since-2010-according-to-madrid-s-government

УДК 329

И. В. Манохин, Ю. В. Синчук

Манохин И. В., кандидат исторических наук,
и.о. ректора МГЛУ; e-mail: manokhin@linguanet.ru

Синчук Ю. В., доктор политических наук, профессор,
профессор каф. политологии МГЛУ;
e-mail: sinchukjv@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье представлены основы обеспечения военной безопасности – сложный процесс политической деятельности. Это системный процесс, так как он является взаимосвязанной совокупностью разнообразных действий, мер, акций, которые планомерно предпринимаются военно-политическими силами.

Ключевые слова: обеспечение военной безопасности; комплексный политологический анализ.

I. V. Manokhin, Yu. V. Sinchuk

Manokhin I. V., PhD (History), Acting president, MSLU;
e-mail: manokhin@linguanet.ru

Sinchuk Yu. V., Doctor of Political Science, Professor,
Professor of Political Science Department, MSLU
e-mail: sinchukjv@mail.ru

ON THE PROVISION OF MILITARY SECURITY

In the article the basics of the ensuring of military security are represented, which are considered to be a complicated process of political activity. It is a system approach as it is an interrelated complex of various actions and measures which are systematically undertaken by military-political forces.

Key words*:* ensuring of military security; complex political analysis.

Обеспечение военной безопасности является важнейшим направлением деятельности государства. Военная безопасность существует для защиты накопленного человеческого достояния от потенциального ущерба предотвращения конфликтов различных уровней.

Содержание обеспечения военной безопасности включает: формирование и реализацию единой государственной политики; поддержание внутриполитической стабильности; развитие и укрепление дружественных (союзнических) отношений с соседями и другими государствами; всестороннее обеспечение и качественное совершен-

ствование вооруженных сил; охрану и защиту государственной границы в пределах приграничной территории, воздушного пространства и подводной среды; поддержку при необходимости политических акций, осуществления контроля над взаимным выполнением обязательств в области ограничения, сокращения и ликвидации вооружений и укрепления мер доверия; обеспечение готовности к участию в миротворческой деятельности.

Исследование политического механизма обеспечения военной безопасности России опирается на теорию и методологию наук и научных направлений, изучающих общую теорию военной безопасности [8, с. 14–15; 5, с. 122–126].

Обеспечение военной безопасности – сложный процесс военно-политической, деятельности. Кроме того, это системный процесс, так как он является взаимосвязанной совокупностью разнообразных действий, мер, акций, которые планомерно предпринимаются военно-политическими силами и, в конечном счете, приводят к результату – совершенствование обеспечения в системе военной безопасности [11, с. 119–130; 12, с. 66–77].

Для определения политического механизма обеспечения военной безопасности учитывается структура политической системы общества, система политических отношений между государствами. Выявление источников и причин возникновения угрозы военной безопасности, помогает определить основные направления политического, воздействия на агрессора, выработать систему мер по реализации потенциала при обеспечении военной безопасности.

Системный подход весьма продуктивен в исследовании проблемы совершенствования обеспечения военной безопасности. Анализ работ отечественных и зарубежных ученых, посвященных этой тематике, чрезвычайно широк, человеческая деятельность анализировалась в разных аспектах [1, с. 32–35; 3, с. 13–19; 6, с. 10–15; 7, с. 7–9; 9, с. 21–22; 13, с. 82–86], это позволяет утверждать, что основные направления соответствуют этапам системного подхода.

Выделяются следующие направления: исследования сущности, существенных определений человеческой деятельности, ее основополагающих, конституирующих признаков, что позволяет выяснить место этой категории в системе основных философских и политологических категорий, место деятельности среди других форм движения материи; исследования состава и структуры деятельности как

системы, ее основных элементов, моментов, сторон в их взаимосвязи, рассматриваемых в статике, исследование основных видов, форм деятельности и ее типологии; исследования деятельности в ее динамике как движения, как функционального процесса; исследование развития, эволюции деятельности.

Указанные направления тесно взаимосвязаны, переплетаются, дополняют друг друга и во многих работах наличествуют вместе. Но их последовательность соответствует системному подходу. Логическая цепочка понятий, отражающая генезис человеческой деятельности, строится таким образом: взаимодействие материальных систем – жизнедеятельность как взаимодействие живых систем с окружающей средой – человеческая деятельность как взаимодействие социальных систем (субъектов) со средой. Политическая деятельность выделяется в первую очередь по специфике взаимодействующих субъект – объектов.

Процесс деятельности цикличен, итеративен. Это отмечают психологи, специалисты по управлению, праксеологи и философы. Цикл человеческой деятельности имеет составные элементы (этапы), достаточно общие для всякой деятельности, и эти этапы закономерно упорядочены в своей последовательности. Цикл деятельности как итеративное изменение ее субъекта – это упорядоченная последовательность общих для любой рациональной (умной, следовательно, эффективной) деятельности этапов: осознание потребности, познание, целеполагание, подготовка и принятие решения (планирование), организационный этап, практическая (целедостигающая) деятельность, оценка результатов. Без этого уточнения научная строгость политологического анализа проблемы в значительной степени утрачивается.

Любое изменение в обеспечении военной безопасности следует рассматривать в ценностном (аксиологическом) аспекте. Только такой подход позволяет корректно определить ключевые понятия теории безопасности. Теоретическая модель процесса человеческой деятельности полностью относится к процессу обеспечения военной безопасности.

Дальнейшее исследование процесса обеспечения военной безопасности Российской Федерации будет осуществляться в опоре на изложенные выше положения. Это позволит гораздо более глубоко,

детально и системно исследовать проблему обеспечения военной безопасности.

На основе комплексного политологического анализа степени разработанности исследуемой проблемы определено, что с научной точки зрения, в интересах проводимого исследования наиболее целесообразно все источники условно разделить на шесть основных групп: нормативно-правовые акты, основополагающие документы; исследования, посвященные общетеоретическим и методологическим проблемам политики, геополитики, в целом и военной политики; военно-исторические работы, мемуары видных военачальников, посвященные анализу многочисленных войн и вооруженных конфликтов; научные исследования, раскрывающие сущность и роль в укрепление обороноспособности страны; документальные источники, стенографические материалы конференций и семинаров, результаты военных учений; научные труды, документы, статьи, раскрывающие опыт обеспечения безопасности государства.

Исследование политического механизма обеспечения военной безопасности государства происходит на базе уже сложившегося аппарата понятий и категорий. Но они должны быть приведены в соответствие с новыми обстоятельствами. «Всякая теория, – говорил К. Клаузевиц, – обязана, прежде всего, привести в порядок смутные и перепутанные понятия. Когда же мы согласимся и установим настоящее значение слов и понятий, тогда дальнейший путь будет ясен и нетруден» [7, с. 7–9].

В качестве исходных понятий в концепции обеспечения военной безопасности государства следует считать понятия, раскрывающие следующие категории: «безопасность», «военная безопасность», «вооруженные силы в системе военной безопасности» [2, с. 315–320; 3, с. 13–19; 10, с. 84–85; 13, с. 100–102].

Несмотря на высокий уровень имеющихся научных трудов [4; 8; 9; 13], на современном этапе нет единства понятий, категорий, терминов; неточно и неполно определены сущность и содержание обеспечения военной безопасности государства, недостаточно конкретно разработаны принципы и закономерности функционирования механизма их формирования.

Таким образом, исследовав состояние научно-теоретического обеспечения рассматриваемой проблемы, специалисты выявили основополагающие вопросы обеспечения военной безопасности государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белозёров В. К.* Управляемый хаос и глобальные политические стратегии // Геополитика и безопасность. – 2014. – № 4. – С. 32–35.
2. *Белозёров В. К.* Политическое руководство Вооруженными Силами Российской Федерации: институциональное измерение. – М. : АТИСО, 2011. – 376 с.
3. *Бельков О. А.* О понятийно-категориальном аппарате теории и политики национальной безопасности России // Экспертно-аналитическое обозрение «Безопасность России-2010». – М. : Наука-XXI, 2010. – С. 13–19.
4. *Бочарников И. В.* Современные концепции войн и практика военного строительства. – М. : Экон-информ, 2013. – 144 с.
5. *Ивашов Л. Г.* Россия и мир в новом тысячелетии. Геополитические проблемы. – М.: Палея-Мишин, 2000. – 335 с.
6. *Кефели И. Ф.* Судьба России в глобальной геополитике. – СПб. : Северная Звезда, 2004. – 286 с.
7. *Клаузевиц К.* О войне : пер. с нем. – М. : Наука, 1995. – 448 с.
8. *Михалёв Ю. А.* Военная безопасность России в наследии А. Е. Снесарева // Актуальные проблемы внутренней и внешней политики Российской Федерации. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 122–126. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 2 (688). Сер. Исторические и политические науки).
9. *Михалёв Ю. А.* Приоритеты национально-государственных интересов России в системе обеспечения национальной безопасности // Геополитика. Глобализация. Международные отношения Вестник московского государственного лингвистического университета. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 107–119. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 25 (631). Сер. Политические науки)
10. *Синчук Ю. В.* Основные направления совершенствования военной безопасности России (политологический аспект) // Геополитика. Национальная безопасность. Международные отношения. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2010. – С. 119–130. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 25 (604). Сер. Исторические и политические науки).
11. *Синчук Ю. В.* Геополитические вызовы и угрозы современной России на постсоветском пространстве // Постсоветский материк. – 2014. – № 1 (1). – С. 119–130.
12. *Феофанов К. А.* Безопасность цивилизационного развития России в условиях глобализации: Политологический анализ : дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2005. – 333 с.
13. *Харичкин И. К., Макаренков Е. В.* Политическое управление : учеб. пособие. – М. : Изд-во Гос. ун-та управления, 2014. – 123 с.

УДК 343.3

И. Ю. Никодимов

доктор юридических наук; профессор каф. правоведения МИРЭА;
e-mail: inikodimov@rambler.ru

КОМПЛЕКСНЫЕ МЕРЫ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА КАК ОДНА ИЗ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА

В настоящее время экстремизм и терроризм переходят в новую ипостась. Если сто лет назад терроризм был направлен на его идеологических или социальных противников, то в настоящий момент всё чаще его целью оказываются простые люди.

В статье рассматриваются такие понятия, как радикализм, экстремизм, терроризм. Борьба с данными проявлениями является одной из функций государства. Обращается внимание на законодательную базу Российской Федерации по данной тематике. Кроме того, предлагается определиться с терминами, которые применяются относительно террористической деятельности и которые должны быть приняты на законодательном уровне специалистами Российской Федерации.

Ключевые слова: радикализм; экстремизм; терроризм; профилактика экстремизма в педагогической деятельности; террористическая организация «ДАИШ».

I. U. Nikodimov

PhD (Doctor of Law), Professor, Law Department,
Moscow Technological University (MIREA);
e-mail: inikodimov@rambler.ru

COMPLEX MEASURES TO PREVENT EXTREMISM AND TERRORISM AS A TOP PRIORITY OF THE STATE

Currently the extremism and terrorism is moving into a new hypostasis. If a hundred years ago, terrorism was directed at the ideological or social enemies of terrorists, at this moment whiter and more terrorism directed at simple people, more and more ordinary people become victims of terrorists. Therefore, addressing concepts such as radicalism, extremism, terrorism. The struggle against these manifestations is a function of the state. Attention is drawn to the legal framework of the Russian Federation on the subject. In addition, it is proposed to define the terms that are used relating to terrorist activities. It is necessary to use terms that should be produced by experts of the Russian Federation.

Key words: radicalism; extremism; terrorism; prevention of extremism in pedagogical activity; terrorist organization “DAESH”.

В настоящее время экстремизм и терроризм переходит в новую ипостась. Если сто лет назад терроризм был направлен на идеологических или социальных противников террористов, то в настоящее время он все чаще направлен на простых людей, всё большее количество которых становятся жертвами террористов. Именно этому вопросу была посвящена конференция, проходившая в Министерстве образования и науки РФ 26–27 ноября 2015 г.

В первую очередь были подняты вопросы определения радикализма и экстремизма, что является «питательной» средой террористической деятельности всех преступных элементов.

В российском законодательстве, а конкретно – в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», понятие «экстремистская деятельность (экстремизм)» раскрывается как:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;
- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;

- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;
- публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;
- публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;
- организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;
- финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг;

В 25.12.12 г. произошли некоторые изменения № 255-ФЗ в пунктах 1 статьи 1:

1) экстремистская деятельность (экстремизм):
   - насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
   - публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
   - возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
   - пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
   - нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;
- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;
- совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации;
- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций;
- публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;
- публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;
- организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;
- финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг;

2) экстремистская организация – общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых по основаниям, предусмотренным настоящим Федеральным законом, судом

принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности;

3) экстремистские материалы – предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистской рабочей партии Германии, фашистской партии Италии; публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы;

Последние изменения произошли 21 июля 2014 г. № 236-ФЗ в пункте 4 статьи 1.

4) символика экстремистской организации – символика, описание которой содержится в учредительных документах организации, в отношении которой по основаниям, предусмотренным настоящим Федеральным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

В статье 2 данного Закона говорится следующее:

Противодействие экстремистской деятельности основывается на следующих принципах:

- признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, а равно законных интересов организаций;
- законность;
- гласность;
- приоритет обеспечения безопасности Российской Федерации;
- приоритет мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности;
- сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, иными организациями, гражданами в противодействии экстремистской деятельности;
- неотвратимость наказания за осуществление экстремистской деятельности.

В статье 5 этого же Закона говорится о профилактике экстремистской деятельности.

В целях противодействия экстремистской деятельности федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления в пределах своей компетенции в приоритетном порядке осуществляют профилактические, в том числе воспитательные, пропагандистские меры, направленные на предупреждение экстремистской деятельности.

В статье 9 говорится об ответственности общественных и религиозных объединений за осуществление экстремистской деятельности.

В Российской Федерации запрещаются создание и деятельность общественных и религиозных объединений, иных организаций, цели или действия которых направлены на осуществление экстремистской деятельности.

В случае, предусмотренном частью четвертой статьи 7 настоящего Федерального закона, либо в случае осуществления общественным или религиозным объединением, либо иной организацией, либо их региональным или другим структурным подразделением экстремистской деятельности, повлекшей за собой нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда личности, здоровью граждан, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности, собственности, законным экономическим интересам физических и (или) юридических лиц, обществу и государству или создающей реальную угрозу причинения такого вреда, соответствующие общественное или религиозное объединение либо иная организация могут быть ликвидированы, а деятельность соответствующего общественного или религиозного объединения, не являющегося юридическим лицом, может быть запрещена по решению суда на основании заявления Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненного ему соответствующего прокурора.

По указанным в части второй настоящей статьи основаниям общественное или религиозное объединение может быть ликвидировано, а деятельность общественного или религиозного объединения, не являющегося юридическим лицом, может быть запрещена по решению суда также на основании заявления федерального органа государственной регистрации или его соответствующего территориального органа.

В случае принятия судом по основаниям, предусмотренным настоящим Федеральным законом, решения о ликвидации общественного или религиозного объединения их региональные и другие структурные подразделения также подлежат ликвидации.

Оставшееся после удовлетворения требований кредиторов имущество общественного или религиозного объединения либо иной организации, ликвидируемых по основаниям, предусмотренным настоящим Федеральным законом, подлежит обращению в собственность Российской Федерации. Решение об обращении указанного имущества в собственность Российской Федерации выносится судом одновременно с решением о ликвидации общественного или религиозного объединения либо иной организации.

Перечень общественных и религиозных объединений, иных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным настоящим Федеральным законом, и описание символики указанных объединений, организаций подлежат размещению в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на сайтах федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих функции в сфере регистрации общественных и религиозных объединений, иных организаций. Указанный перечень также подлежит опубликованию в официальных периодических изданиях, определенных Правительством Российской Федерации [1].

В статье 14 говорится об ответственности должностных лиц, государственных и муниципальных служащих за осуществление ими экстремистской деятельности.

Высказывания должностного лица, а также иного лица, состоящего на государственной или муниципальной службе, о необходимости, допустимости, возможности или желательности осуществления экстремистской деятельности, сделанные публично, либо при исполнении должностных обязанностей, либо с указанием занимаемой должности, а равно непринятие должностным лицом в соответствии с его компетенцией мер по пресечению экстремистской деятельности влечет за собой установленную законодательством Российской Федерации ответственность.

Соответствующие государственные органы и вышестоящие должностные лица обязаны незамедлительно принять необходимые меры

по привлечению к ответственности лиц, допустивших действия, указанные в части первой настоящей статьи.

Профилактика экстремизма в педагогическом процессе

На сегодняшний день молодежный экстремизм выражается в пренебрежении к действующим в обществе правилам поведения, к закону в целом, появлении неформальных молодежных объединений противоправного характера. Экстремисты нетерпимы к тем гражданам России, которые принадлежат к другим социальным группам, этносам и придерживаются иных политических, правовых, экономических, моральных, эстетических и религиозных идей. Развитие молодежного экстремизма – это свидетельство недостаточной социальной адаптации молодежи, развития асоциальных установок ее сознания, вызывающих противоправные образцы ее поведения. Исходя из этого вытекают следующие направления в работе по профилактике экстремизма и терроризма в образовательном процессе:

- анализ философской, исторической, социокультурной стороны процессов, которые происходят в сфере молодежной культуры;
- необходимые государству и обществу научно-обоснованные практические рекомендации по профилактике экстремизма и терроризма;
- профилактическая работа по противодействию проявлениям экстремизма в молодежной среде;
- разработка системы профилактических мер, которая будет включать социально-культурные условия формирования толерантности в учебно-воспитательном процессе;
- совершенствование системы культурно-досуговой деятельности подрастающего поколения;
- увеличение доступных для значительной части молодежи культурных благ;
- создание авторитетных массовых общественных молодежных организаций, которые объединяют и воспитывают на положительных образцах подрастающие поколения;
- консолидация и творческая реализация личности в среде сверстников;
- усиление профессиональной подготовки молодежи, способной к реализации жизненных перспектив;

- учет профессиональной подготовки молодежи в системе профилактических мер по противодействию экстремизму в молодежной среде;
- реализация потребности личности в самоопределении, культуре межнациональном общении;

Профилактика терроризма и экстремизма проводится в образовательной системе. Данная работа по профилактике в первую очередь начинается с формирования у работников сферы образования навыков воспитания толерантного сознания у обучающихся, представлений о толерантной городской среде, идеологии и культуре толерантности. Также необходимо разработать и внедрить в учебно-воспитательный процесс комплексы образовательных программ, которые будут направлены на профилактику терроризма и экстремизма, укрепление установок толерантного сознания и поведения среди молодежи [2].

Человек становится личностью в процессе социализации. Основы воспитания он получает в семье. Следовательно, формирование мышления происходит именно в главной ячейке общества. Школа также берет на себя воспитательную функцию. В школах социальные педагоги должны брать на себя ответственность за нравственное воспитание своих учеников.

Социальный портрет экстремистов как социальной группы

Профилактическую деятельность по предотвращению появления экстремистских настроений можно классифицировать на два типа:

- работа с подростками и молодежью, у которых еще нет экстремистских наклонностей;
- работа с подростками и молодежью, у которых уже сформировалось экстремистское мировоззрение.

В первом случае такие подростки, не имеющие противозаконного настроения, будут добровольными клиентами социальной работы. Задача социальной работы с ними – создание такого толерантного мировоззрения, в котором не будет идей экстремистского начала.

Рассмотрим поведение подростков, у которых уже сформировались экстремистские взгляды, как объект социальной работы.

Экстремисты как объекты социальной работы имеют свой портрет. Так как они недобровольно приходят к социальному работнику,

они могут проявлять агрессивность; с такими ребятами сложно установить контакт, их часто называют «трудными». Они не доверчивы и могут оказывать сопротивление. В таком случае надо действовать нестандартно и демонстрировать свою полезность клиенту. В заключение надо сказать, что целью социальной работы с такими агрессивными клиентами является организация работы таким образом, чтобы снизить опасность от их непредсказуемого поведения.

О необходимости обращать внимание на терминологию

В процессе идеологической борьбы в противодействии мировоззрения экстремизма и терроризма очень важно обращать внимание на терминологию как организаций, по отношению к которой применяется понятие «экстремизм», так и по поводу мероприятий и процессов, касающихся данной проблематики.

Согласно ФЗ-114 от 25.07.2002 и ФЗ-250 от 25.12.2012 и ФЗ-236 от 21.07.2014г. экстремистской признается символика организации, признанной судом экстремистской. Так, террористическая организация, именуемая в СМИ как ИГИЛ, признана судом в РФ экстремистской. Значит, символика признается экстремистской. В символике организации присутствуют термины «исламское» и «государство». Поэтому исходя из законодательства данные слова можно признавать экстремистскими, значит, нельзя использовать в российской версии данной организации эти названия, тем более, что государством данная организация не является. Ведь государством, согласно определению Л. П. Рожковой, является «Властно-политическая организация общества, располагающаяся на определенной территории и обладающая специализированным аппаратом управления и принуждения» [3]. Таким образом, государством их нельзя называть согласно нашей теории, согласно федеральному законодательству и согласно здравому смыслу. Так же, как «исламское». Нельзя называть словом «исламское» террористическую организацию, так как весь негатив этой организации отобразится на всем исламском движении. Поэтому в русскоязычной среде рекомендуется называть террористическая организация «ДАИШ». Они сами себя так называют, поэтому в данной ситуации не следует переводить с арабского на русский из вышеназванных соображений.

Кроме того, нельзя называть «поясом шахида» взрывчатое вещество с поражающими элементами. Шахид – это праведник, который отдает жизнь за веру. А террорист, который убивает мирных граждан никак не может быть назван шахидом. Поэтому данное устройство нужно называть поясом террориста или просто взрывчаткой, но никак не поясом шахида. Эти примеры можно продолжать. Нельзя, чтобы терроризм и бандитизм возводили в ранг борьбы за веру.

Кроме данных моментов, был рекомендован еще ряд предложений, которые участники секции № 3 предложили внести в проект Резолюции, а именно:

1. Разоблачение идеологии терроризма должно носить предметный характер (Авдеев).
2. Восстановить правовую пропаганду по недопустимости терроризма (законов много, но мало кто об этом знает) (Авдеев).
3. Правоохранительными органами на фоне роста антитеррористических действий увеличить информационную открытость (много дел, много вскрытых нарушений, много обвинительных приговоров, но никто об этом не знает, и кажется, что идет потакание экстремизму) (Авдеев).
4. Необходимо гармонизировать законодательство стран ОДКБ (Абдухамитов).
5. Создать системный консультационный и методический центр сопровождения профилактики экстремизма и терроризма на базе Минобраза. (Мещерякова. Томск).
6. Разработать систему и меры, направленные на организацию образовательного воспитания и профилактического воздействия в образовательных организациях на соответствующий контингент (курсы повышения квалификации по данной тематике для проректоров по безопасности, профессоров и т. д., разработать курсы и предметы) (Тюрин, Савин).
7. В пункте 5, раздел 2 реализации соответствующей кадровой политики в образовательных учреждениях, в том числе введение должности проректора по воспитательной работе.
8. Утвердить стандарт организации воспитательной деятельности образовательных организаций высшего образования.
9. Усилить финансовое обеспечение преподавателей (Петушков. МФТИ).

В заключение хотим отметить следующее: мы выражаем надежду, что при реализации данных предложений работа в области противодействия экстремизму в молодежной среде перейдет на другой уровень.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Никодимов И. Ю.* Основные критерии систематизации функций современного государства (определение инфо-коммуникативной функции государства в системе государственных функций) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 9. – С. 216–219.
2. Выступление Голубовского В. Ю. // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века – COUNTER-TERRORISM : Первое всероссийское совещание по вопросам обеспечения комплексной безопасности вузов. – 2011. – № 2. – С. 34–36.
3. *Рожкова Л. П., Кулешова Л. И.* СССР: Историко-правовые аспекты. К 90-летию со дня образования // Закон и право. – 2015. – № 2. – С. 30–34.

УДК 329.14(430)

П. М. Рукавицын, И. В. Манохин

Рукавицын П. М., доктор политических наук, доцент,
член диссертационного совета при МГЛУ; e-mail: rpm66@mail.ru

Манохин И. В., кандидат исторических наук,
и.о. ректора МГЛУ; e-mail: manohkin@linguanet.ru

ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ И ИНТЕГРАЦИЯ ИНОСТРАНЦЕВ: МАСШТАБЫ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

В статье рассматриваются особенности иммиграционной политики Германии на современном этапе, а также комплекс проблем социально-экономического характера, связанных с интеграцией иностранцев в немецкое общество. Авторы дают оценку созданному в 2014 г. протестному движению ПЕГИДА, анализируют условия, необходимые для выхода ФРГ из кризиса, вызванного массовым наплывом беженцев.

Ключевые слова: беженцы; Евросоюз, иммиграция; Ангела Меркель; ПЕГИДА; ФРГ.

P. M. Rukavitsyn, I. V. Manokhin

Rukavitsyn P. M., Doctor of Political Science,
member of dissertation review council, MSLU;
e-mail: rpm66@mail.ru

Manokhin I. V., PhD (History), Acting president, MSLU;
e-mail: manohkin@linguanet.ru

GERMANY'S IMMIGRATION POLICY AND INTEGRATION OF FOREIGNERS: PROBLEM SCOPE AND SOLUTIONS

The article analyzes peculiarities of Germany's current immigration policy and social and economic issues associated with foreigners' integration into German society. The authors take a closer look at the PEGIDA protest movement created in 2014 and analyze conditions that would allow Germany to tackle the crisis caused by the recent massive influx of refugees.

Key words: refugees; European Union; immigration; Angela Merkel; PEGIDA; Germany.

В ФРГ ключевым событием 2015 г., во многом определившим политическую повестку дня, стал наплыв большого количества беженцев. Впервые в XXI в. их количество превысило 1 млн человек.

Такое развитие событий стало возможным в результате стечения ряда обстоятельств. Во-первых, в настоящее время количество

беженцев в мире велико как никогда – оно достигло почти 60 млн человек [15]. Значительная их часть – жертвы военных конфликтов. Многие стали экономическими беженцами. В своих странах они не видят перспективы для себя и своих детей. Как справедливо отмечает ряд исследователей, диспропорции качества жизни в развитых и развивающихся странах постоянно увеличиваются [1]. Таким образом, в будущем потоки так называемых экономических беженцев только усилятся. Развитию этой тенденции будут способствовать природно-климатические изменения в ряде регионов Африки и Ближнего Востока – заметное повышение среднесуточных температур и истощение водных ресурсов. В результате эти регионы в течение ближайших десятилетий могут стать непригодными для проживания [10].

В 2015 г. обострению проблемы политических беженцев способствовала в первую очередь эскалация конфликтов в странах Ближнего и Среднего Востока, а также Северной Африки. При этом одной из приоритетных целей сотен тысяч людей, покинувших свои дома, стали страны Европы в целом и ФРГ, в частности.

В Германии приток беженцев воспринимается двояко. С одной стороны, с 1972 г. в ФРГ начался процесс сокращения коренного населения. Численность титульной нации ежегодно уменьшается на 100–200 тыс. человек. В случае полного прекращения иммиграции к 2060 г. население сократится с нынешних 80 до 60 млн человек [12]. С учетом процесса прогрессирующего старения жителей Германии это обернется заметным увеличением нагрузки на всю систему социального обеспечения.

В этой связи в обществе сформировалось понимание необходимости увеличения числа лиц трудоспособного возраста. При сокращении титульной нации это возможно только за счет иммигрантов. Казалось бы, небывалый приток беженцев поможет решить проблему нехватки налогоплательщиков. Остается только грамотно интегрировать их в немецкое общество. И тогда дети иммигрантов станут полноценными гражданами, как это происходило, например, с тысячами поляков, в конце XIX в. переселившихся в Рурскую область для работы на угольных шахтах и металлургических предприятиях.

Но повторение успешного опыта XIX в. в современных условиях невозможно. Католики-поляки были цивилизационно близки немцам. А многие нынешние иммигранты прибывают из мусульманских стран.

И значительная их часть не собирается интегрироваться в немецкое общество. Они живут изолированными общинами. Плохо говорят по-немецки. Создают проблемы для правоохранительных органов. Часто в их отношениях с местным населением возникает заметное напряжение. Поэтому прибытие в Германию сотен тысяч беженцев, наряду с сочувствием к перенесенным ими страданиям, у многих граждан вызывает и менее позитивные эмоции.

В целом, никто не против абстрактных беженцев, которым помогают где-то в другом месте. Но когда выясняется, что приюты для их размещения будут находиться в непосредственной близости от их местожительства, некоторые совсем не экстремистски настроенные граждане ФРГ начинают борьбу за сохранение привычного уклада жизни неординарными способами. Так, в Гамбурге один чиновник, не замеченный ранее в противоправных действиях, поджег здание, в котором через некоторое время должны были разместиться беженцы. Всего в 2015 г. произошло свыше 500 нападений на приюты для беженцев. Две трети нападавших, по данным полиции, – обыватели, не связанные с правоэкстремистскими организациями [4].

В этой же связи следует упомянуть и появление в Дрездене в октябре 2014 г. движения ПЕГИДА (Патриотические европейцы против исламизации Запада). Почти еженедельно его сторонники проводят демонстрации. Численность участников обычно составляет несколько тысяч человек. Официально движение выступает за равномерное распределение беженцев по странам Евросоюза, прекращение доступа в Германию иммигрантов с криминальным прошлым. Но де-факто оно способствует нагнетанию в немецком обществе негативных настроений по отношению к выходцам из стран третьего мира.

Вслед за ПЕГИДОЙ в ФРГ во многих городах начали возникать аналогичные объединения – ЛЕГИДА (в Лейпциге), НЮГИДА (в Нюрнберге) и т. д. Организационно эти движения не связаны между собой. Их объединяет общая цель – изменение иммиграционной политики Германии.

Основной причиной создания антиисламских движений во многих городах ФРГ стала реакция среднестатистического гражданина на угрозу, которую, по его мнению, иммигранты создают для сложившегося в Германии образа жизни. Одновременно появление движений – это и серьезный упрек немецким властям в целом, и А. Меркель

в частности в неспособности решать насущные для страны проблемы. Ведь в Германии, в отличие от других стран Запада, до сих пор не создана система привлечения высококвалифицированных иностранцев, с одной стороны, и максимального ограничения числа «экономических беженцев» – с другой. Именно эта категория иммигрантов под видом политических беженцев в настоящее время продолжает массово проникать на территорию ФРГ, внося тем самым немалый вклад в разжигание антииммигрантских настроений в обществе.

В качестве признака слабости власти следует расценивать и то обстоятельство, что в Германии серьезный анализ причин возникновения ПЕГИДЫ, с подачи А. Меркель, фактически оказался подменен обвинением сторонников движения в ненависти к иностранцам и в их связях с ультраправыми. В новогодних обращениях канцлера Германии накануне 2015 и 2016 гг. она говорила об опасности ПЕГИДЫ и недопустимости ее поддержки. Из лидеров парламентских партий только председатель СДПГ З. Габриэль встречался с представителями данного движения. Несмотря на то, что он сделал это как частное лицо, а не как политик федерального масштаба, его поступок был подвергнут всеобщей критике.

Таким образом, вместо серьезного анализа политическая элита ФРГ занимается самообманом. Подвергая ПЕГИДУ уничтожающей критике, она надеется таким образом решить проблему народных протестов против исламизации Германии. То есть вместо того, чтобы бороться с причинами явления, она борется с их последствиями.

Следует отметить, что политическая элита ФРГ, столкнувшись с увеличением количества иностранцев в стране, продемонстрировала некоторую растерянность. Проблема постоянно обостряется. Общее число иностранцев и их потомков (в Германии для их обозначения используется термин «лица с миграционным прошлым») растет и на сегодняшний день составляет около 20 % населения [7. с. 27]. При этом значительное их число, в первую очередь мусульмане, не интегрируются в немецкое общество.

Иллюстрацией общей растерянности стала и позиция федерального канцлера. Сначала она говорила о мультикультурализме – сосуществовании и взаимном обогащении различных культур. Затем отказалась от этой концепции [2]. Аналогичной непоследовательностью отмечено и ее отношение к выдвинутому бывшим президентом

ФРГ К. Вульфом тезису о том, что ислам является частью Германии. Сначала она прохладно отнеслась к этой мысли, но затем поддержала к тому времени досрочно покинувшего свой пост К. Вульфа. И сделала это вопреки мнению большинства населения. По данным социологических опросов, 83 % немцев считают, что ислам не соответствует их культуре [16].

В ситуации с беженцами обычно подчеркнуто сдержанная Ангела Меркель повела себя излишне эмоционально. В сентябре 2015 г. она приняла решение о пропуске в Германию тысяч беженцев, скопившихся на территории Венгрии. Меркель сделала ставку на решение проблемы в масштабах Евросоюза. Но она переоценила степень своего влияния на партнеров по ЕС. Многие из них прохладно отнеслись к предложению немецкого канцлера о распределении беженцев по странам Евросоюза в соответствии с установленными для каждой страны квотами. А венгерский премьер-министр В. Орбан вообще назвал сложившуюся ситуацию «немецкой проблемой» [3].

Обращаясь к населению Германии, А. Меркель выступила с лозунгом «Мы справимся!». Этот лозунг сделал ее кумиром среди беженцев, но привел к явному снижению поддержки у собственных избирателей. Более того, коллеги по правящей коалиции, однопартийцы, представители власти на местах, – все они на протяжении нескольких месяцев критиковали позицию федерального канцлера по данному вопросу. Председатель Христианско-социального союза Х. Зеехофер открыто назвал решение председателя правительства ошибкой [9]. 44 депутата фракции ХДС/ХСС в бундестаге обратились к Меркель с письмом, в котором заявили о том, что страна находится на пределе своих возможностей. В этой связи, по мнению авторов письма, необходимо привести практику приема беженцев в соответствие с действующим законодательством [6]. Но наиболее жесткую оценку действиям федерального канцлера дал бывший министр юстиции Саксонии Ш. Хайтман. Он вышел из рядов ХДС и в открытом письме А. Меркель отметил, что возглавляемая ею правящая коалиция в период национального кризиса оказалась недееспособной. По мнению Хайтмана, даже во времена существования ГДР он не чувствовал себя настолько чужим в собственной стране [14].

Столь эмоциональная реакция людей, на практике сталкивающихся с последствиями иммиграционной политики федерального

правительства, вполне объяснима. Они видят смену настроений в германском обществе, произошедшую во второй половине 2015 г. Если беженцев, прибывших из Венгрии в сентябре 2015 г., встречали с цветами, то затем отношение к ним изменилось. При этом важным этапом изменений стали события, произошедшие в Кёльне в новогоднюю ночь 2016 г., где обвиняемыми в массовых домогательствах и кражах, происходивших на площади перед зданием главного вокзала, были выходцы из стран Ближнего Востока и Северной Африки.

Это событие стало еще одним звеном обострения криминогенной обстановки в Германии. В настоящее время этнические преступные группировки контролируют целые районы ряда городов ФРГ. Например, в Дуйсбурге, Эссене или Гельзенкирхене полиция вообще остерегается посещать такие районы [11]. Этнические группировки контролируют торговлю наркотиками, занимаются рэкетом. В Берлине, например, на долю нескольких ливанских группировок приходится до 40 % преступлений, регистрируемых в сфере организованной преступности [8]. Воспользовавшись ростом числа беженцев, этнические преступные группировки стали активнее рекрутировать среди них новых членов. Заметно ухудшается криминогенная обстановка в местах расположения приютов. Там растет количество мелких краж, грабежей, изнасилований, что, естественно, вызывает возмущение у местных жителей.

Рост преступности, связанный с наплывом беженцев, заставил главу Федерального ведомства криминальной полиции признаться, что при сохранении таких темпов иммиграции его подчиненным долго не продержаться [13]. С такой нагрузкой не справляются и другие ведомства. В административных судах, например, из-за недостатка судей месяцами лежат апелляции иммигрантов, которым было отказано в получении статуса беженца.

Следует отметить, что к концу 2015 г. не работала в нормальном режиме даже федеральная система учета беженцев. Каждая земля ФРГ ведет свой учет. При этом единые стандарты не разработаны, базы данных не объединены ни на федеральном, ни на общеевропейском уровне [15]. Всё это создает условия для различного рода злоупотреблений.

Таким образом, на сегодняшний день в Германии фактически не решена проблема успешной интеграции проживающих в ФРГ иностранцев в немецкое общество. Долгое время ведущие политические

партии страны тешили себя иллюзиями мультикультурализма. Но затем данная позиция была официально признана ошибочной. Тем не менее эффективной системы интеграции иностранцев до сих пор так и не создано. Более того, Германия на сегодняшний день не имеет и продуманной иммиграционной политики. Не создан соответствующий современным реалиям механизм привлечения в страну необходимых немецкой экономике иностранцев. В этом отношении ФРГ безнадежно проигрывает многим странам Запада. На глобальном рынке труда идет ожесточенная борьба за высококвалифицированные трудовые ресурсы. И позиция аутсайдера в этой борьбе оборачивается для немецкой экономики серьезными потерями.

Положения Конституции ФРГ о предоставлении политического убежища всем нуждающимся в нем приводят к массовым злоупотреблениям. В результате Германия превратилась в приоритетную цель для всех беженцев, оказавшихся на территории ЕС. При этом кризисная ситуация, сложившаяся в ФРГ в данной области в 2015 г., высветила еще одно обстоятельство исключительной важности. Мир становится всё более взаимозависимым. И попытки отгородиться от глобальных проблем, замкнуться в рамках своих национальных границ обречены на неудачу. На сегодняшний день Германия еще не полностью рассталась со статусом «экономического гиганта и политического карлика». Ограниченность ее суверенитета, постоянное следование в фарватере американской внешней политики, как показывает опыт 2015 г., неизбежно будут приводить к серьезным издержкам, вплоть до острых внутриполитических кризисов.

У обозначенной проблемы нет простого и быстрого решения. Германии предстоит пройти долгий и нелегкий путь. Но начинать необходимо с достижения общенационального консенсуса по вопросам иммиграционной политики и интеграции иностранцев. Но только на национальном уровне эта проблема не может быть решена. А. Меркель права, настаивая на разработке общеевропейских подходов к решению проблемы беженцев. Неспособность сформулировать и реализовать единую стратегию в данном вопросе может негативно отразиться на будущем Евросоюза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Касюк А. Я.* Направления глобализации в мире и в России // Вестник МГЛУ (Общественные науки). – 2015. – № 2 (713). – С. 57.

2. *Рукавицын П. М.* Сохранение национальной идентичности странами Запада в условиях этнодемографического вызова // Вестник МГЛУ (Исторические и политические науки). – 2012. – № 25 (658). – С. 229.
3. *Amann M.* Die Schutzpatronin // Der Spiegel. – 2015. – № 40. – S. 28.
4. Angriffe auf Flüchtlingsheime: gefährliche Angst. – URL : http://www.spiegel.de/panorama/justiz/angriffe-auf-fluechtlingsheime-warum-die-angst-gefaehrlich-ist-a-1059118.html
5. *Bartsch M.* Am Rand // Der Spiegel. – 2016. – № 3. – S. 23.
6. Brandbrief zur Flüchtlingspolitik: 44 Unionsabgeordnete gegen Merkel. – URL : http://www.spiegel.de/politik/deutschland/fluechtlingskrise-44-unions abgeordnete-unterschreiben-merkel-brief-a-1072732.html
7. *Buschkowsky H.* Die andere Gesellschaft. – B. – 2014. – 302 S.
8. *Elflein C.* Anarchie auf den Straßen // Focus. – 2015. – № 42. – S. 34.
9. *Goffart D.* “Wir schaffen das” – und damit basta? // Focus. – 2015. – № 39. – S. 25.
10. Klimawandel und Umweltzerstörung: die Wüsten werden wachsen, die Menschen fliehen. – URL : http://www.spiegel.de/wissenschaft/natur/fluecht linge-klimawandel-und-wassermangel-verschaerfen-gefahr-a-105 9195.html
11. *Kutzim J.* NRW in höchster Not. – URL : http://www.focus.de/politik/deutschland/politik-und-gesellschaft-nrw-in-hoechster-not_id_4850396.html
12. *Maxwill P.* Zuwanderer in Deutschland: Deutsche halten sich für tolerant. – URL : http://www.spiegel.de/politik/deutschland/zuwanderung-nach-deutsch land- kaum-willkommenskultur-im-osten-a-1021807.html
13. *Münch H.* Nach Deutschland, nur um Straftaten zu begehen // Focus. – 2015. – № 45. – S. 23.
14. Protest gegen Flüchtlingspolitik: Sachsens Ex-Justizminister verlässt CDU. – URL : http://www.spiegel.de/politik/deutschland/sachsen-steffen-heitmann-tritt-aus-cdu-aus-a-1065760.html
15. Rekordzahlen: fast 60 Millionen Menschen weltweit auf der Flucht. – URL : http://www.spiegel.de/politik/ausland/fluechtlinge-fast-60-millionen-menschen-weltweit-auf-der-flucht-a-1065849.html
16. *Zick A.* Adorno hätte seine Freude // Der Spiegel. – 2015. – № 3. – S. 37.

УДК 343.6

Н. В. Румянцев, О. И. Мальчук

Румянцев Н. В., доктор юридических наук,
проректор по кадровой, воспитательной работе
и безопасности МГЛУ; e-mail: rumyantsev.n@linguanet.ru

Мальчук О. И., доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения
наказаний, подполковник внутренней службы;
e-mail: Molga.77@yandex.ru

РАЗВИТИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ДРЕВНИХ ВРЕМЕН ДО XX ВЕКА

В статье речь идет о процессе формирования оперативно-розыскной деятельности в советское время.

Ключевые слова: защита территорий; нормативные акты; оперативная деятельность.

N. V. Rumyantzev, O. I. Malchuk

Rumyantzev N. V., PhD (Doctor of Law), Vice-Rector, MSLU;
e-mail: rumyantsev.n@linguanet.ru

Malchuk O. I., PhD (Doctor of History), Federal Penitentiary Service of Russia
Research Institute of the Penal System, Principal investigator,
Lieutenant-Colonel of Internal Service; e-mail: Molga.77@yandex.ru

THE DEVELOPMENT OF OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE ACTIVITIES FROM ANCIENT TIMES UNTIL 20th CENTURY

This article is about the process of formation of operational and investigative activities in the Soviet era.

Key words: protection areas; regulations; the operational activities.

Впервые о разведывательной деятельности как предшественнице существующей сегодня оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) говорится в книгах Священного Писания: и Нового, и Ветхого Завета. Упоминание отдельных элементов ОРД можно также найти и в Библии.

Так, во второй книге Царств речь идет об оперативно-розыскном мероприятии (далее – ОМР), а также прослеживается пример организации царем Давидом конфиденциального содействия.

С античных времен центром разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности был агентурный метод, т. е. симбиоз способов и возможностей централизованного поведения агентов и оперативных сотрудников по определению важной информации и документированию действий путем установления или развития доверительных отношений с ее носителями.

Первым античным источником, говорящем о том, что конфидентов использовали в отношениях между государствами в качестве заложников, является дощечка с древними иероглифами, которая была обнаружена на территории Сирии и относилась к XIII в. до н. э. На ней царь одного государства информирует царя другого, что он отпустил его заложников, согласно уговору, но плату за это до сих пор не получил [5].

Военный теоретик Китая (автор трактата «Искусство войны»), в своей работе особое значение придавал разведывательной деятельности. Он говорил, что работа с агентурой требует строжайшей тайны и что необходимо не просто их наличие, но и умелое использование. Важное значение он придавал подбору лиц, представляющий оперативный интерес и сбору информации. В этой связи Сунь-Цзы классифицировал агентов на пять категорий: туземные, внутренние (агенты в стране противника из числа его граждан), обращенные (двойственные или перевербованные агенты), невозвратимые (или диверсанты) и прижившиеся (разведчики), составляющие организованную конспиративную систему.

Важную роль в формировании оперативного метода внес царь-завоеватель Митридат Понтийский (I в. до н. э.), по сохранившейся информации, он сам неоднократно выступал в роли секретного осведомителя. Архивы характеризуют Митридата Понтийского как человека сомневающегося, жесткого и хитрого. Его информаторы постоянно действовали на многих азиатских территориях Рима и Греции.

Большинство работ философа Геродота, которые можно отнести к 480 г. до н. э., также говорят об использовании древними греками приемов и методов ОРД. Царь Александр Македонский и Ганнибал также часто использовали оперативную работу для получения информации [7]. В архивах можно найти упоминания о наличии у Ганнибала закрытой информации о соглядатаях, которых он засылал в лагерь своих противников.

Чингисхан также активно пользовался конфиденциальной информацией. Различные хитрости, приемы перевоплощения, выступая

в роли конфидента, использовал Субудай. Шпионов держал при себе прусский король Фридрих II. Он также разрабатывал рекомендации по приобретению источников информации и их использованию в зависимости от конкретной категории. Весьма эффективно использовал приемы и методы ОРД и американский президент Джордж Вашингтон.

В XVIII в. руководство полиции во Франции Ленуар и Сартин усовершенствовали методы ОРД, чем многократно увеличили число лиц, предоставлявших информацию об уголовных преступлениях.

Успешно сочетал сыскные функции штатного сотрудника с деятельностью тайного конфидента яркий представитель сыска Э. Видок. Организовав специальное подразделение из числа бывших преступников, он эффективно раскрывал многие преступления.

Благодаря легендарному наполеоновскому министру полиции Ж. Фуше получили развитие организация, тактика и методики ОРД. Была создана хорошо организованная и разветвленная сеть конфидентов.

Говоря о действенности конфиденциального содействия со стороны женского пола, впервые в оперативной деятельности был сделан акцент на использование для конфиденциального сотрудничества со спецслужбами женщин патриархом секретной службы Германии В. Штибером, который подбирал их из числа обслуживающего персонала (буфетчицы, служанки, горничные). До настоящего времени ученые, занимающиеся естественными науками, не могут ответить на вопрос, когда же в современном понимании появились оперативно-розыскные мероприятия, кто их проводил с какой целью. Можно уверенно сказать, что первые действия, связанные с розыском, появились с момента зарождения человечества. Можно утверждать, что ими стали опрос, наблюдение как наиболее простые действия, но и самые необходимые в повседневной жизни. Тем не менее их нельзя назвать оперативно-розыскными мероприятиями в том смысле, который вкладывается в это понятие сейчас.

С образованием государства одними из его главных обязанностей стали защита территории, выявление и противостояние внешним угрозам и своевременное выявление таких угроз. Необходимо отметить, что оперативно-розыскная работа – вид деятельности, который осуществляется гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов.

Первоначально потребность в оперативно-розыскной деятельности была обусловлена социальной необходимостью борьбы с преступностью. Суть данного вида деятельности изначально связывали с осуществлением общеуголовного розыска. В ОРД средством выявления истины является аналитическая работа. Она объединяет в себе оперативно-розыскную диагностику, оперативно-розыскную идентификацию, оперативно-розыскное прогнозирование как основные формы деятельности.

В советское время становлению ОРД предшествовал так называемый переходный период, связанный с буржуазно-демократической революцией в России. В этот период Временное правительство отменило некоторые царские нормативные акты (например, Положение о контрразведывательных отделениях, Наставление по контрразведке в военное время) [4]. Была упразднена политическая полиция и жандармерия, но военная контрразведка продолжала существовать. Сыскные отделения были переданы в подчинение Министерству юстиции.

По нашему мнению, правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности в советское время можно разделить на несколько этапов.

Первый этап (середина 1918–1927 гг.) был связан с возникновением и становлением ОРД. В начале своей деятельности органы ВЧК не имели своего агентурного аппарата. Официально он начал создаваться после решения Президиума ВЧК в феврале 1918 г. и только к концу 1918 г. органы ВЧК начали осуществлять внутреннее агентурное наблюдение в партиях, организациях, группах и на особо важных объектах.

До октября 1918 г. не было центрального аппарата уголовного розыска, а руководство оперативно-розыскными органами осуществляли местные советы. В 1922 г. уголовный розыск был выделен из органов милиции. В дальнейшем органы уголовного розыска неоднократно подвергались реорганизации.

Оперативная работа в это время регулировалась с классовых позиций и интересов рабочего класса и крестьянства. В законодательстве происходило закрепление основ организации и тактики ОРД. За основу были взяты царские инструкции негласного розыска [8].

Анализ исторических документов показал, что практически до середины 1918 г. негласная работа ничем не регламентировалась и проводилась на основе «революционного сознания».

В июле 1917 г. было создано Управление уголовного розыска. Розыск и следствие велись в рамках общего суда и местного самоуправления. Эти структуры действовали до образования уголовно-сыскных аппаратов, которые входили в состав НКВД.

Второй этап (1928–1953) можно назвать периодом реакции и ее господства при осуществлении ОРД. Необходимо отметить, что правовое регулирование ОРД было перенаправлено и подчинено целям и задачам карательно-репрессивной политики государства на фоне усиления влияния диктата И. В. Сталина в коммунистической партии и государстве, а также фактическом подчинении органов безопасности интересам одной личности [2].

Великая Отечественная война (1941–1945) и «холодная война» (1946–1989) оказали большое влияние на содержание ОРД. В этот период произошло окончательное формирование и закрепление в законодательстве положений, направленных на политическое преследование и проведение «чистки», что привело к игнорированию требований нормативных актов о прокурорском надзоре за негласной работой.

Среди нормативных документов, регулирующих ОРД в рассматриваемый период, необходимо отметить Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 февраля 1941 г. «О разделении Наркомата внутренних дел СССР на два наркомата» [5]. В указанном документе были изложены правомочия НКГБ по осуществлению ОРД. На НКГБ возлагались следующие задачи: ведение разведывательной работы за границей; борьба с подрывной, шпионской, диверсионной, террористической деятельностью иностранных разведок на территории СССР; оперативная разработка и ликвидация остатков антисоветских партий и контрреволюционных формирований среди различных слоев населения СССР; охрана руководителей партии и правительства.

Правовая неурегулированность проведения оперативно-розыскных мероприятий сыграла свою роль в ходе массовых репрессий, наблюдавшихся в России в 1930–1950 гг. Оперативные сообщения и результаты оперативно-розыскных мероприятий в виде справок иногда подшивались в уголовные дела и являлись основанием для вынесения смертного приговора. Известные советские генералы и маршалы уже после окончания Великой Отечественной войны были отправлены в тюрьму, многие из них расстреляны за антисталинские высказывания, записанные с помощью подслушивающих устройств.

Третий этап (1954 г. – середина 1970-х гг.) связан с постепенным отказом от практики закрепления произвола при осуществлении ОРД. Постановлением ЦК КПСС СССР «Об органах МГБ» 1953 г. Органы Государственной Безопасности отделили от ОВД [3]. В сентябре 1953 г. Особое Совещание при МВД СССР было ликвидировано.

Большое влияние на характер правового регулирования ОРД оказало проведение широкой амнистии большой группы осужденных за общеуголовные преступления, в связи со смертью И. В. Сталина, борьба с политическим бандитизмом в ряде западных областей страны (Западная Украина, Прибалтика и др.) и проведение судебно-правовой реформы конца 1950-х – начала 1960-х гг. На этом этапе произошло формирование двух различных нормативно-правовых ведомственных течений (МВД СССР и КГБ при СМ СССР).

Важными чертами и особенностями данного этапа являются формирование двух различных нормативно-правовых ведомственных платформ (в МВД и КГБ при СМ СССР), предназначенных регулировать их деятельность.

Статья 29 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик закрепила правила об обязанностях органов дознания по осуществлению оперативно-розыскных мер, отказ от нормативного закрепления тотального беззакония, характерного для предыдущего периода правового регулирования ОРД, а также нормативно-правовое закрепление попыток законодателя возродить вневедомственный надзор за законностью оперативно-розыскных мер, принимаемых органами дознания.

В период четвертого этапа (середина 1970-х гг. – август 1991 гг.) стабилизируется правовое регулирование ОРД и ведется подготовка для внесения изменений по ее правовой регламентации. Точкой отсчета данного периода выбран отрезок времени между принятием в МВД СССР Наставления по агентурной работе милиции (1974) и в КГБ при СМ СССР Инструкции «Об оперативном учете в органах государственной безопасности» (1977) [1].

К субъектам ОРД в этот период относятся ОВД и последовательно КГБ при Совете Министров СССР, КГБ СССР и Межреспубликанская служба безопасности.

Следует отметить, что после создания в середине 1970-х гг. «фундаментальных правовых основ агентурной работы», ее правила

существенно не менялись на протяжении более чем десятилетия, хотя в этом была объективная необходимость.

Среди особенностей данного периода следует выделить:

– ведомственную разобщенность правового регулирования сыскной работы и большое количество внутриведомственных нормативных документов, по-разному регулирующих схожие ситуации при осуществлении ОРД;
– отсутствие единой нормативной базы по регулированию работы, связанной с получением и проверкой различных сигналов о преступлениях;
– закрепление нормативных положений об осуществлении оперативно-розыскных мероприятий в различных законодательных актах.

Можно заметить, что историко-правовая характеристика становления оперативно-розыскной деятельности в советский период представляется целесообразной и необходимой.

История становления и развития субъектов ОРД в России рассматривается в неразрывной связи с историей становления и развития российской государственности. Следовательно, основные периоды развития правового регулирования ОРД в основном совпадают с этапами формирования российской государственности.

Что касается современного периода развития ОРД в России, то его можно назвать наиболее значительным среди всех периодов в отечественной истории правовой регламентации ОРД. Причем этапом, который характеризуют качественные изменения ее правового регулирования. Началом данного периода можно считать принятие Верховным Советом Закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» [6], который стал первым в современной российской истории нормативным документом высшей юридической силы, публично регулировавшим секретную работу правоохранительных органов и спецслужб России, в том числе органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания. Этот Закон определял унифицированные правила для всех без исключения государственных органов, наделенных правом осуществлять ОРД.

Закон давал определение ОРД; определял ее цели, задачи и принципы; устанавливал правовую основу ОРД; предусматривал ряд гарантий соблюдения прав и свобод личности в ОРД; устанавливал перечень

оперативно-розыскных действий, основания и условия их проведения; определял основания и элементы порядка производства материалов оперативной проверки, а также использования результатов ОРД.

Закон также содержал исчерпывающий перечень государственных органов, правомочных осуществлять ОРД, их основные обязанности и права, а также определял меры по правовой и социальной защите должностных лиц таких государственных органов. Принципиальным положением Закона являлось также закрепление в нем предписаний по основам содействия лиц органам, осуществляющим ОРД. С принятием Закона правовое регулирование ОРД было переведено в качественно новый режим.

Принятый Закон создавал реальные предпосылки для:

– формирования новой отрасли российского законодательства в области ОРД;
– признания реальности уголовно-розыскного права – отрасли российского права, нормами которой регулируются специфические (как правило негласные) общественные отношения в оперативно-розыскной, контрразведывательной и частной сыскной деятельности, возникающие в связи с совершением преступления и необходимостью осуществления соответствующих процедур.

Следующим этапом современного периода развития ОРД следует принять ныне действующий Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» .

В законы были внесены изменения:

– расширены задачи ОРД;
– дополнен и расширен перечень оперативно-розыскных мероприятий;
– конкретизированы основания проведения ОРМ;
– установлено судебное разрешение на проведение ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, а также осуществляемых безотлагательно;
– введен новый порядок рассмотрения судом таких материалов;
– скорректированы положения закона, регламентирующие использование результатов оперативно-розыскной деятельности; установлен порядок передачи оперативно-розыскных материалов органу дознания, следователю или в суд;

– конкретизированы права граждан, содействующих органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность;
– расширены положения в части прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью: определен круг сведений, которые не входят в предмет прокурорского надзора.

В заключение необходимо отметить, что факт позднего законодательного оформления ОРД и то, что лишь в 1994 г. она была признана Высшей аттестационной комиссией в качестве научной специальности, говорят о недавно появившейся теории оперативно-розыскной деятельности и ее перспективности. И лишь в начале XXI в. более активно стали использовать информационные технологии для сбора, анализа и сохранения конфиденциальной информации о лицах и фактах, представляющих интерес для разведки, контрразведки и сыскной работы, а прошедший многовековые испытания агентурный метод остается одним из эффективных средств борьбы с посягательствами на интересы государства, конституционные права и свободы граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. академика А. Н. Яковлева ; сост. В. Наумов, Ю. Сигачев. М.: МФД, 1999 – С. 365–373. – (Россия. XX век. Документы). АПРФ, ф.2, оп. 2, д. 198, лл. 10–14.
2. *Кудрявцев В. Н., Трусов А. И.* Политическая юстиция в СССР. –2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Российская Академия Наук ; МГУ им. М. В. Ломоносова ; Наука ; Юридический центр «Пресс», 2002. – 385 с.
3. Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991 : справочник / под ред. академика А. Н. Яковлева ; авт.-сост. : А. И. Кокурин, Н. В. Петров. – М. : Международный фонд «Демократия», 2003. – 768 с. – (Россия. XX век. Документы).
4. *Мальчук О. И.* Советское уголовное законодательство 20–30-х гг. XX в. по защите порядка управления // Геополитический журнал. – 2016. – № 2 (14). – С. 24–33.
5. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова, А. Ю. Шумилова. – 2-е изд., доп. и перераб. – М. : ИНФРА-М, 2004. – 848 с.
6. *Шахматов А. В.* Правовое регулирование содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность : дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1999. – 230 с.

7. *Юдин Е. Г.* Некоторые вопросы истории развития оперативно-розыскной деятельности и ее правой основы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2006. – № 5. – С. 14–21.
8. *Яковец Е. Н.* Теоретические основы аналитической работы в сфере оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : монография. – М., 2005. –162 с.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Выпуск 3 (742)

Редактор Е. М. Евдокимова
Компьютерная верстка: Ю. Л. Герасимова
Дизайн обложки: А. Г. Проскуряков

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 27.01.2016
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 11,8
Заказ № 1439

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru